

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 7

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 7

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

Москва 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ

Вып. 4

Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина

Москва 2018

УДК 904(470.62)
ББК 63.443.22(235.73)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Рецензенты:
доктор исторических наук А.А. Масленников
доктор исторических наук С.Ю. Внуков

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда О.В. Дерипаски «Вольное Дело»

Ф21 Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В.Д. Кузнецова. Материалы по археологии и истории Фанагории. Том 7, вып. 4. Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. М.: Институт археологии РАН. – 2018. – 164 с., илл.

ISBN 978-5-94375-249-0

Книга представляет собой издание материалов Фанагорийской экспедиции ИА РАН, полученных в результате многолетних раскопок на территории столицы Азиатского Боспора. В публикуемых статьях анализируются различные аспекты археологии и истории Фанагории.

ISBN 978-5-94375-249-0

© Институт археологии РАН, 2018
© Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Фанагория», 2018
© Авторы статей, 2018
© АИ «Историко-культурное наследие Кубани», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

М.Г. Абрамзон
Два перипла из Фанагории в Восточное Средиземноморье (по данным позднеэллинистических кладов) 6

Н.В. Александрова
Два письма из Фанагорийской экспедиции: 1937 и 1939 гг. 31

А.Н. Ворошилов
Воинское захоронение с плетью из Фанагории 39

О.М. Ворошилова
О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. 56

Л.А. Голофаст, Е.В. Добровольская
Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории 77

А.А. Завойкин
Торговые связи Фанагории по керамической таре и археологическая периодизация «Верхнего города» (6–3 вв. до н.э.) 91

Н.В. Завойкина
Новая посвятельная надпись из Фанагории 106

В.Д. Кузнецов
Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) 117

Н.А. Павличенко
Астрагал с именем Каллигена из Фанагории 136

И.В. Тункина, Е.Г. Застрожнова, О.В. Шаров
Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории 142

Список сокращений 156

Указатели 159

М.Г. Абрамзон

ДВА ПЕРИПЛА ИЗ ФАНАГОРИИ В ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ (по данным позднеэллинистических кладов)

1. Позднеэллинистические клады из Фанагории и «клады перипла» из Леванта – свидетельства морской торговли с западом Малой Азии

В настоящей статье предпринята попытка реконструкции маршрутов двух торговых плаваний в начале 1 в. до н.э. от порта Фанагории к центрам Эгеиды, Западной и Южной Анатолии и Леванта по нумизматическим данным – группам мелких бронзовых монет приморских городов и островов Восточного Средиземноморья в фанагорийских кладах 2003 и 2007 гг.¹ На противоположном краю ойкумены – в Ашкелоне (Израиль) – был найден позднеэллинистический клад (СН 9, 548), почти синхронный фанагорийским, также с мелкими бронзовыми монетами близкого ряда центров чеканки и выпусками Птолемеев и Селевкидов, собранными во время плавания корабля² по тому же самому морскому пути вдоль побережья Западной и Южной Анатолии, который использовали и фанагорийцы. Кроме того, из Тира происходит еще один клад, содержавший монеты городов побережья Западной и Южной Анатолии от Мраморного моря до Финикии.³

Монеты запада и юга Малой Азии крайне редко встречаются на Боспоре, то же самое касается и Израиля. Поэтому весьма сомнительно чтобы столь пестрые наборы мелких бронзовых монет были собраны в каком-то одном пункте. Принято считать, что мелкие бронзовые монеты выпускались только для локального обращения и редко циркулировали за пределами места их чеканки.⁴ Отсюда они, бесспорно, могли быть собраны только в тех портах, где останавливалось судно. Обсуждение с д-ром Д. Ариэлем (Israel Antiquities Authority, Coin Department) составов боспорских и левантских кладов, включающих монеты близкого ряда процветающих приморских городов Западной и Южной Анатолии и Леванта, привело нас к заключению, что это неслучайное совпадение, отражающее экономические контакты и морскую торговлю двух разных уголков ойкумены с данными центрами.

В 2003 г. на юго-восточной хоре Фанагории (античное поселение Солёный 3) был найден огромный клад боспорских монет 4–1 вв. до н.э. (ок. 15 000 экз.), зарытый около 88/87 г. до н.э., который включал 17 или 18 мелких бронзовых монет Афин, Эретрии, Амиса, Синопы, Александрии Троадской, Хиоса, Митилены, Родоса, Калхедона (?) (выпуск Пруссия I) и Тира (выпуск Селевка IV).⁵

Второй крупный клад (7902 экз.) того же времени был найден на ближней хоре Фанагории, около античной усадьбы 2013–11 в 2007 г.

¹ Абрамзон 2013; Abramzon, Kuznetsov 2014, 139–192; Абрамзон, Кузнецов 2013, 75–107; 2015.

² Gitler, Kahanov 2002, 259–268; 2008, 385–395.

³ Sheridan 1971.

⁴ Gitler, Kahanov 2008, 391 (с библиографией).

⁵ Абрамзон, Кузнецов 2013, 77, рис. 2; 99–100; 2015, 58–84.

В него входили 20 мелких бронзовых монет Гераклеи Понтийской, Лампсака, Митилены, Колофона, Эфеса, Иаса, Баргиилии, Книда, Минда, Коса, Родоса, Ликийской Лиги и выпуск Птолемея II Филадельфа.⁶

У нас нет сомнений в том, что иноземные монеты поступили в фанагорийские клады не по одиночке, но одновременно, компактами группами. Во-первых, все они происходят из одного региона и представляют только самые мелкие номиналы местной бронзы, большей частью родосского стандарта, распространенного на западе Малой Азии.⁷ Среди них есть и незарегистрированные типы, не обращавшиеся за пределами рынка, для которого они предназначались.⁸ Во-вторых, кроме данных кладов монеты большинства представленных в них центров на Боспоре в эллинистический период до сих пор не встречались – ни в комплексах, ни поодиночке.⁹ Конечно, неизвестно, каким образом обе группы привозных монет оказались в двух фанагорийских кладах, но несомненное сходство этих комплексов с кладами из Тира и Ашкелона дают нам возможность полагать, что и обе партии монет из фанагорийских кладов также могли быть собраны их владельцами, совершившими в начале 1 в. до н.э. морские путешествия вдоль западного и южного побережья Малой Азии (а далее в Левант) и традиционно посетившими те же процветающие торговые приморские города, монеты которых попали в клады из Финикии и Израиля.

Нумизматические источники и ранее привлекались для реконструкции маршрутов морских путешествий в рассматриваемом регионе.¹⁰ Недавно в специальной литературе даже появился специальный термин «*periplus hoard*», употребляемый для характеристики кладов, включавших монеты прибрежных центров Восточного Средиземноморья, собранные во время следования корабля от порта к порту. Один из таких кладов, например, ассоциируется с периплом протяженностью 900 км – от порта Кизика в Мраморном море и до Тира в Финикии. Комплекс включал доалександровское мелкое серебро монетных дворов, расположенных вдоль побережья между данными портами.¹¹

Другой яркий пример такого комплекса представляет упомянутый выше позднеэллинистический клад из Ашкелона 1988 г. – важное свидетельство морской торговли между Западной Анатолией и Южным Левантом.¹² Клад содержит 46 мелких бронзовых и одну серебряную монету Теоса, Самоса, Коса, Книда, Родоса, Ликийской Лиги (долины р. Ксанф с Патарой как морским портом), Сиды, Пафоса (выпуск Птолемея), Антиохии Селевкии и Тира (выпуски Селевкидов). Эти города расположены вдоль хорошо известного морского пути. Многие из тех древних портов используются по сей день. Издатели клада отмечают, что античные торговые и военные корабли регулярно плавали вдоль западного и южного побережий Турции и близлежащих островов; они полагают, что монеты этих городов были собраны членом команды корабля, плывшего от Теоса вдоль западного берега Малой Азии по пути к Кипру и Финикии до Ашкелона, куда он прибыл около 100 г. до н.э. Корабли этого периода заходили во множество портов, а матросы были вовлечены в то, что называют «частной торговлей моряков»,

⁶ Абрамзон, Кузнецов 2013; 2015, 94–316; Abramzon, Kuznetsov 2014.

⁷ Кроме выпусков Птолемея II (неизвестный малоазиатский двор) и Селевка IV (Тир), принадлежащих к финикийскому стандарту, а также Афин (афинская клерухия на Делосе) и Лампсака, относящихся к аттическому стандарту.

⁸ Точно такую же ситуацию отражает и клад из Ашкелона, в котором есть новые типы монет Теоса и Книда. Эти монеты могли быть получены только в том месте, где их чеканили (Gitler, Kahanov 2008, 392).

⁹ Исключение составляют только единичные находки эллинистических монет Афин, Родоса, Хиоса и Гераклеи Понтийской и, конечно же, широко распространенная понтийская медь митридатовского времени.

¹⁰ Sheridan 1971; Gitler, Kahanov 2002; 2008.

¹¹ Sheridan 1971.

¹² Gitler, Kahanov 2002, 268.

Рис. 1.
Карта Восточного Средиземноморья с портами и монетными дворами,
выпуски которых найдены в кладе из Ашкелона 1988 г.

и стремились извлечь личную выгоду во время путешествия. В различных портах владелец клада мог заработать несколько местных медяков, которые намеревался потратить на обратном пути.¹³ Так, монеты из Ашкелонского клада, по-видимому, собрал некто с корабля, курсировавшего по маршруту из Ионии, где находится Теос, вдоль береговой линии Анатолии до Ашкелона. Общая протяженность данного морского маршрута с севера на юг составила более 1400 км. Археологические и литературные свидетельства подтверждают активность и живучесть данного торгового пути (рис. 1).

При всем огромном расстоянии, разделяющем Фанагорию и Ашкелон, найденные в них клады, о которых идет здесь речь, тесно связаны как одним и тем же географическим диапазоном представленных в них центров чеканки, так и близкими датами. Кроме того, все три клада содержат только мелкие местные бронзовые чеканки (за исключением серебряного диобола Сиды в Ашкелонском кладе и серебряного выпуска Пантикапея в Фанагорийском кладе 2007 г.). Для всех трех комплексов характерен хронологический разрыв в триста-двести лет между самой старшей и самой младшей монетами, что отражает особенности денежного обращения как в центрах западного побережья Малой Азии¹⁴, так и на Боспоре в эллинистическое время: часть монет 4–3 вв. до н.э. продолжала обращаться вместе с денежной массой 2 – начала 1 в. до н.э. Наконец, эти клады из совершенно противоположных уголков ойкумены связаны с одним из главных рынков морской торговли – западным побережьем Малой Азии и близлежащими островами Архипелага, переживавшим расцвет в позднеэллинистический период.

¹³ Например, на борту корабля, затонувшего на мелководье около кибуца Мааган Михаэль в 30 км от Хайфы, было найдено несколько декоративных деревянных коробочек и маленьких керамических сосудиков, которые могут быть интерпретированы как предметы «торговли моряков» в бартере, принимаемом командой во время плавания вдоль побережья (Gitler, Kahanov 2008, 392).

¹⁴ Издатели Ашкелонского клада также отметили факт необычного хронологического распределения монет в комплексе, ведущий к заключению, что ок. 100 г. до н.э. в городах и на островах западного побережья Малой Азии одновременно обращались монеты, выпущенные с конца 4 по начало 1 в. до н.э. (Gitler, Kahanov 2008, 392).

Таблица 1. Монеты Эгеиды, Южной Анатолии и Леванта в кладах из Фанагории и Ашкелона

Монетные дворы	Ашкелон, 1988 г.	Фанагория, 2003 г.	Фанагория, 2007 г.
Афины (афинская клерухия на Делосе)	–	1	–
Эретрия	–	2	–
Калхедон? (Прусий I)	–	1	–
Гераклея Понтийская	–	–	1
Лампсак	–	–	1
Теос	1	–	–
Самос	18	–	–
Колофон	–	–	1
Эфес	–	–	1
Хиос	–	1	–
Александрия Троадская	–	1	–
Митилена	–	1	3
Родос	12	1	2
Кос	5	–	3

Книд	1	–	3
Иас	–	–	1
Баргилия?	–	–	1
Минд	–	–	1
Сида	1	–	–
Ликийская Лига	5	–	1
Сарды	1	–	–
Антиохия	1	–	–
Пафос	1	–	–
Тир	2	1	–
Птолеми	1	–	1

Имеются примеры и более ранних восточно-средиземноморских кладов, содержащих монеты приморских городов и островов Западной и Южной Малой Азии и Леванта, собранные во время плавания торговцев. Полагаю, что именно таким образом формировалась часть крупного клада из Ликополя (IGCH 1644), зарытого ок. 475 г. до н.э., которая объединяет последовательно монеты приморских центров и островов Западной и Южной Малой Азии от Мисии до Памфилии и Кипра (Парий, Лампсак, Абидос, Лесбос, Хиос, Клазомены, Теос, Милет, Самос, Кос, Книд, порты Родоса (Камир, Линд, Иалис), Карпаф, Ликия, Фаселида, порты Кипра (Идалий, Лапаф, Пафос (?), Саламин) и т.д.). Таким образом, этот ряд центров чеканки отражает морской маршрут от Мраморного моря до Египта.

Клад из Бубастиса (IGCH 1645) также включает часть, которая, возможно, является свидетельством торгового плавания из Синопы в Египет с остановками в портах Теоса, Хиоса, Самоса, Карпафа, Родоса (Камир), Ликии, Фаселиды, Кипра (Саламин).

2. Морские пути в Эгеиде и Восточном Средиземноморье: литературные и археологические свидетельства

Имеются литературные свидетельства о морских путях, которыми пользовались владельцы упомянутых кладов из Фанагории, Ашкелона и Тира, – периплы, представляющие жанр древней документации, не совсем литературный в точном значении, описывающий маршруты плаваний в разных аспектах, но в основном, в связи с целью морской торговли.¹⁵ Прежде всего, Страбон сообщает наиболее точные сведения о морских стоянках, удобных гаванях, рынках, портовых городах перипла с указанием расстояний между пунктами в стадиях. В других литературных источниках упоминаются плавания из южного Леванта до южного побережья Понта, причем засвидетельствованы не только маршруты, по которым курсировали корабли, но и продолжительность морских путешествий. Так, например, Иосиф Флавий (ЖА. 16, 2; 5) описывает морское путешествие царя Ирода, совершенное около 14 г. до н.э.

¹⁵ Яркий пример литературы подобного жанра представляет один из самых известных периплов – «Перипл Эритрейского моря» (Periplus Maris Erythraei), созданный в 1 в. н.э. греческим купцом или капитаном. См. Casson 1989.

для встречи с Марком Агриппой, который, посетив царя в его столице, отправился на Боспор (Фракийский). Флот Ирода проплыл из Кесарии мимо Родоса и Коса к Лесбосу, где должна была произойти их встреча, но северный ветер не позволил царскому кораблю войти в гавань Митилены, и тот простоял несколько дней у Хиоса. Далее его путь шел к Византию, но флот Ирода смог нагнать Агриппу только уже возле Синопы. Оттуда они вместе оправались сухопутным путем через Пафлагонию, Каппадокию и Великую Фригию в Эфес, а затем морем – на Самос, где расстались, и Ирод вернулся в Кесарию через несколько дней, благодаря попутному ветру (Jos. JA. 16, 5). Таким образом, в «Иудейских древностях» описан хорошо известный морской маршрут из Палестины до Синопы мимо Родоса, Коса, Лесбоса, Хиоса и Византия,¹⁶ по которому плыли и фанагорийцы в противоположном направлении – от Синопы до Палестины.

В *Деяниях апостолов* описаны морские маршруты путешествий апостола Павла во второй трети 1 в. н.э. Так, во время первого миссионерского плавания Павел посетил порты Селевкии, Саламина и Пафоса на Кипре, Перги и Атталии (Деяния 13:4–5, 13; 14:26). Второе путешествие перечисляет последовательно плавания в Троаду, Самофракию, Фессалонику, гавань Кенхреи у Коринфа, оттуда – в Сирию с остановками в Эфесе и Кесарии (Деяния 16:11; 17:13–14; 18:18–22). Во время своего третьего путешествия апостол отправился морем из Филипп в Троаду, затем в приморские города – Асс, Митилену, Хиос, Самос, Трогиллий, Милет; проплыв мимо Эфеса, он посетил Кос, Родос и Патару, в порту которой пересел на корабль, идущий в Финикию мимо Кипра, и прибыл в Тир, Птолемаиду-Акко и Кесарию (Деяния 20:6, 13–16; 21:1–3; 7–8).

Позднее Павел был доставлен в Рим на корабле, который плыл из Кесарии через Сидон к Кипру, откуда он направился в Миру (Миры Ликийские), в порту которой его пересадили на александрийский корабль, плывущий в Италию через Книд (Деяния 21:1–7). Следовательно, перечисленные порты постоянно использовались кораблями, регулярно курсировавшими в этих водах.¹⁷

В письмах Цицерона описано направление маршрута, продолжительность переходов и даже риски (погода, валкость родосских беспалубных судов и т.д.) известного морского маршрута из Афин в Эфес с остановками на Делосе, Кеосе, Гиаросе и Самосе (Cic. Att. V. 12–13). Цицерон пишет Аттику письма как в портах, так и непосредственно на корабле, сетуя на ненадежность родосских судов, не терпящих волнения. Плавание только из Афин на Делос заняло пять с лишним дней.

Археологические свидетельства морских маршрутов представляют около десятка затонувших у берегов Израиля кораблей с грузом амфор Хиоса, Коса, Книда, Родоса, Курия на Кипре и предметами «бартера» – мелкой торговли, которой занимались по пути моряки. Эти кораблекрушения подтверждают информацию о подъеме торговли Родоса и других центров Западной Малой Азии с Левантом во второй половине 2 в. до н.э.¹⁸

¹⁶ Gitler, Kahanov 2008, 394.

¹⁷ Ibid., 394 (подробно о поездках Павла).

¹⁸ Ibid., 393–395.

Между тем усиление экономического и политического влияния Родоса в этот отрезок времени также очевидно и для Боспора на другом конце ойкумены, что показывают, в частности, данные по растущей динамике объема его амфорной тары в слоях поселений, а также монетное дело Фанагории и Горгиппии, имитирующих родосские монетные типы.¹⁹ Монеты не фигурируют в периплах, однако привозные деньги, найденные при раскопках важных приморских центров противоположных концов ойкумены, без сомнения являются свидетельствами путешествий из самых отдаленных ее пунктов и морской торговли между ними, и Фанагория в данном случае не представляет исключения (см. ниже).

3. Перипл из Фанагории в Эгеиду и Левант

В Фанагорийский клад 2003 г. входили 17 или 18 бронзовых монет Афин, Эретрии, Амиса, Синопы, Калхедона (?) (выпуск Прусия I), Александрии Троадской, Хиоса, Митилены, Родоса и Тира (выпуск Селевка IV). Половину привозных монет (8 или 9 экз.) составляли тетрагалки Синопы и Амиса, датируемые Фр. де Каллатаем ок. 95–90 гг. до н.э.²⁰, которые массово обращались на Боспоре вследствие унификации денежного обращения Боспора и Понта при Митридатe VI²¹ и вовсе не обязательно могли быть привезены вместе с остальными иноземными монетами. Однако вторая половина привозных монет, безусловно, была собрана во время морского путешествия из Фанагории в Левант в тех портах, где последовательно останавливался фанагорийский корабль. Хронология наиболее поздних иноземных монет в кладе позволяет датировать путешествие временем около 100–90 гг. до н.э. (рис. 2).

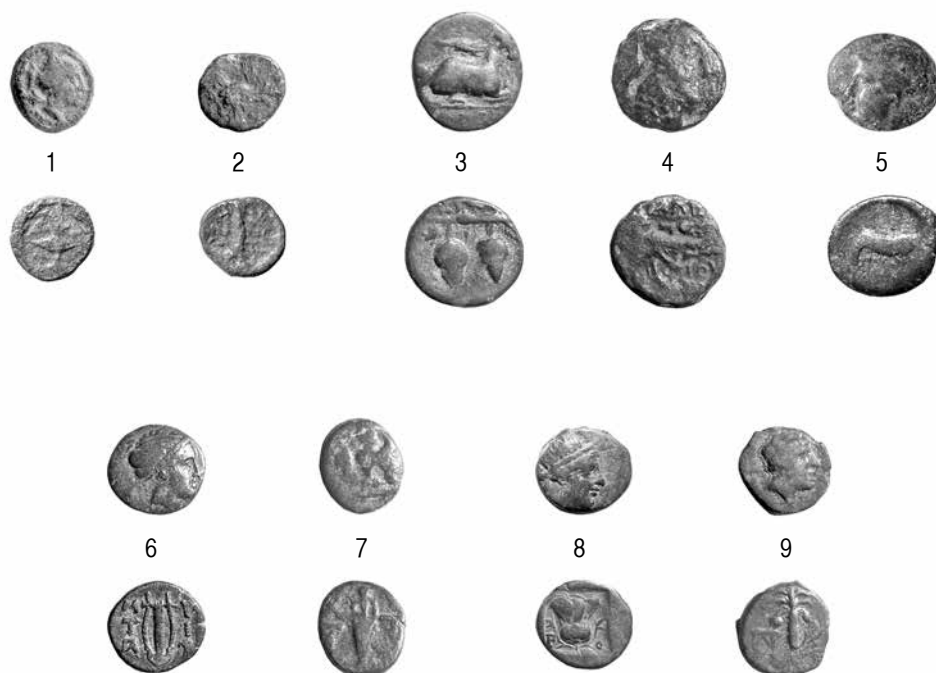

Рис. 2.
Монеты центров Эгеиды
и Восточного Средиземноморья
из Фанагорийского клада 2003 г.

Каталог монет Эгеиды и Восточного Средиземноморья из клада 2003 г.²²

АФИНЫ

Ок. 140–90 гг. до н.э.

- 1 *Л.с.* Голова Артемиды вправо; на плече колчан. Точечный ободок.
О.с. Племохойя внутри оливкового венка; Α–Θ–Ε.
1.38 г 12 мм.
Kroll 1993, 77, no. 104a-b.

Данный выпуск, несомненно, предназначен для обращения на Делосе (см. ниже), где находилась афинская клерухия.

ЭРЕТРИЯ

Ок. 369–336 гг. до н.э.

- 2 *Л.с.* Голова быка в фас.
О.с. Осьминог.
1.36 г 12 мм.
BMC 8, 96, no. 21.

Ок. 196–146 гг. до н.э.

- 3 *Л.с.* Лежащий бык вправо; сверху пшеничный колос; внизу [Μ]ΑΝΤΙ[ΔΩΡΟΣ].
О.с. Виноградная лоза с двумя гроздьями; сверху [ΕΡΕΤΡΙ].
2.51 г 15 мм
SNG Greece 3, 855–856.

ВИФИНСКОЕ ЦАРСТВО

Ок. 229–183 гг. до н.э.

- 4 *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке вправо.
О.с. Колчан и лук; [ΒΑ]ΣΙΛΕ[ΩΣ] / ΠΡΟΥΣΙΟΥ.
2.71 г 15 мм Прусий I Калхедон?
SNG von Aulock I 250; *SNG Cop.* 4 628.

АЛЕКСАНДРИЯ ТРОАДСКАЯ

3–2 вв. до н.э.

- 5 *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке влево.
О.с. Пасущаяся лошадь влево; сверху ΑΛΕΞ, внизу монограмма не видна.
2.15 г 15 мм
BMC 17, 9, no. 84, pl. III. 10; *Hunt. Coll.* II, 290, no. 2.

²² В список не включены 8 или 9 тетрахапков Синопы и Амиса типа «Арес/меч», поскольку неизвестно, сколько из них принадлежало каждому из данных центров.

МИТИЛЕНА

Ок. 350–250 гг. до н.э.

- 6 Л.с. Голова Афродиты вправо.
 О.с. Лира; ΜΥΤΙ; слева , справа голова орла.
 1.91 г 13 мм
 BMC 17, 190, no. 64.

ХИОС

Ок. 133–88 гг. до н.э.

- 7 Л.с. Сфинкс сидит влево на плоской линии обреза; впереди гроздь винограда.
 О.с. Амфора; слева ΧΙΟ[Σ]; справа [ΑΡ]Γ[ΕΙ]Ο[Σ]?
 1.11 г 12 мм
 Mavrogordato 1918, 167–168, no. 68, pl. VI. 20; Kroll 1993, 271, nos. 944k–m.

РОДОС

Начало 2 – начало 1 вв. до н.э.

- 8 Л.с. Голова Родос в лучевой короне и stefanii, вправо.
 О.с. Внутри вдавленного квадрата роза с веточками; в поле Ρ–Ο.
 1.91 г 12 мм
 SNG Cop. 5 860–862; SNG Keckman 702–720.

Подобный плинтофор присутствует и в Ашкелонском кладе 1988 г.

СЕЛЕВКИДЫ

180/179 г. до н.э.

- 9 Л.с. Голова царя в диадеме вправо.
 О.с. Пальма с плодами, слева ΓΑΡ (133 сел. э.). [ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ].
 1.72 г 13 мм Селевк IV Тир
 SNG Israel I 917.

В кладе из Ашкелона (1988 г.) также присутствует дилептон, выпущенный в Тире от имени кого-то из Селевкидов около 198–126 гг. до н.э.

Таблица 2. Хронологическое распределение привозных монет в кладе 2003 г.

№	Монетный двор	Описание	Дата	Литература
1	Эретрия	Бычья голова/осьминог	Ок. 369–336 гг. до н.э.	BMC 8, 96, no. 21
6	Митилена	Афродита/лира	Ок. 350–250 гг. до н.э.	BMC 17, 190, no. 64
4	Калхедон (?)	Голова царя/лук и колчан	Ок. 229–183 гг. до н.э.	SNG von Aulock I 250
5	Александрия Троадская	Аполлон/лошадь	3–2 вв. до н.э.	BMC 17, 9, no. 84
3	Эретрия	Бык/гроздь винограда	Ок. 196–146 гг. до н.э.	SNG Greece 3 855–856
9	Тир	Голова царя/пальма	180/179 г. до н.э.	SNG Israel I 917
8	Родос	Родос/роза	Нач. 2 – нач. 1 в. до н.э.	SNG Cop. 5 860
7	Хиос	Сфинкс/амфора	Ок. 133–88 гг. до н.э.	Kroll 1993, 944k–m

Общая протяженность морского маршрута с севера на юг, от Фанагории до Тира, составила более 3150 км.²³ Географический диапазон центров чеканки, представленных в кладе, предполагает следующую реконструкцию маршрута путешествия из Фанагории в Тир, который был конечным пунктом путешествия (или начальным, если это было плавание финикийского корабля на Боспор). Поскольку всего менее двух десятков монет городов данного перипла оказались среди почти 8000 боспорских монет, можно утверждать, что все же это было путешествие фанагорийца – владельца огромного клада боспорской меди, в который была брошена собранная по пути горсть монет центров, в порты которых заходил корабль. Из Фанагории его путь лежал к южному побережью Понта, с заходом в порты Амиса и Синопы (в кладе присутствовали 8 или 9 тетрахапков этих центров типа «Арес/меч»), а далее – через Пропонтиду и Геллеспонт – по хорошо знакомому маршруту вдоль западного побережья Малой Азии.

Монета Пруссия I в кладе свидетельствует о стоянке судна в одном из портов Вифинии. Поскольку медь Пруссия I чеканили четыре монетных двора – Никомедия, Калхедон, Апамея и Вифиний²⁴, из которых только первые два находились на побережье, следует, что корабль делал остановку в каком-то из них, предпочтительнее – в Калхедоне у южного выхода из Боспора Фракийского, поскольку давние боспорские связи с этим центром подтверждены эпиграфическими документами.

Далее следовала остановка в Александрии Троадской, что подтверждает присутствие монеты этого полиса в кладе, а затем – стоянки в Митилене на Лесбосе и на Хиосе (в кладе имеются монеты и этих центров).

От Хиоса фанагорийское судно, по-видимому, направилось к Эретрии – самому крупному городу на Евбее после Халкиды (Strabo X. 1, 8): в кладе присутствуют две монеты Эретрии. Ранние торговые связи Фанагории с Евбеей прослеживаются на археологических материалах, например, по редким фрагментам керамики Халкиды.²⁵

После Евбеи следовала остановка на Делосе, о чем свидетельствует присутствие в кладе мелкой бронзовой афинской монеты типа «голова Артемиды/племохойя, АΘΕ»²⁶, выпускавшегося для афинской клерухии на Делосе.²⁷ Дж. Кролл датирует данный выпуск временем около 140–90 гг. до н.э. и отмечает, что находки целого ряда таких монет при раскопках Делоса оставляют мало сомнений в том, что этот вариант меди чеканился для обращения на острове.²⁸ На Тамани зарегистрированы и другие находки монет типа «голова Артемиды/племохойя», например, на поселении Виноградный 2.²⁹ Кроме того, на поселении Старотитаровская 17³⁰ найдена бронзовая афинская монета того же времени типа «цикада/амфора»³¹, который также часто встречается на Делосе.³² Последний тип соседствует с понтийскими тетрахапками 95–90 гг. до н.э. в огромном кладе митридатского времени из района Горгиппии и Новороссийска, разошедшемся по рукам.

Вопрос о происхождении боспорских находок мелких афинских монет типов «Артемиды/племохойя» и «цикада/амфора» в контексте

²³ Этот морской маршрут используется и в настоящее время. См. Sea route & distance. <http://ports.com/sea-route/>.

²⁴ BMC 13, xli, note 4.

²⁵ Лосева 1956, 164–167.

²⁶ BMC 11, 90, nos. 644–648, pl. XV. 14; Hunt. Coll. II, 75, nos. 216–217; Kroll 1993, 77, nos. 104a, 104b.

²⁷ Kroll 1993, 66.

²⁸ Ibid., 77.

²⁹ Розов 2014, 275, рис. 1. 3; 277, 292, № 3.

³⁰ Там же, 275, рис. 1. 4; 277, 292, № 4.

³¹ Kroll 1993, 79, nos. 108a-f, pl. 10. 108a-f; SNG München 273–274.

³² IGCH 324; Destrooper-Georgiades 2001, 172, tabl. 3.

традиционных связей в период эллинизма Боспора с Делосом (превратившимся в крупнейший центр транзитной торговли после 146 г. до н.э.³³), детально рассматривался В.Н. Розовым, который также полагает, что они связаны скорее с Делосом, чем с Афинами.³⁴

Кроме того, предположение, что маршрут путешествия в самом начале 1 в. до н.э. шел не через Афины, а именно через Делос, подкрепляется тем фактом, что уже к концу 2 в. до н.э. торговые связи Северного Причерноморья с Афинами, сократившиеся уже в предшествующее время, по-видимому, постепенно прекращаются вовсе.³⁵ Делосско-боспорские же торговые связи в эллинистический период³⁶ были не менее интенсивными, чем афинские: на Делосе активно оперировали боспорские купцы, о чем свидетельствуют эпиграфические источники³⁷, а бронзовые пантикапейские монеты митридатовского времени зарегистрированы при раскопках на острове.³⁸ Обращает на себя внимание также и то, что в материалах раскопок на афинской Агоре нет боспорских монет позднее последней четверти 3 в. до н.э.³⁹

Таким образом, присутствие в таманских находках афинской меди, обращавшейся на острове, можно прямо связывать с делосской торговлей. В любом случае, монеты афинской клерухии на Делосе могли попасть в фанагорийский клад и на Тамань непосредственно с острова только до начала I Митридатовой войны: в 88 г. до н.э. Делос был разграблен Митридатом, а затем возвращен римлянами Афинам после взятия его Суллой.

Логично полагать, что от Делоса путь шел через Наксос (или мимо него) к Родосу: в эллинистическое время этот маршрут так же был хорошо знаком фанагорийцам, о чем свидетельствует находка бронзовой монеты Наксоса 3 в. до н.э. в бугре пола монументального общественного здания, раскопанного в Фанагории в 1938 г.⁴⁰ Остановка в порту Родоса отмечена в фанагорийском кладе бронзовым плинтофором, синхронным серии серебряных плинтофоров, выпускавшейся с 170-х по 84 г. до н.э.⁴¹, или со времени около 190 г. до н.э.⁴²

Отсутствие в кладе монет южного побережья Малой Азии говорит о том, что дальнейший маршрут фанагорийского судна не пролегал в этом углу Средиземноморья. Кратчайший путь от Родоса к Финикии идет через Пафос на Кипре, порт которого был одним из самых посещаемых.⁴³ Монета Пафоса присутствует в Ашкелонском кладе, близком по представленному в нем ряду центров к фанагорийским кладам. Находка кипрской монеты 141–167 гг. н.э. на поселении Тамань 14 в окрестностях Гермонассы⁴⁴ свидетельствует о сохранении торговых связей таманских центров с Кипром в римский период.

Наконец, дилептон Тира маркирует конечный пункт путешествия фанагорийского судна. Между тем нумизматические данные свидетельствуют, что боспорские связи с Левантом уходят и дальше на юг, в Израиль: из раскопок Мирмекия, например, происходит медная монета Иудей⁴⁵ 103–37 гг. до н.э., а из фондов ВКИКМЗ – гемихалк Арада 140-х гг. до н.э.⁴⁶ Эпиграфические документы из Фанагории и Пантикапея свидетельствуют о существовании в этих центрах иудейской общины уже в первой половине – середине 1 в. н.э.⁴⁷ (рис. 3).

³³ Страбон (X. 5, 4) сообщает, что «купцы, ведущие заморскую торговлю, направлялись на Делос, так как их привлекала туда свобода от налогов и повинностей, которой пользовалось святилище, и удобство гавани». Здесь находился и большой рынок, способный продать за день десятки тысяч рабов. Страбон отмечает также, что отсюда пошла и поговорка: «Купец, приставай и выгружай корабль, все продано» (Strabo XIV. 5, 2; перевод Г.А. Стратановского).

³⁴ Розов 2014, 278.

³⁵ Брашинский 1963, 157–163.

³⁶ Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 261. О почетном декрете Делоса в честь пантикапейца Койрана см. Граков 1939, 255.

³⁷ Гайдукевич 1949, 89.

³⁸ Hackens 1970, 395, F 411–413, pl. 67.

³⁹ Ср. Kroll 1993, 173, no. 432.

⁴⁰ Пахомов 1959 (VIII), 7, № 1899.

⁴¹ Jenkins 1989, 101, 105.

⁴² Ashton 2001.

⁴³ Страбон (I. 2, 33) приводит строку из Сапфо, где Пафос назван удобной гаванью.

⁴⁴ Розов 2014, 294, № 12.

⁴⁵ Зограф 1952, 377, № 2506.

⁴⁶ ВКИКМЗ, инв. № КН-7275. Тип: ВМС 26, 17–18, pos. 121, 127–128, 131, 135–139.

⁴⁷ Даньшин 1993, 59–72.

4. Морской путь от Фанагории к побережью Ликии

Другой фанагорийский клад (2007 г.) позволяет проследить маршрут еще одного плавания из Фанагории в самом начале 1 в. до н.э., поскольку он включает два десятка монет из тринадцати или четырнадцати центров, в портах которых останавливался фанагорийский корабль по пути следования вдоль побережья Малой Азии от Гераклеи

Рис. 3.
Карта с реконструкцией
морского маршрута из Фанагории
в Тир с центрами, монеты которых
найжены в Фанагорийском кладе 2003 г.

Понтийской до Ликий, один из портов которой был, по-видимому, конечным пунктом морского путешествия из Фанагории. Общая протяженность морского маршрута от Фанагории до Патары, составила около 2600 км (рис. 4).

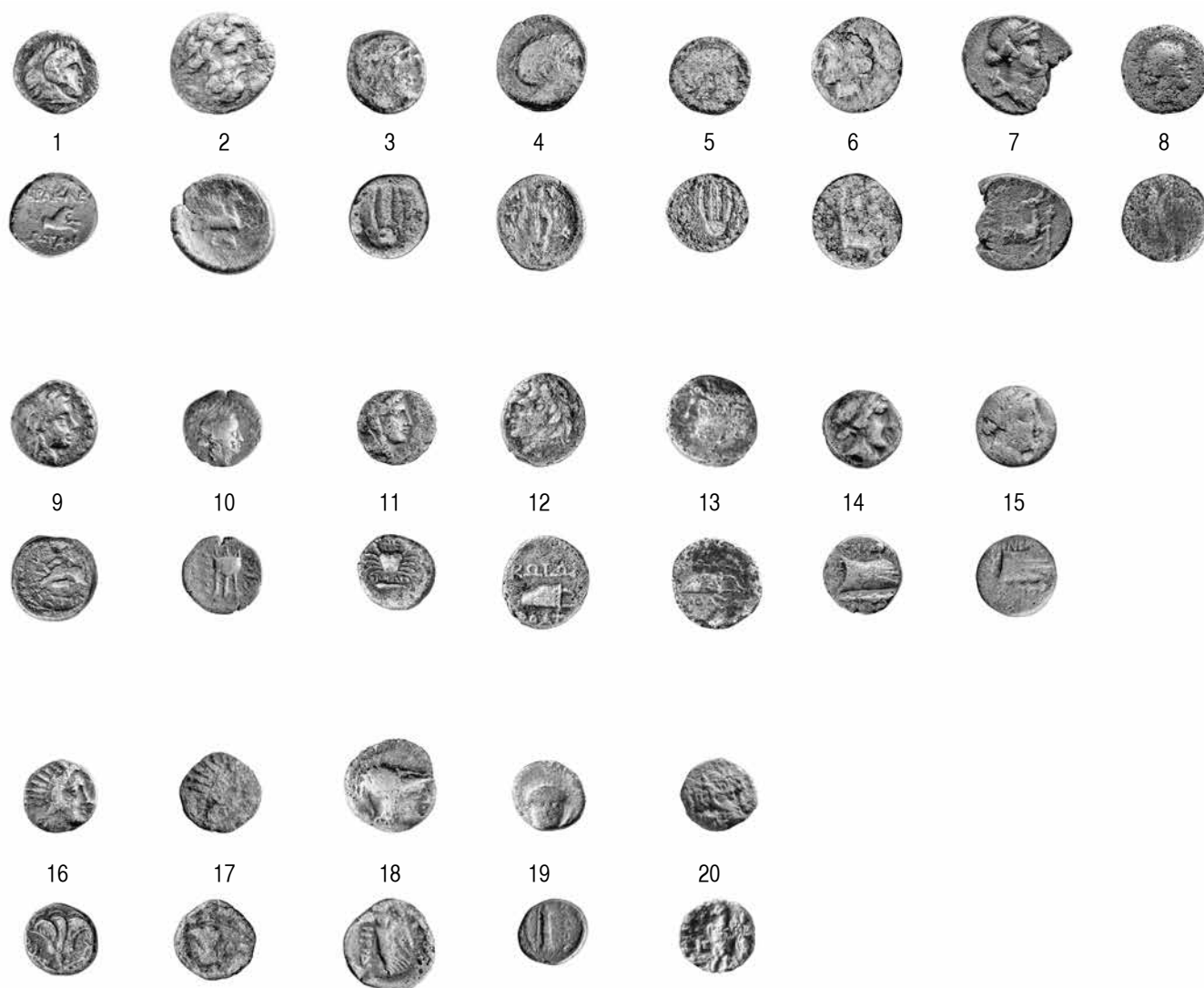

Рис. 4.
Привозные монеты
из Фанагорийского клада 2007 г.

Каталог иноземных монет из клада 2007 г.

ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ

3–2 вв. до н.э.

- 1 Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо.
О.с. Протома льва вправо; $\text{HEPAK\Lambda E\Omega T\Lambda N}$.
1.76 г 13 мм
SNG BM I 1628.

ЛАМПСАК

4–3 вв. до н.э.

- 2 Л.с. Бородатая мужская голова в лавровом венке вправо (Зевс или Посейдон?).
О.с. Протома Пегаса вправо; внизу дельфин; ΛΑΜ.
2.80 г 15 мм
SNG von Aulock I 1301; IV 7403.

МИТИЛЕНА

Ок. 350–250 гг. до н.э.

- 3–5 Л.с. Голова Афродиты вправо; волосы в сфендоне.
О.с. Лиры, слева кошелек или пилеус, справа монограмма; ΜΥΤΙ.
2.25 г 13 мм BMC 17, 189, no. 51.
1.64 г 12 мм О.с. Слева монограмма, справа неопределенный символ; ΜΥΤΙ.
BMC 17, 191, no. 92.
1.35 г 15 мм О.с. Слева неопределенный символ, справа монограмма.
Ср. SNG Ashmolean 1558?

КОЛОФОН

Ок. 389–350 гг. до н.э.

- 6 Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке влево.
О.с. Лира; по сторонам легенда не сохранилась.
1.71 г 15 мм
BMC 14, 38, no. 15.

ЭФЕС

Ок. 258–202 гг. до н.э.

- 7 Л.с. Задрапированный бюст Артемиды вправо; на плече лук и колчан.
О.с. Протома коленопреклоненного оленя вправо; голова повернута назад;
слева вертикально [...]ΕΛΛ[...]?; по сторонам в поле Ε–Φ; справа в поле пчела.
2.84 г 16 мм
BMC 14, 60, no. 120.

БАРГИЛИЯ?

1 в. до н.э.

- 8 Л.с. Голова Афродиты Книдской вправо. Точечный ободок.
О.с. Горит и лук; легенда не видна.
1.99 г 14 мм
BMC 18, 71, no. 5?

ИАС

Ок. 250–190 гг. до н.э.

- 9 Л.с. Голова Аполлона вправо. Точечный ободок.
О.с. Гермий и дельфин плывут вправо; сверху [ΙΑ]; внизу меч (?) и ΕΣΓΙΑ?
Вокруг плющевый венок.

3.42 г 13 мм

Ср. *BMC* 18, 125, nos. 10–11; *Ireland* 2000, 787–788.

Такой же дополнительный символ под дельфином на реверсе см. *CNG Elec. Auc.* 212 (6/2009), lot 78. <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=9340>.

МИНД

2–1 вв. до н.э.

- 10** *Л.с.* Голова Аполлона в лавровом венке вправо. Точечный ободок.
О.с. Треножник; ΜΥΝΔΙΩΝ.
1.29 г 12 мм
BMC 18, 138, nos. 42–44.

КОС

Ок. 366–300 гг. до н.э.

- 11** *Л.с.* Голова Деметры (?) в покрывале вправо.
О.с. Краб, внизу [Ο]ΡΘΑΓ[Ο] и палица;верху ΚΩΙΩΝ.
1.64 г 12 мм
BMC 18, 196, no. 33.

Ок. 190–166 гг. до н.э.

- 12–13** *Л.с.* Голова юного Геракла в львиной шкуре влево.
О.с. Лук в горите;верху ΚΩΙΩΝ, внизу ΑΡΘΑΓΟ.
1.83 г 13 мм
1.61 г 14 мм ΑΡΘΑΓΟΣ?
BMC 18, 204, no. 115.

КНИД

Ок. 250–210 гг. до н.э.

- 14–15** *Л.с.* Голова Афродиты вправо.
О.с. Прора вправо, под ней палица вправо, слева трезубец;верху ΚΝΙ и голова барана влево;внизу магистратское имя не видно.
1.83 г 12 мм
1.98 г 12 мм *О.с.* Слева кадуцей;верху ΚΝΙ;внизу [ΜΟΙΡΙΧ?].
Ср. *BMC* 18, 93, no. 63.

РОДОС

Ок. 205–188 гг. до н.э.

- 16–17** *Л.с.* Голова Гелиоса в лучевой короне вправо.
О.с. Роза с веточками; Ρ–Ο.
1.81 г 11 мм
1.02 г 12 мм
SNG Keckman 607–616.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ДВОР

2–1 вв. до н.э.

- 18 *Л.с.* Голова Афины в коринфском шлеме вправо.
О.с. Ника идет влево; справа этникон не различим, слева вертикально НΡΟΔΟ.
 2.28 г 14 мм

Мы полагали ранее, что это не изданная книдская монета⁴⁸. Книд чеканил данный тип в начале 1 в. до н.э., но с круговой легендой и другими именами на реверсе.⁴⁹ На экземпляре из клада легенда расположена вертикально по сторонам от Ники; состояние экземпляра не позволяет прочесть этникон слева, справа – имя магистрата НΡΟΔΟ[С]. Известен другой книдский номинал того же времени с типом: гроздь винограда на реверсе и имя – НΡΩΔΗΣ.⁵⁰ Возможно, оба номинала чеканены одним магистратом, Геродом. Однако выпуск может принадлежать совсем не Книду, а другому монетному двору.

ЛИКИЙСКАЯ ЛИГА

После 168 г. до н.э.

- 19 *Л.с.* Голова Аполлона в фас.
О.с. Лук и горит; вверху ΛΥΚΙΩΝ.
 1.15 г 11 мм
ВМС 19, 38, no. 1.

ПТОЛЕМЕИ

Ок. 290–260 гг. до н.э.

- 20 *Л.с.* Голова Александра Великого с рогом Амона,
 с длинными волосами, в диадеме, вправо.
О.с. Орел с раскрытыми крыльями на молниях влево; слева в поле ΚΕ;
 [ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ].
 1.04 г 11 мм Птолемей II Филадельф Монетный двор 7.
ВМС 6, 10, nos. 85–87; *Svoronos* 1904, 345a.

Малоазийские центры составляли одну из важнейших групп монетных дворов, чеканивших деньги для Птолемеев. При этом малоазийская группа дворов производила только временные выпуски для Птолемея I и Птолемея II.⁵¹ Р.С. Пул полагал, что целая серия дворов могла относиться не к Кипру, Финикии, Киренаике или Египту, но хотя бы частично – к Малой Азии. Эту конъектуру подтверждают помещенные на монетах хорошо известные монограммы Милета, а также другие монограммы, принадлежащие морским доминионам Птолемея II Филадельфа. Если эта атрибуция правильна, то чеканка должна была частично осуществляться Филадельфом, поскольку Птолемей I не имел возможности в течение продолжительного времени чеканить деньги в Малой Азии. И. Своронос уверенно отнес данный тип к чеканке Птолемея II Филадельфа, которая осуществлялась, по мнению Д. Вольфа, на Монетном дворе 7 с неустановленной локализацией.⁵²

⁴⁸ Абрамзон, Кузнецов 2015, 139.

⁴⁹ ΕΥΒΩΛΟΣ и ΤΕΛΕΣΙΠΠΟΣ. См. *ВМС* 18, 96, nos. 90–91.

⁵⁰ *ВМС* 18, liii.

⁵¹ *ВМС* 6, xiv.

⁵² Wolf 2013, 91.

Таблица 3. Хронологическое распределение привозных монет в кладе 2003 г.

№	Монетный двор	Описание	Дата	Литература
6	Колофон	Аполлон/лира	Ок. 389–350 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 14, 38, no. 15
11	Кос	Деметра/краб	Ок. 366–300 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 196, no. 33
3–5	Митилена	Афродита/лира	Ок. 350–250 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 17, 190, no. 64
2	Лампсак	Зевс/протома Пегаса	4–3 вв. до н.э.	<i>SNG von Aulock</i> I 1301
20	Малая Азия, монетный двор 7	Голова Александра/орел	290–260 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 6, 10, nos. 85–87
7	Эфес	Артемиды/протома оленя	Ок. 258–202 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 14, 60, nos. 120
10–11	Книд	Афродита/прора	Ок. 250–210 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 93, no. 63
9	Иас	Аполлон/Гермий и дельфин	Ок. 250–190 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 125, nos. 10–11
1	Гераклея	Геракл/протома льва	3–2 вв. до н.э.	<i>SNG BM</i> I 1628
17–18	Родос	Родос/роза	Ок. 205–188 гг. до н.э.	<i>SNG Keckman</i> 607–616
12–13	Кос	Геракл/лук в горите	Ок. 190–166 гг. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 196, no. 33
19	Ликия	Аполлон/лук и колчан	После 168 г. до н.э.	<i>BMC</i> 19, 38, no. 1
10	Минд	Аполлон/треножник	2–1 вв. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 138, nos. 42–44
8	Баргилия?	Афродита/горит и лук	1 в. до н.э.	<i>BMC</i> 18, 71, no. 5
12	Не определенный центр	Афина/Ника	2–1 в. до н.э.	

Круг представленных в кладе центров чеканки позволяет утверждать, что, в отличие от описанного выше маршрута, после пересечения Черного моря до его южного побережья все дальнейшее плавание было только каботажным: вдоль южного побережья Черного моря и западного и южного берега Средиземного моря. Клад не содержит монеты Амиса и Синопы, но корабль точно заходил в порт Гераклеи Понтийской, игравшей огромную роль в торговле с припонтийскими городами, куда преимущественно направлялся ее винный экспорт в 4–3 вв. до н.э.,⁵³ включая, конечно же, и Боспор.⁵⁴ Находки гераклейских монет 3–2 вв. до н.э. в окрестностях Гермонассы⁵⁵ и в кладе из античной усадьбы 2013–11 на хоре Фанагории говорят об устойчивых торговых связях между Гераклеей и поселениями Азиатского Боспора, в том числе и на Таманском полуострове, в эллинистическое время.

Далее остановки по пути плавания были сделаны последовательно в портах Лампсака, Митилены, Эфеса, Иаса, Баргилии, Минда, Коса, Книда и Родоса: монеты этих центров также присутствуют в данном кладе. Какие-либо единичные находки монет этих центров на Боспоре мне не известны за исключением родосских серебра и меди⁵⁶, а также лампсакского диобола 3 в. до н.э.⁵⁷ Между тем монета Эфеса того же типа, что в данном кладе, присутствовала в разошедшемся по рукам кладе неясного происхождения из Краснодарского края, содержащего боспорскую мелкую медь митридатского времени.⁵⁸ В каком-то порту между Лебедосом и Эфесом была получена и медная монета Колофона, связи которого с Боспором в первой половине 3 в. до н.э. засвидетельствованы также и эпитафией колофонца, скончавшегося в Пантикапее (КБН 248).

⁵³ Брашинский 1965, 10–30; 1984, 3–22.

⁵⁴ Эпитафия гераклеота на Боспоре – см. КБН 246.

⁵⁵ Бронзовая монета типа «голова Геракла/лев на палице», ок. 250–200 гг. до н.э. См. Розов 2014, 297, № 32.

⁵⁶ Список новых находок родосских монет на Тамани см. Розов 2014, 293, № 8–10.

⁵⁷ SNG von Aulock I 1295. См. URL: coins.ucoz.ru/forum/2-1002-1.

⁵⁸ См. URL: coins.ucoz.ru/forum/2-1002-1. Вес 2,95 г.

Конечный пункт маршрута находился, по-видимому, в одном из приморских городов Ликии, входивших в состав Ликийской Лиги, монета которой присутствует в кладе. Скорее всего это была Патара, так как она служила морским портом для Ксанфа, на монетном дворе которого осуществлялась чеканка данного типа меди Ликийской Лиги. Издатели Ашкелонского клада, в котором присутствуют подобные монеты Ликийской Лиги, также полагают, что в Ликии именно Патара как

Рис. 5.
Карта с реконструкцией
морского маршрута из Фанагории
в Ликию с центрами, монеты которых
найжены в Фанагорийском кладе 2007 г.

морской порт Долины Ксанфа была одним из пунктов остановки корабля, плившего в Ашкелон.⁵⁹

Из ликийских городов также Фаселида (не принадлежащая к Лиге – Strabo XIV. 3, 9) определенно имела торговые связи с Таманью, о чем говорит находка ее медных монет 3 в. до н.э. на полуострове.⁶⁰ Известно, что еще в 4 в. до н.э. фаселиты, обслуживавшие поставки зерна в Аттику, скупали зерно на Боспоре (Demosph. XXXV, 10). О торговых связях Боспора с Ликией и Памфилией и граничащей с ними Писидией, свидетельствует и занесенный в Пантикапей сильно потертый статер Селги 370–360 гг. до н.э.⁶¹

Наконец, в Патаре вполне мог быть получен и халк Птолемея II Филадельфа⁶², попавший в Фанагорийский клад. Р.С. Пул относил данный тип к чеканке Птолемея I в Малой Азии.⁶³ По И. Свороносу, это выпуск Птолемея II Филадельфа.⁶⁴ Д. Вольф⁶⁵ относит халки типа *Svoronos* 345 ко 2-й серии, объединяющей выпуски Тира, Византия, Сицилии и дворов с не установленным местонахождением. По классификации Д. Вольфа, данный тип халка чеканил не определенный Монетный двор 7.⁶⁶ Где он локализовался неизвестно: под властью Птолемея II находились многие важнейшие приморские города Ионии (в частности, Милет), Карики, Ликии, Памфилии и Киликии. Между тем Патара была восстановлена Птолемеем Филадельфом и переименована в Арсиною Ликийскую (Strabo XIV. 3, 6) (рис. 5).

5. Исторический и нумизматический комментарий

Как известно, после развала *pax Scythica* произошла переориентация экономических связей Боспора: его прежние контрагенты из Эгеиды переключились на египетский хлебный рынок, но Афины и Родос остались в числе партнеров. В 3–2 вв. до н.э. на Боспоре действуют деловые люди из Византия, Гераклеи, Амиса, Синопы, Хиоса и других центров. При этом предполагалось, что круг купцов – контрагентов Боспора не выходит за пределы Эгеиды.⁶⁷ Сами боспоряне в эллинистический период активно оперируют в Египте, Афинах, на Делосе и Родосе.⁶⁸

В это время Фанагория играет ведущую роль в морской торговле Азиатского Боспора с приморскими городами и островами Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Через нее проходит основной поток товаров с Боспора к местным племенам Прикубанья. Позднее Страбон называет ее главным городом Азиатского Боспора, который «является перевалочным пунктом (ἐμπόριον) для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны» (Strabo XI. 2, 10; перевод Г.А. Стратановского). На фанагорийский рынок поступают зерно и сырье из Прикубанья, а также вино, масло, ремесленные изделия из различных центров Причерноморья и Средиземноморья.⁶⁹ В первую очередь это винный импорт Родоса, Коса и Книды,⁷⁰ клейма которых в большом количестве найдены в слоях Фанагории⁷¹, а монеты этих центров

⁵⁹ Gitler, Kahanov 2008, 392.

⁶⁰ Абрамзон, Кузнецов 2015, 127, № 99.

⁶¹ ВКИКМЗ. Инв. № С-503. Страбон (XII. 7, 3) перечисляет товары, которые производил этот город: маслины, вино, стиратиковые дроты, благовония для курений, сельгыйский ирис и изготавливаемая из него мазь. Какие-то из них могли интересоваться боспорских купцов.

⁶² Svoronos 1904, no. 345a, pl. XI. 16.

⁶³ BMC 6, xxvi, xxviii.

⁶⁴ Svoronos 1904, pl. XI. 16.

⁶⁵ Wolf 2013, 96, no. 345.

⁶⁶ Ibid., 91.

⁶⁷ Ibid. 68.

⁶⁸ Гайдукевич 1949, 89; Яйленко 2010, 100; Avram 2013, 57–59, 230.

⁶⁹ Гайдукевич 1949, 198; Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 282–283; Gabrielsen 1997, 46, 71.

⁷⁰ Ефремов 1992, 254–265; Бадалянц 2000; Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 261.

⁷¹ Шелов 1956а, 202–204; 1956б, 128–153.

встретились в двух кладах с ее хоры.⁷² Заметно увеличилась роль в торговле с Боспором Делоса и Александрии Египетской.⁷³

Фанагорийские проксении раннеэллинистического времени предоставляют инополитам привилегии беспошлинного ввоза и вывоза всех товаров на всем Боспоре и право входить и выходить в военное и мирное время без воспрепятствования и заключения договора.⁷⁴ Фанагорийцы же, как показывают монетные клады 2003 и 2007 гг., совершают плаванья в Эгеиду и Восточное Средиземноморье. Они ведут дела и в Александрии Египетской, о чем свидетельствуют находки в фанагорийском некрополе группы бронзовых перстней с портретами Птолемеев, дающих право на беспошлинный проход боспорских судов.⁷⁵

Редкие находки греческих привозных монет эллинистического времени в слоях Фанагории расширяют представление о ее торговых связях с центрами Эгеиды и Малой Азии.⁷⁶ Выше была упомянута бронзовая монета Наксоса 3 в. до н.э. из руин общественного здания на нижнем плато городища. Находка золотого статера Филиппа III Арридея чеканки Абидоса 323–317 гг. до н.э. на Южном городе⁷⁷ отражает торговые контакты Фанагории с Троадой, а бронзовой монеты Амория 2–1 вв. до н.э. (SNG Cop. 6 114) на раскопе «Нижний город» – с Фригией.⁷⁸ В Фанагории и ее округе зарегистрированы амисские серебряные сиглы 3–2 вв. до н.э. (SNG BM I 1113) и перчеканки из них.⁷⁹ Этот очень короткий список малоазиатских контрагентов региона дополняют ближайшие находки эллинистических монет: в соседних Кепях – медной монеты Мирины 2 в. до н.э.⁸⁰, на сельских поселениях Тамани – Фаселиды 3 в. до н.э.⁸¹, Апамеи (после 133 г. до н.э.)⁸² и других эллинистических центров. Наконец, известны в Фанагории и афинские тетрадрахмы «нового стиля» 2 в. до н.э.⁸³

Однако в целом эллинистические монеты центров Киклад, запада и юга Малой Азии и Архипелага, а также Леванта встречаются в слоях Фанагории, как и остальных боспорских городов и поселений, крайне редко по сравнению, например, с Херсонесом⁸⁴ или панэллинским святилищем Ахилла на о-ве Левке⁸⁵, чьи контакты с Восточным Средиземноморьем, как показывает нумизматический материал, были куда более интенсивными и разнообразными. Тем не менее и эти находки также дают важную, а порой уникальную информацию о морской торговле в эллинистический период.

⁷² Абрамзон, Кузнецов 2013, 75–107; Abramzon, Kuznetsov 2014, 167–172.

⁷³ Завойкин 2010, 35; Яйленко 1995, 270–271.

⁷⁴ Яйленко 2001, 474–486.

⁷⁵ См. Абрамзон, Кузнецов 2015, 16–17.

⁷⁶ Находки понтийской меди митридатского периода мы здесь не рассматриваем. См. прим. 20.

⁷⁷ Abramzon, Gorlov 1997, 130, fig. 2.

⁷⁸ Абрамзон 2017, 7–8.

⁷⁹ Зограф 1945, 60, № 62; Абрамзон, Кузнецов 2015, 19, рис. 6.

⁸⁰ Фролова, Шелов 1965, 173, № 10.

⁸¹ BMC 19, 80, no. 9.

⁸² SNG Copenhagen 167.

⁸³ Розов 2014, 274–275, рис. 1. 2; 292, № 2.

⁸⁴ Гилевич 1968, 3–198.

⁸⁵ Булатович 1971, 212–225.

Таблица 4. Единичные монеты Эгеиды, Западной и Южной Малой Азии и Леванта из раскопок и случайных находок на Боспоре (эллинистический период)

Двор и дата	Место находки	Определение	Ссылка
Афины 138/137 гг. до н.э.	Фанагория	Thompson 1961, 277, № 764b, pl. 83. 764b	Розов 2014, 274–275, рис. 1. 2; 292, № 2
Афины 136/135 гг. до н.э.	Таманский п-ов	Thompson 1961, 849–851	Абрамзон, Кузнецов 2015, рис. 20. 4

Афины (афинская клерухия на Делосе) 140–90 гг. до н.э.	Виноградный 2	Kroll 1993, 77, nos. 104a-b	Розов 2014, 275, рис. 1. 3; 277, 292, № 3
Афины (афинская клерухия на Делосе) 140–90 гг. до н.э.	Старотитаровская 17	Kroll 1993, 79, no. 108a-f	Там же, 275, рис. 1. 4; 277, 292, № 4
Наксос 3 в. до н.э.	Фанагория	–	Пахомов 1959 (VIII), № 1899
Лампсак 3 в. до н.э.	Краснодарский край	<i>SNG von Aulock</i> I 1295	Абрамзон, Кузнецов 2015, рис. 48. 2
Абидос 323–317 гг. до н.э.	Фанагория	Price 1991, 229, no. P31	Abramzon, Gorlov 1997, 130, fig. 2
Пергам 133–67 гг. до н.э.	Нимфей	<i>BMC</i> 15, 125, no. 112	Голенко 1974, 88, № 352.
Пергам 2–1 в. до н.э.	Пантикапей	–	Голенко, Шелов 1963, 55, № 608
Мирина 2 в. до н.э.	Кепы	–	Фролова, Шелов 1965, 173, № 10
Фокея 3–2 вв. до н.э.	Бакланья скала (Восточный Крым)	Ashton, Kinns 2002, 25, pl. 5. F	Розов 2012, 300, рис. 1. 1
Фокея Кон. 2 – нач. 1 в. до н.э.	Мирмекий	<i>BMC</i> 14, 218, nos. 109–113, pl. XXIII. 10	Зограф 1952, 377, № 2506
Хиос 4 в. до н.э.	Краснодарский край	<i>SNG von Aulock</i> I 1295	См. URL: coins.ucoz.ru/forum/2-1002-1
Хиос 84–30 гг. до н.э.	Патрей	Head 1887, 514	Голенко 1952, 155, № 84
Эрифры 310–300 гг. до н.э.	Пантикапей	Ashton, Kinns 2002, pl. 4. 24	Анисимов 1992, 349, № 305; Розов 2012, 302
Эрифры 310–300 гг. до н.э.	Пантикапей	<i>SNG von Aulock</i> I 1953	Абрамзон, Иванина 2010, № 105
Эрифры 310–300 гг. до н.э.	Пантикапей	<i>BMC</i> 14, 141, no. 120	Там же, № 106
Родос 333–304 гг. до н.э.	Пантикапей	<i>BMC</i> 18, 237, pl. XXXVII. 6 (?)	Анисимов 1992, 350, № 341

Родос 225–190 гг. до н.э.	Артющенко 2	<i>SNG Keckman</i> 579, 582–584, 586–592	Розов 2014, 275, табл. 1. 8; 280, 293, № 8
Родос 190–180 гг. до н.э.	Тамань 3	<i>SNG Cor.</i> 5 826–828; <i>SNG Keckman</i> 621	Там же, 275, табл. 1. 9; 280, 293, № 9
Родос 166–88 гг. до н.э.	Тамань 4	<i>SNG Cor.</i> 5 860–863	Там же, 275, табл. 1. 10; 280, 293, № 10
Родос 2 в. до н.э.	Горгиппия	–	Зограф 1945, 60, № 60
Фаселида 3 в. до н.э.	Таманский п-ов	<i>BMC</i> 19, 80, no. 9.	Абрамзон, Кузнецов 2015, 126, табл. 20. № 99
Селга 4 в. до н.э.	Пантикапей	Sear 1979, no. 5471	ВКИКМЗ. Инв. № С-503
Селевкиды 2 в. до н.э.	Пантикапей	–	Голенко, Шелов 1963, 58, № 678
Арад	Пантикапей?	<i>BMC</i> 26, 17–18, nos. 121, 127–128, 131, 135–139	ВКИКМЗ, инв. № КН–7275
Иудея 103–37 гг. до н.э.	Мирмекий	–	Зограф 1952, 377, № 2506

Единичные находки эллинистических привозных монет на Тамани свидетельствуют о том, что регион торговал преимущественно с городами и островами западного и южного побережья Малой Азии и с Эгеидой. Эпиграфические материалы из Фанагории и Пантикапея подтверждают, что круг купцов – контрагентов Боспора в большинстве случаев не выходил за пределы Эгеиды. Внешние связи в эллинистическое время, например, Пантикапея были ориентированы в Понте, главным образом, на Синопу, Гераклею и Амис, а в Эгеиде – на Хиос и Делос. Не представляла в этом отношении исключения и столица азиатского Боспора – Фанагория, чьи торговые контакты, как показывает нумизматический материал, были не менее разнообразными.

Клад 2003 г. дает представление о морском путешествии из Фанагории в Финикию – Тир, с остановками в портах Амиса, Синопы, Калхедона, Александрии Троадской, Митилены, Хиоса, а затем на Евбее, Делосе, Родосе (и, по-видимому, на Кипре). Фанагорийский клад 2007 г. позволяет проследить маршрут еще одного плавания вдоль побережий Вифинии, Мисии, Троады, Ионии, Кари с заходом в порты Гераклеи Понтийской, Лампсака, Митилены, Колофона, Эфеса, Иаса, Баргиилии, Книда, Минда, Коса, Родоса, оканчивающегося в одном из портов Ликии – по-видимому, в Патаре. Так же, как и в Ашкелонском кладе 1988 г., в фанагорийских комплексах представлены выпуски Селевкидов и Птолемеев.

Следует подчеркнуть еще одно важное, на мой взгляд, обстоятельство: локализация обоих кладов, владельцы которых участвовали в двух морских экспедициях, связана с сельскими поселениями, расположенными на черноземных почвах с высоким природным плодородием юго-восточной хоры Фанагории. Бонитировочная карта Темрюкского района дает представление о потенциальном плодородии почв Тамани⁸⁶, где в античный период выращивали пшеницу, ячмень и просо, а также бобовые культуры.⁸⁷ Кроме того, из восточных плодородных районов левобережья Кубани шел древний зерновой путь на Нижнюю Кубань, оттуда на Тамань и, прежде всего, в Фанагорию. Можно полагать, что зерно, выращиваемое на хоре Фанагории и в Прикубанье, продолжало идти на экспорт еще во второй половине 2 – самом начале 1 в. до н.э.⁸⁸ Что еще могли предложить зажиточные жители фанагорийской хоры, участвовавшие в рассмотренных морских путешествиях? Кроме того, круг монет из кладов показывает, что фанагорийские корабли (логично полагать также и на обратном пути) посещали Кос, Книд, Родос – традиционные центры масштабного винного импорта, который шел и на Боспор. Наконец, обе группы монет в кладах отражают традиционные связи Боспора с Гераклеей, Синопой, Амисом, Митилею, Калхедоном, Колофоном, Хиосом, Делосом, Кипром и т.д., засвидетельствованные эпиграфическими источниками в 4–2 вв. до н.э.⁸⁹

⁸⁶ Виднов и др. 1999, 32.

⁸⁷ При раскопках в Фанагории, например, был открыт дом «зерноторговца», где хранилось около 1200 л зерна чечевички – *vicia ervilia*. См. (Завойкин 2004, 52–53). В одном из домов были найдены сгоревшие запасы ячменя.

⁸⁸ Фанагория и раньше торговала традиционно хлебом, о чем свидетельствует фанагорийское граффито ок. 370/340 гг. до н.э. См. Яйленко 1996, 176–179.

⁸⁹ Упоминания жителей Хиоса в боспорских надписях – см. КБН 3, 155, 1233; гераклеоты – КБН 246. В Афинах, на Хиосе, Родосе засвидетельствовано присутствие торговцев-боспорян в 4–2 вв. до н.э. См., например: Vanseveren 1937, 325; Morelli 1956, 150; Шелов 1956а, 145.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г. 2013. Фанагория, Эгеида и Малая Азия накануне I Митридатовой войны (по данным монетных кладов), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 5–10.
- Абрамзон М.Г. 2017. Малоизвестные контрагенты Фанагории: новые находки греческих привозных монет, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути–товары–отношения* (Боспорские чтения XVIII). Керчь, 5–10.
- Абрамзон М.Г., Иванова О.А. 2010. *Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника* (Нумизматическая коллекция II). Киев.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2013. Клад монет IV–I вв. до н.э. из Фанагории (2007 г.), *ВДИ* 3, 75–107.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория 3). Москва.
- Анисимов А.И. 1992. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг., *СГМИИ* 10, 329–353.
- Бадалянц Ю.С. 2000. *Эллинистический Родос*. Москва.
- Брашинский И.Б. 1963. *Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э.* Москва.
- Брашинский И.Б. 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской, *НЭ* V, 10–30.
- Брашинский И.Б. 1984. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской, *НЭ* XIV, 3–22.
- Булатович С.А. 1971. Монетные находки на острове Левке, *МАСП* 7, 212–225.
- Виднов А.С. и др. 1999. *Краснодарский край. Почвенно-экологический атлас*. Краснодар.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва–Ленинград.
- Гилевич А.М. 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса, *НиСф* 3, 3–198.
- Голенко К.В. 1952. Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950), *ВДИ* 3, 147–155.
- Голенко К.В., Шелов Д.Б. 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1964 гг., *НиСф* 1, 3–65.
- Граков Б.Н. 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, *ВДИ* 3, 231–315.

- Даншин Д.И. 1993. Фанагорийская община иудеев, *ВДИ* 1, 59–72.
- Ефремов Н.В. 1992. К истории торговых связей Книды с Северным Причерноморье, in: *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 254–265.
- Завойкин А.А. 2004. *Фанагория во второй половине V–IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»)* (ДБ. Suppl. 1). Москва.
- Завойкин А.А. 2010. Политическая история Азиатского Боспора. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н.э.), in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 12–78.
- Зограф А.Н. 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе, *ТОИГЭ* I, 29–85.
- Зограф А.Н. 1952. Описание монет, найденных при раскопках Тиритак и Мирмекия в 1935–1940 гг., in: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритак и Мирмекия в 1935–1940 гг.* (МИА 25). Москва–Ленинград, 363–385.
- Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В. 2010. Торговля, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 257–289.
- Лосева Н.М. 1956. Два обломка халкидской вазы из Фанагории, in: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57), Москва, 164–167.
- Пахомов Е.А. 1926–1966. *Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа I–IX*. Баку.
- Розов В.Н. 2012. К находке монеты Фокеи в Восточном Крыму, *ДБ* 16, 299–306.
- Розов В.Н. 2014. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова, *ДБ* 18, 272–307.
- Фролова Н.А., Шелов Д.Б. 1965. Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг., *Нисф* 2, 168–193.
- Шелов Д.Б. 1956а. *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* Москва.
- Шелов Д.Б. 1956б. Керамические клейма из раскопок Фанагории, in: А.П. Смирнов (ред.), *Фанагория* (МИА 57). Москва, 128–153.
- Яйленко В.П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях, in: Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Женщина в античном мире*. Москва, 204–272.
- Яйленко В.П. 1996. Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья, in: *История и культура древнего мира: Российско-болгарский сборник статей и учебных материалов в честь Т.В. Блаватской*. Москва, 175–222.
- Яйленко В.П. 2001. Вторая фанагорийская проксения, *ДБ* 4, 474–486.
- Abramzon M.G., Gorlov Ju.V. 1997. Two Staters of Philip III Arrhidaeus Found in Phanagoreia, *ACSS* 3/2–3, 129–132.
- Abramzon M., Kuznetsov V. 2014. A Hoard of 4th – 1st centuries BC from Phanagoria, in: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus...Festschrift für Vladimir Kuznetsov* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 139–192.
- Ashton R. 2001. The Coinage of Rhodes 408-c.190 BC, in: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 79–119.
- Ashton R., Kinns P. 2002. *Opuscula Anatolica*, *NC* 162, 11–31.
- Avram A. 2013. *Prosopographia Ponti Euxini Externa* (Colloquia Antiqua 8). Leuven–Paris–Walpole.
- Casson L. 1989. *The Periplus Maris Erythraei: Text with Introduction, Translation, and Commentary*. Princeton.
- Callataÿ F. (de) 2007. La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien, in: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)* (Ausonius Mémoires 18). Bordeaux, 271–308.
- Destrooper Georgiades A. 2001. Les monnaies de l'Archégésion de Délos, *BCH* 125, 145–174.
- Gabrielsen V. 1997. *The Naval Aristocracy of Hellenistic Rhodes* (SHC 6). Aarhus.
- Gitler H., Kahanov Y. 2002. The Ascalon 1988 Hoard (CH 9, 548). A Periplus to Ascalon in the Late Hellenistic Period?, in: A. Meadows, U. Wartenberg (eds.), *Coin Hoards. IX. Greek Hoards* (RNSSP 35). London, 259–268.
- Gitler H., Kahanov Y. 2008. A Late Hellenistic Coin Hoard, in: L.E. Stager, J.D. Schloen, D.M. Master (eds.), *Ashkelon 1: Introduction and Overview (1985–2006)*. Winona Lake, 385–395.

- Hackens T. 1969. Les monnaies, in: P. Bruneau et al. (eds.), *L'îlot de la Maison des Comédiens* (Exploration archéologique de Délos 27). Paris, 387–419.
- Head B. 1887. *Historia nummorum*. Oxford.
- Ireland S. 2000. *Greek, Roman, and Byzantine Coins in the Museum of Amasya (Ancient Amasya), Turkey* (RNSSP 33 = British Institute of Archaeology at Ankara. Monograph No. 27). London.
- Jenkins G.K. 1989. Rhodian Plinthophoroi: a Sketch, in: G. Le Rider, G.K Jenkins, N. Waggoner, U. Westermark (eds.), *Kraay-Mørkholm Essays: Numismatic Studies in the Memory of C.M. Kraay and O. Mørkholm*. Louvain-la-Neuve, 101–119.
- Kroll J. H. 1993. *The Greek Coins* (The Athenian Agora XXVI). Princeton.
- Morelli D. 1956. Gli stranieli in Rodi, *Studi classici e orientali* V, 126–190.
- Price M. J. 1991. *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus* 1 (A British Museum Catalogue). Zurich–London.
- Mavrogordato J. 1918. *A Chronological Arrangement of the Coins of Chios*. Oxford.
- Saprykin S. 2007. The Unification of Pontos: the Bronze Coins of Mithradates VI Eupator as Evidence for Commerce in the Euxine, in: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchange* (BSS 6). Aarhus, 195–208.
- Sear D. 1979. *Greek Coins and Their Values II. Asia and Africa*. London.
- Sheridan W.W. 1971. From Cyzicus to Tyre: Numismatic Evidence of an Ancient Ship's Trip, circa 400 BC, *The Numismatist* 84 (August), 1127–1133.
- Svoronos J.N. 1904. *Ta nomismata tou kratous tōn Ptolemaiōn*. Vol. I–III. Athens.
- Thompson M. 1961. *The New Style Silver Coinage of Athens*. New York.
- Troxell H.A. 1982. *The Coinage of the Lycian League*. New York.
- Vanseveren J. 1937. Inscriptions d'Amorgos et de Chios, *Revue de philologie* 63 (11), 313–347.
- Wolf D. 2013. A Metrological Survey of Ptolemaic Bronze Coins, *AJN* 25, 49–118.

ДВА ПИСЬМА ИЗ ФАНАГОРИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: 1937 и 1939 ГГ.

В Отделе рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина хранится комплекс материалов Фанагорийской археологической экспедиции с середины 1920-х до начала 1970-х годов. Документы сосредоточены в основном в двух фондах – личном фонде Льва Петровича Харко¹ (1899–1961 гг.), заведующего отделом нумизматики ГМИИ, организатора и руководителя первых музейных экспедиций 1927–1930 годов, а также в фонде музея, в котором организована опись, посвященная археологической работе.² Редкие отдельные документы сохранились в фондах сотрудников музея. Особую ценность представляют письма из экспедиций. Несмотря на откровенную субъективность, эти документы, написанные буквально по горячим следам, позволяют детально восстановить не только хронологию событий, но и атмосферу происходящего. Несколько обескураживают характеристики признанных авторитетов, но в итоге, разнообразие оценок придает объемность этим значимым фигурам. Кроме того, перед нами ярче предстают и авторы писем – звучит их живой голос.

В данной публикации представлены два письма 1937 и 1939 годов двух неординарных личностей, сотрудниц античного отдела ГМИИ, участниц Фанагорийской экспедиции – Натальи Николаевны Бритовой и Нины Михайловны Лосевой.

Бритова Наталья Николаевна (1901–1968 гг.) – искусствовед, специалист по античному искусству, кандидат искусствоведения. В ГМИИ работала с 1931 г. по 1968 г. Н.Н. Бритова родилась в 1901 г. в г. Шуше (Горный Карабах) в семье ветеринарного врача. В 1907 г. отец был переведен по службе в г. Седлец (Польша), где она и поступила в 1910 г. в гимназию. В 1911–1915 гг. училась в Варшаве. Семья была вынуждена эвакуироваться как беженцы в Гомель. В 1919 г. Н.Н. закончила там женскую гимназию. Родители и восьмилетний брат в том же году вернулись в Варшаву, а Н.Н. осталась в Гомеле на службе в уездном отделе народного образования. В 1920 г. она поехала в Москву и поступила на работу в библиотеку Медицинского факультета Московского Государственного университета. Работала и училась (1920–1924 гг.) на факультете общественных наук Университета. В 1929 г. перешла на работу в Научно-техническую библиотеку при ВСНХ СССР, а в 1931 г. поступила в Политпросветотдел МИИ. В 1933–1935 годах – Ученый секретарь, с 1935 г. – сотрудник античного отдела. С 1947 г. и до конца жизни была заведующей Отделом античного искусства. Одним из важнейших ее трудов стала монография «Греческая терракота», вышедшая в 1969 году. Коллеги вспоминают

Наталья Николаевна Бритова. 1952 г.

¹ Отдел рукописей ГМИИ, ф. 34.

² ОР ГМИИ, ф. 5, оп. V.

Нина Михайловна Лосева. 1952 г.

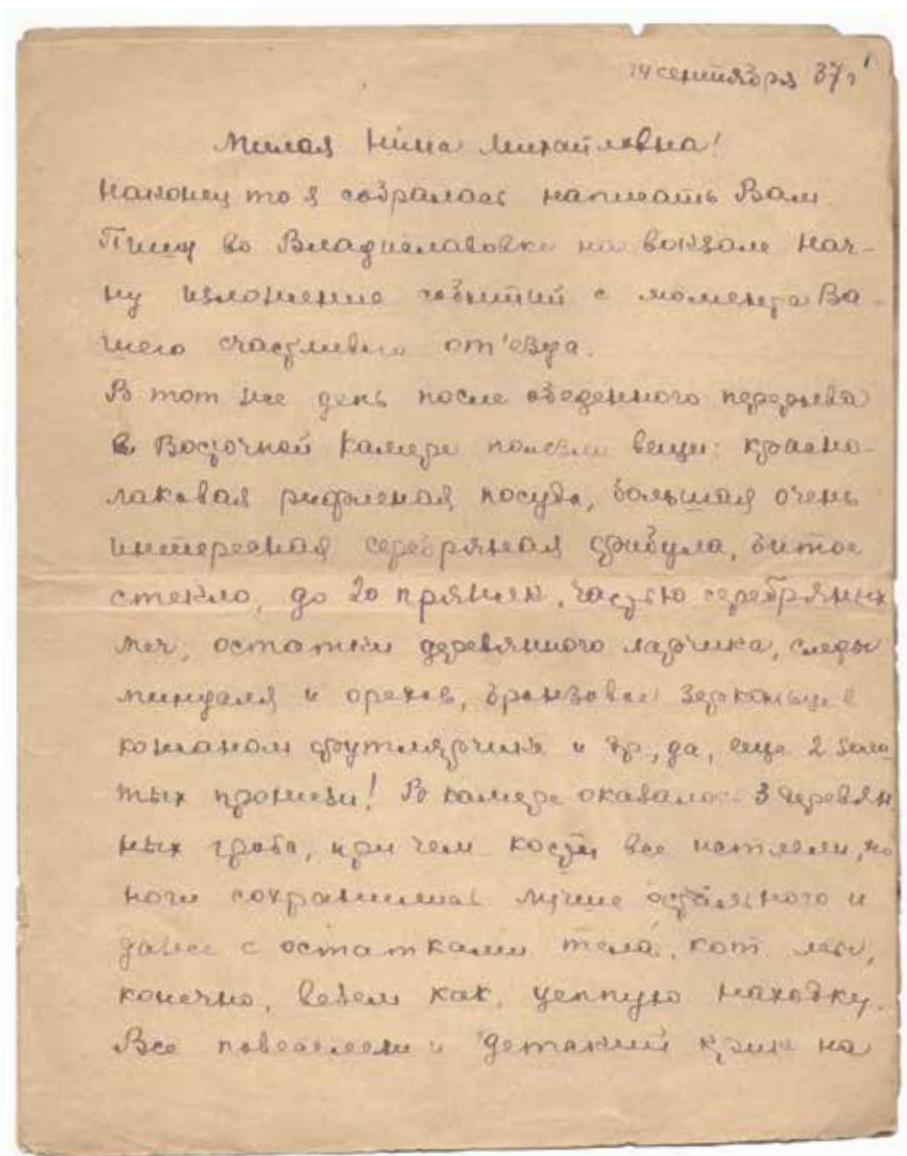
о Н.Н. Бритовой как об очень скромном, благородном и остроумном человеке.

Лосева Нина Михайловна (1899–1976 гг.) – кандидат искусствоведения, специалист по античному искусству. Родилась в Москве в семье М.Л. Лосева, инженера-технолога, потомственного почетного гражданина. Окончила частную гимназию Алферовых в 1917 г. и поступила на Высшие женские курсы, где проучилась год. В 1922 г. поступила в 1-й МГУ на факультет общественных наук и закончила в 1924 г. по специальности музейный работник-искусствовед. Работать в ГМИИ стала с 1924 г. экскурсоводом, а с 1932-го перешла в отдел античного искусства. По совокупности печатных трудов в 1935 г. присвоено звание старшего научного сотрудника. Заведовала античным отделом в 1968–1973 гг. Н.М. Лосева – один из лучших знатоков расписной керамики, прежде всего краснофигурной. Ей принадлежат атрибуции многих античных экспонатов музея. Кроме того, обожаемая коллегами Нина Михайловна, была непревзойденным чемпионом по попаданию в нелепые ситуации, об этой ее уникальной способности в музее до сих пор ходят легенды.

Надо отметить, что публикуемые два письма из личного фонда Н.Н. Бритовой, сохранились чудом. Если Л.П. Харко свой архив собирал и хранил сознательно, то Наталья Николаевна явно к этому не стремилась, да и условия ее жизни не благоприятствовали сохранности документов. До войны Н.Н. с семьей занимала комнату в подмосковном поселке Ильинский. С осени 1941 г., когда было затруднено движение пригородных поездов, ей удалось выхлопотать жилье в музее и перевезти мужа и дочку. Бывшая дореволюционная директорская квартира была частью отведена под экспозиционные залы, частью перегороджена под комнаты для сотрудников. Музей не отапливался с 14 октября 1941 г., когда ударной волной была снесена стеклянная крыша. Временные печи установили лишь в «директорской квартире». Маленькая, в 4 кв.м комнатка оставалась холодной, питание по карточкам служащих было скудное, музейная зарплата маленькая и выплачивалась нерегулярно, муж болел и не имел заработка. Наталья Николаевна крутилась как могла: на рынках добывала пропитание, меняла водочные и табачные талоны на продукты. Но дружеская поддержка коллег помогала ей сохранять и музей, и человеческое достоинство. Наталья Николаевна продолжала вести служебный дневник и в военные годы, кратко записывала события, спасаясь иронией от ужаса происходящего: «Крысы бушуют. У Нинишь съели поясик и клизму».³

Коллега и подруга *Нинишь* – Нина Михайловна Лосева, также с первого до последнего дня войны оставалась в музее. Ее должность сократили (в музее на 1 августа 1941 г. оставили 13 научных сотрудников), и она перевелась в ночные сторожа. Нина Михайловна отработала несколько месяцев на лесоповале, куда попала по разнарядке на заготовку дров для музея. И это не считая сезонных музейных авралов по борьбе со снегом, водой, сыростью.

³ ОР ГМИИ, ф. 57, оп. I, ед. хр. 110, л. 63.

Письмо Н.Н. Бритовой Н.М. Лосевой.
14 сентября 1937 г.

Два письма из довоенных экспедиций полны интересом к работе, радостью открытий, жарким солнцем и морским ветром. ГМИИ, в совместной с Государственным историческим музеем экспедиции 1936 г., был представлен скромно: В.Д. Блаватский, И.М. Блаватская, М.М. Кобылина, М.А. Александровский. В последующие годы состав увеличился до 10 человек. Наталья Николаевна была участницей музейных экспедиций 1937 и 1938 гг.

Письмо Натальи Николаевны Бритовой к Нине Михайловне Лосевой 14 сентября 1937 года.⁴

«Милая Нина Михайловна! Наконец то я собралась написать Вам. Пишу во Владиславовке⁵ на вокзале. Начну изложение событий с момента Вашего счастливого отъезда. В тот же день после обеденного перерыва в Восточной камере полезли вещи: краснолаковая рифленая посуда, большая, очень интересная серебряная фибула, битое стекло, до 20 пряжек, частью серебряных, меч, остатки деревянного ларчика, следы миндаля и орехов, бронзовое зеркальце в кожаном

⁴ ОР ГМИИ, ф. 57, оп. I, ед. хр. 119, л. 1–5.

⁵ Владиславовка – село в Кировском районе Крыма.

⁶ Лукин Виктор Евгеньевич – фотограф экспедиции.

⁷ Блаватская Ирина Михайловна (1908–1939 гг.) – первая жена В.Д. Блаватского, научный сотрудник ГМИИ 1934–1939 гг. Участник Фанагорийской экспедиции в 1936–1939 гг., руководитель 2-го отряда на некрополе. Выполняла обязанности секретаря экспедиции, на ее плечах была вся организационная работа, покупка снаряжения, документальная обработка, а также консервация и реставрация раскопчного материала.

⁸ Блаватский Владимир Дмитриевич (1899–1980 гг.) – доктор искусствоведения. Руководил археологической экспедицией в Фанагории в 1936–1940 гг.

⁹ Воробьев Алексей Георгиевич (1910–1942 гг.) – экскурсовод ГМИИ. С 1937 г. участвовал в музейной экспедиции, руководил топографической съемкой и составлением планов, а также одним из отрядов на некрополе.

¹⁰ Смирнов Алексей Петрович (1899–1974 гг.) – советский историк и археолог, специалист в области финно-угорской и болгарской археологии. Доктор исторических наук, профессор МГУ. Руководитель Фанагорийской экспедиции ГИМ 1936–1938 гг.

¹¹ Ельницкий Лев Андреевич (1907–1979 гг.) – историк-антиковед, автор нескольких монографий и большого числа статей по различным вопросам древней истории, а также переводов древних текстов. В 1930 г. Л.А. поступил на работу в Исторический музей. Здесь он начал заниматься археологией, регулярно выезжал в экспедиции. С 1936 г. он участвовал в раскопках Фанагорийского городища.

футлярчике и др., да еще 2 золотые пронизи! В камере оказалось 3 деревянных гроба, причем кости все истлели, но ноги сохранились лучше остального и даже с остатками тела, кот[орое] мы конечно везем как ценную находку. Все повеселели и детский крик на время прекратился. Потом спешно стали сносить 11 квадрат для подхода к западной камере. Покойничков там было всего 6, но трое из них в одной амфоре, один был в прирезке и гол как сокол, и еще кажется при Вас, детская могила с хорошим инвентарем. В пятом квадрате, кроме могилы с конской головой, оказалась могила с собакой. Эту реликвию также везем. Там же было еще 2 очень богатых могилы, кот[орые] дали много бус и 2 светильника (Рим). Западная камера, оказывается, действительно существовала, она так же не очень большая. Прямоугольная, пол, и одна стена хорошо сохранились; в ней было 2 гроба, инвентарь был беднее – фибулы, пряжки, еще один меч и обломки посуды. В выкиде из дромоса, на грохоте нашли золотое кольцо с сердоликом, прекрасной сохранности. Обе камеры по времени относятся к 4 веку.

Потом времени осталось мало, деньги кончились. На 5 квадрате продолжали вылезать могилы и детские крики возобновились с удвоенной энергией. Лукин⁶ разрывался между городом и некрополем, и Ариша⁷ сильно гневалась. Вот Вам краткий диалог: Ариша – «Это безобразие. Вы знаете, что мы не можем продолжать работу, пока Вы не заснимите, а Вы мне говорите о городе, пожалуйста идите туда, но я прекращаю работу на этом участке». Лукин что-то мямлит сквозь стиснутые зубы, грохочет треножкой. Длинная пауза. Потом из 6 метровой глубины доносится голос Лебедева: «А какая Ирина Михайловна сурьезная, как она Вас Виктор Евгеньевич взяла в работу» и, подражая голосу Ариши пищит: «Я работу прекратю, прекратю!» Лукин пыхтит трубкой. Ариша: «Лебедев, сейчас нет перерыва, что Вы курите, идет на балласт!». Голос из рабочих: «Договорился, подумаешь, наблюдательный». Тихий смех. Седьмого раскопы некрополя засыпали. Вечером была на некрополе выпивка, в ней принимали участие все рабочие, которые еще не ушли и не работали на городе, Вл. Д.⁸, Алеша⁹ и Ариша. Ал. Петр.,¹⁰ конечно не было. Когда после лекции Ир. Мих. о греках выпили и все кончилось, рабочие стали целовать Ир. М. руки, а потом лицо и на руках вынесли из раскопа!!! Это было трогательно как у Карамзина. Вл. Дм. был доволен. Потом пошла работа по ликвидации и подитоживанию работы на городе. Все были усталые и злые, как псы, при чем нас почти перестали кормить: не было ни масла, ни мяса, ни фруктов, давали какие-то мерзейшие каши без всякой приправы, а также подавали гусятину, страшно худую и исключительно вываренную. Причина заключалась в том, что Сережа потерял интерес к работе, поссорился с Аришей и спешно крал. Ельницкий¹¹ и Лукин открыто говорили, что 9 рублей в день за такую еду дорого, а Ариша ехидно отмечала, что к завтраку нет масла, но это все таки экономия и за эти дни посчитала по 7 рублей. Когда 10-го мы все, за исключением Ал. Петр. и Алеши, оставшихся для ликвидации дел, попали в Тамань, то все сразу набросились на еду и съели сразу по 2 обеда,

а в Керчи вечером в том же кафе под стеклянной крышей съели по 10 чебуреков и потом кофе со сливками по 2 пирожных, что называется дорвались. Теперь я понимаю матросов, возвращающихся из далекого плаванья. Было два лишних билета на 11-ое на Москву и большой соблазн ехать прямо домой в хорошей компании: М.М.¹², Наташа¹³, студенты, Ира¹⁴ и Ельн., но я, конечно, осталась, чтобы поработать над стедами. Правда, в общем за последнюю неделю мы так замотались, что пользы большой от посещения Керчи не получилось. В первый день 11-го (мы приехали в Керчь 10-го в 8.30 веч.) мы болтались в музее, а потом отправились в Мирмекий на раскопки Гайдукевича.¹⁵ Из ленинградцев там, кроме Гайдукевича, была некая Наливкина¹⁶, великолепно загоревшая и невероятно толстая. За 2–3 часа нашего пребывания на Мирмекие я получила некоторые представления о раскопках, как они проходили раньше, в добрые старые времена: совсем не тот темп, что у нас, рабочие – женщины и подростки делают все крайне медленно, а когда одна работница сказала Кивокурцеву¹⁷, что не пора ли им отдохнуть, он ответил: «Конечно, отдыхайте. Это Ваше право, что же тут спрашивать!!!» На Мирмекие Вы, кажется, были, т. что я не буду о нем писать.

В Камыш-Буруне раскопки так же кончились и Вл. Дм. туда ездил, а остальные остались в Керчи, чтобы помогать фотосъемке. Лукин вернулся из Тамани в Керчь на сутки позднее и с утра выпил, т.ч. продуктивность была низкая. Алеше пришлось задержаться в Керчи т.к. он уступил свой билет Ал. Петр. Вчера вечером были в филиале музея на Митридате, поднимались на 1 кресло и любовались видом. А сейчас я сижу в зале ожидания в вокзале, кроме меня в нем четверо спящих, из них (*неразборчиво*). Ал. Петрович, Вл. Дм. и Ир. Мих. караулят вещи на перроне. Вы легко простите мне мою болтливость, если представите себе, что сам процесс сиденья на настоящем стуле, за настоящим столом сам по себе уже доставляет удовольствие. Надеюсь так, что те капли желчи, которые попадают в этой стряпне помогут Вам ее переварить. Напишите мне как проходит Ваш отпуск и много ли Вы нашли хороших камешков на пляже. На Митридат я нашла кусочек великолепной (*неразборчиво*) штукатурки. Вл. Дм. считает, что необходимо ее приобщить к нашей коллекции. Ваша подушка у меня. Когда... (утрата бумаги) прочли Ваше... (*утрата бумаги*), во-первых, развеселились, а во-вторых принялись за розыски подушки. Она оказалась у Ир. Мих. под разбитым бедром (это при Вас она упала в могилу?). Между прочим, Ваша слава может померкнуть: Ир. М. смахнула со стола все бусы, когда опись писали, мы долго ползали под столом, а в Керчи она выдавила стекло в витрине!! В обоих случаях я была очень рада. Ваша благожелательная Н. Бритова

P.S. Нина Михайловна! Если с Вас возьмут деньги за то, что письмо слишком толстое и тяжелое, не сердитесь, я так и быть заплачу Вам в Москве. Я написала право не со зла! Ваша Н.Б.

P.P.S. Все участники экспедиции просили меня передать Вам привет и сожаление, что Вам пришлось уехать в самый интересный момент. Н.».

¹² Кобылина Мария Михайловна (1897–1988 гг.) – историк античного искусства, археолог, доктор искусствоведения. Окончила в 1922 г. искусствоведческое отделение исторического факультета Самарского государственного университета, затем историко-филологическое отделение факультета общественных наук МГУ. В 1924 г., придя в ГМИИ, получила должность младшего научного сотрудника Отдела Востока, а в 1931 г. – старшего научного сотрудника. В 1936–1941 гг. заведовала Отделом античного искусства. Одновременно читала курс античного искусства в ИФЛИ и на искусствоведческом отделении в МГУ. Принимала участие в Фанагорийской экспедиции ГМИИ в 1936–1940 гг.

¹³ Пяташева Наталья Валентиновна?

¹⁴ Марченко Ирина Дмитриевна?

¹⁵ Гайдукевич Виктор Францевич (1904–1966 гг.) – специалист в области античной археологии. Доктор исторических наук, профессор Ленинградского университета. С 1930 г. – руководил работами Боспорской археологической экспедиции ИИМК АН СССР по исследованию античных памятников на Крымском полуострове, в частности городищ и поселений, входивших в состав Боспорского царства (Мирмекий, Тиритака, Илурад, Порфмий, Фанагория, разведки Парфения, раскопки сельских усадеб Боспора, курганов и некрополей).

¹⁶ Наливкина Мария Арсеньевна (1904–1981 гг.) – археолог, с 1937 по 1941 гг. сотрудник Сектора Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР. Специализация: античная история и археология Северного Причерноморья, античные города Западного Крыма.

¹⁷ Кивокурцев Николай Петрович (1903–1942 гг.) – историк, археолог. Научный сотрудник ГМИИ в 1925–1930 гг. Участник экспедиций ГМИИ в Фанагорию 1927–1929 гг. В начале 1930-х переехал в Керчь. С 1934 г. – участник Боспорской экспедиции под руководством В.Ф. Гайдукевича.

¹⁸ Погребова Надежда Николаевна (1902–1960 гг.) – археолог, антиковед, кандидат исторических наук. Научный сотрудник ГМИИ с 1935 по 1946 гг. Участник Фанагорийской экспедиции 1938 г.

¹⁹ ОР ГМИИ, ф. 57, оп. I, ед. хр. 120, л. 1–4.

²⁰ Блаватская И.М.

²¹ Анфимов Никита Владимирович (1909–1998 гг.) – археолог, кандидат исторических наук, профессор КубГУ, почетный гражданин Краснодара. Участвовал в довоенных и первых послевоенных раскопках Фанагории. В 1938–1939 годах возглавлял 3-й отряд берегового раскопа.

²² Так называемый «красный пол» Л.П. Харко обнаружил еще во время экспедиций 1927–1928 гг., нанес на план-схему. В участии в экспедициях 1930-х годов ему было категорически отказано, а результаты разведочных работ Блаватским были объявлены ненаучными. В ответ Харко не предоставил новой экспедиции материалы предыдущих лет, продолжая настаивать на преждевременности раскопок.

²³ Зеест Ираида Борисовна (1902–1981 гг.) – искусствовед и археолог, доктор исторических наук. Окончив в 1926 г. литературно-художественное отделение факультета общественных наук МГУ как искусствовед, в 1931 г. она начала работать в ГМИИ. В 1934–1937 гг. училась в аспирантуре ИФЛИ. С 1935 г. участвовала в археологических экспедициях Музея.

²⁴ Блаватский В.Д.

²⁵ Ломакин Петр Иванович (1904–?) – научный сотрудник ГМИИ в 1939–1945 гг. Участвовал в Фанагорийской экспедиции с 1939 г., в 1940 г. – заместитель начальника экспедиции по административно-финансовой части.

²⁶ Воробьев А.Г.

²⁷ Коровина Анна Константиновна (1918–2000 гг.) – историк, специалист по античной археологии, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР. В ГМИИ с июля 1944 г. по 1990 г. 1972–1985 гг. – зав. отделом искусства и археологии Античного мира. Студенткой педагогического института принимала участие в Фанагорийской экспедиции 1937 и 1939 годов.

Лосева Нина Михайловна – самый легендарный участник археологических экспедиций музея. Впервые поехала на раскопки в Фанагорию в 1927 г., в последний раз участвовала в экспедиции 1975 года.

Письмо Нины Михайловны Лосевой к Наталье Николаевне Бритовой и Надежде Николаевне Погребовой.¹⁸ Фанагория, 9 июля 1939 года¹⁹.

«Милые Бритова и Погребова. Пишу сидя в палатке на полу. Чернила где-то спрятаны, поэтому пишу карандашом. Сегодня воскресенье, но только часть людей выходные, т.к. пришли рабочие и уже начали работать. Крошка²⁰ уже развивает деятельность на некрополе, Никита²¹ только что приехал, а мы еще никак не можем найти «красный пол» (Только ради Бога не говорите Харко²²). Делаются шурфы на берегу и обмеры, я пока свободна, но уже пережила сегодня свое первое серьезное несчастье из серии этого года. Сегодня утром, взяв мерную ленту, которую с таким трудом достала Ираида²³, мы с ней отправились делать обмер на берегу. Не дождавшись архитектора, который должен был идти с нами, Ираида спустила сразу всю ленту, которая перекрутилась сразу в трех местах, и когда я ее хотела поправить, раздался характерный треск, и к моему ужасу она переломилась пополам. В довершении несчастья, мы тут же безнадежно потеряли кольцо, на которое нанизывают колышки. К счастью, Крошки при этом не было, и, хотя я ожидала всего самого ужасного от В.Д.,²⁴ он ничего не сказал. Вместо выходного дня мне пришлось идти на хлопкозавод – просить, чтобы починили, причем меня заставили ждать 5 ½ часов. Потом я узнала, что делать этот обмер было вовсе не нужно. Ехали мы сюда еще более долго и мучительно, чем всегда. «Штурман» за отсутствием воды, конечно не морской, а пресной, ушел на 4 часа позднее, и уже сказали, что он не пойдет. Тогда мы с Петром Ивановичем²⁵ решили сходить на городскую пристань, и в это время «Штурман» чуть не ушел, мы пришли в последний момент, за что получили первое замечание от В.Д. Крошка как всегда громко смеялась, Алеша²⁶ острит по-фанагорийски, а я жевала мятные лепешки. Качка была почти как в прошлом году, тоже поливало водой, причем я была в новом белом платье. Приехали мы в Сенную только в 7 часов, и так как ехать было некуда, ночевали под навесом, на пристани прямо на земле. При этом Аня²⁷ заболела и у нее было 39,8. Сейчас она уже выздоровела и по-прежнему кокетничает с Алешей. Дальше обнаружилось, что на МТФ жить нельзя, а хутор Кучеренко сломали, и остался только маленький домик, где жила Демьяновна. Решили ехать все таки сюда и вот живем в палатках опять на старом месте. Обедали первый день лежа на животе на брезенте, сейчас готовим тот же стол. Палатки две, при чем новую, которую достала Крошка, взяли мы, но Крошка почему-то пожелала... в мужскую палатку под предлогом, что у нас душно и увлекла с собой двух самых молодых девушек. Палатка, надо сказать у нас прекрасная... (неразборчиво) высокая и с окнами. Только довольно много муравьев, и по ночам по крыше

9/II 39г. Фанагория. ^{мой писем. А.А.}
 Милые Бритова и Пог-
 -ребова.
 Пишу, сидя в павильоне на полу.
 Чернила где-то спрятались, поэтому
 пишу карандашом.
 Сегодня воскресенье, но толпы
 людей выходящее, и в кра-
 -ти работа и уже начали ра-
 -ботать. Франца уже забавляет
 действительность на Некрестане,
 пишет только про приехав-
 а мы еще никак не можем
 найти "правильный тон". (Только
 рада Бона, не собираете "карты")
 Замечу, мурда на берегу
 и абмеры, в пона свободна,
 но уже переписана сегодня.

Письмо Н.М. Лосевой Н.Н. Бритовой
 и Н.Н. Погребовой. Фанагория.
 9 июля 1939 г.

лазают кошки. С самого первого дня я гоняю то в Титоровку²⁸ за ра-
 бочими, то по хуторам и в колхоз за продуктами, совсем стерла себе
 ноги. Правда никакой ужасной жары нет – дует ветерок, а по вечерам
 совсем прохладно. В садах деревья покрыты роскошными абрикосо-
 ми, которые можно тут же есть, небывалой величины и сочности. Это
 доставляет истинное удовольствие. Очень много огурцов, но арбузов
 и помидоров еще нет. Есть кое-какие цветы, вообще трава не такая
 мертвая как августе. Милочка пока еще не приехала и Петр Ив. пока
 остался при ее довольно большом чемодане. Его всячески изводят
 этим предметом. Он довольно сильно обгорел и не бреется, поэтому
 у него растет рыжая борода к великому ужасу Мар. Мих.²⁹ и Ираиды.
 Иногда он начинает петь внезапно и некстати, за что получает заме-
 чание. Мы будем работать на городе – я, Ираида, М.М., Петр и двое

²⁸ Старотитаровская – станция в Тем-
 рюкском районе Краснодарского края.

²⁹ Кобылина М.М.

³⁰ В Фанагорийских экспедициях ГМИИ 1930-х гг. принимали участие студенты Московского индустриально-педагогического института имени Карла Либкнехта и Краснодарского педагогического техникума.

³¹ Замятина Анна Николаевна (1895–1980 гг.) – искусствовед, специалист по французскому искусству, заслуженный работник культуры РСФСР. В ГМИИ с 1925 г. по 1980 г.

³² Александровский Михаил Александрович (1893–1985 гг.) – реставратор скульптуры и прикладного искусства высшей квалификации, заслуженный работник культуры РСФСР. В ГМИИ с 1933 г. по 1978 г. В 1950–1960 гг. – зав. отделом реставрации. Участвовал в Фанагорийской экспедиции в 1936 и 1937 гг.

студентов. Крошка на некрополе с Алешей, Аней, студентами, Никита с 2 студентами.³⁰ Пока всего хорошего, скоро напишу еще. Прочтите письмо Замятиной³¹ и Мих. Ал.³² – чувствую ему интересно, и передайте большой поклон. Жду письма. Н.Л.»

Каждое историческое событие сопровождается мелкая повседневность, детали, то, что современникам, кажется само собой разумеющимся и недостойным внимания. Письма, в отличие от других источников, особенно явственно сохраняют естественную жизнь. Они восполняют среду, которая не менее важна, чем событие.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГМИИ. Отдел рукописей. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 110, 119, 120.

ВОИНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С ПЛЕТЬЮ ИЗ ФАНАГОРИИ

Особенности взаимодействия античной культуры и мира кочевников на северных берегах Черного моря всегда оставались приоритетными вопросами археологии раннего железного века Восточной Европы. В полной мере это положение актуально для римской эпохи, когда жизнь северопричерноморских городов плотно сплетается с окружавшим их сарматским конгломератом. Наиболее ярко взаимодействие различных этнокультурных традиций проявляется в сфере военного искусства, в полной мере отражаясь и на паноплии воинов. Необходимо признать, что изучение вооружения и военного дела городов Боспора Киммерийского в римское время осложняется малочисленностью воинских захоронений, особенно тех из них, что сохранились *in situ*. Большинство исследованных археологами погребальных комплексов с оружием и предметами воинской амуниции еще в древности были потревожены грабителями, иногда не единожды, что крайне негативно сказывается на информативности этих археологических объектов. В этой связи особую значимость приобретает каждая новая находка воинского погребения где вооружение, воинское снаряжение и прочий погребальный инвентарь сохранил свое первоначальное положение. Именно эти археологические реалии формируют наши представления о наборе вооружения, способах его ношения и, следовательно, особенностях его применения в бою.

Именно к этой немногочисленной группе боспорских погребений принадлежит довольно интересное захоронение 141, обнаруженное при раскопках Фанагории в 2010 году.¹ В этом сезоне Фанагорийская экспедиция Института археологии РАН продолжила систематическое исследование древнего кладбища столицы Азиатского Боспора. Раскоп был разбит на Восточном некрополе (рис. 1), на расстоянии немногим более километра от восточной границы городища, у древней дороги, соединявшей Фанагорию и Кепы. Избранный для исследования участок представлял собой плато, протянувшееся с северо-востока на юго-запад, зажатое между крутым береговым склоном Таманского залива и древней дорогой. Поверхность плато можно охарактеризовать как выпуклую, напоминающую грядку с уклонами к морю и дороге. Сохранившийся ландшафт свидетельствует в пользу того, что на этом плато в древности располагалась одна из аллей курганов, протянувшихся вдоль дороги от города в восточном направлении. Подтверждается это и результатами анализа организации пространства некрополя на этом участке.² В результате многолетних работ удалось установить, что здесь располагались курганы, насыпи которых в рим-

¹ Погребение кратко упоминалось в работе о всадниках Фанагории: Ворошилов 2011, 318-319.

² Ворошилова, Ворошилов 2013.

Рис. 1.
Местоположение раскопа,
где обнаружено погребение с плетью,
на Восточном некрополе Фанагории.
Вид с запада

скую эпоху, вероятно, были возведены в римскую эпоху над каменными склепами, но позже были полностью разрушены в результате действия разнообразных антропогенных факторов (дореволюционные раскопки, добыча камня, военные действия времен Великой Отечественной войны, многолетняя аграрная и строительная деятельность и т.п.).

Приведенные факты позволяют предположить, что публикуемая гробница была сооружена в довольно престижном месте: недалеко от города (10–15 минут ходьбы), в непосредственной близости от дороги и берега моря и, вполне вероятно, являлась впускным захоронением в уже существующую курганную насыпь. На момент исследований этот курган был полностью нивелирован и в современном ландшафте не читался.

Погребение было обнаружено в процессе раскопок большой площадью при горизонтальной зачистке материковой «глины-белоглазки» на глубине около 1,7 м от современной дневной поверхности. Сначала было выявлено еле заметное пятно заполнения могильной ямы, засыпанной коричневым суглинком, близким по цвету, структуре и плотности тому слою, в котором погребение было обнаружено. В суглинке заполнения встречались мелкие древесные угли черного цвета.

В процессе расчистки захоронения стало ясно, что погребение не пострадало от действий грабителей, и его содержимое сохранилось до наших дней практически в первоначальном положении (рис. 2). Небольшой урон сохранности комплекса был нанесен лишь землеройными животными, в результате действий которых часть фаланг пальцев левой руки была перемещена в пространство между бедренных костей (полностью сохранились большой и указательный пальцы).

В плане могила имела близкую к прямоугольной форму и была ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад (рис. 3). Длина ямы составила 2 м, ее ширина в восточной части была

Рис. 2.
Погребение после расчистки

равна 0,55 м, в западной – 0,7 м. Практически плоский пол погребения обозначился на глубине около 1,8 м от современной поверхности. Следует отметить, что пятно заполнения удалось зафиксировать практически в самой нижней части могилы – на 5–10 см выше дна ямы. На этом уровне погребение выглядело как захоронение в простой могильной яме с почти вертикальными стенками и ровным горизонтальным полом. Однако дальнейшие исследования заставили усомниться в первоначальной интерпретации конструкции погребения как простой могильной ямы (подробнее об этом будет сказано ниже).

На полу могилы был обнаружен скелет мужчины, умершего в возрасте 30–39 лет.³ Кости человека сохранились неплохо, что позволило довольно полно восстановить первоначальное положение человеческого тела в могиле. Погребенный мужчина был уложен вытянуто на спину, головой ориентирован на северо-восток. Длина скелета *in situ* от крайней точки верхнего свода черепа до нижней точки пяточной кости левой ноги составляла 170 см. Череп опирался на дно могилы затылочной костью и был обращен лицевой частью влево. При этом нижняя челюсть отошла от черепа на значительное расстояние и найдена лежащей на левой стороне между левой ключицей и позвоночником. На то, что голова человека уже при погребении была повернута немного влево указывает и положение шейных позвонков. Положение костей верхних конечностей свидетельствует о том, что руки были вытянуты вдоль тела и прижаты к туловищу в области локтевых суставов. Предплечья, вероятно, были плотно прижаты к поясу таким образом, что кисти рук покоились над верхней частью бедренных костей. Ноги погребенного были вытянуты, но при этом немного раздвинуты в коленях. При этом стопы обращены пятками внутрь, а пальцами ног наружу.

Под скелетом, непосредственно на поверхности пола могилы обнаружено пятно неправильной формы, состоящее из тлена черного и бурого цвета толщиной до 3 мм. Вероятно, это остатки какого-то органического вещества (войлок, кожа?). Наиболее ярко органический тлен был замечен рядом с костями скелета. Под тленом иногда

³ Анализ антропологических материалов выполнен д.и.н. М.В. Добровольской, которой автор выражает свою признательность за помощь в подготовке этой статьи.

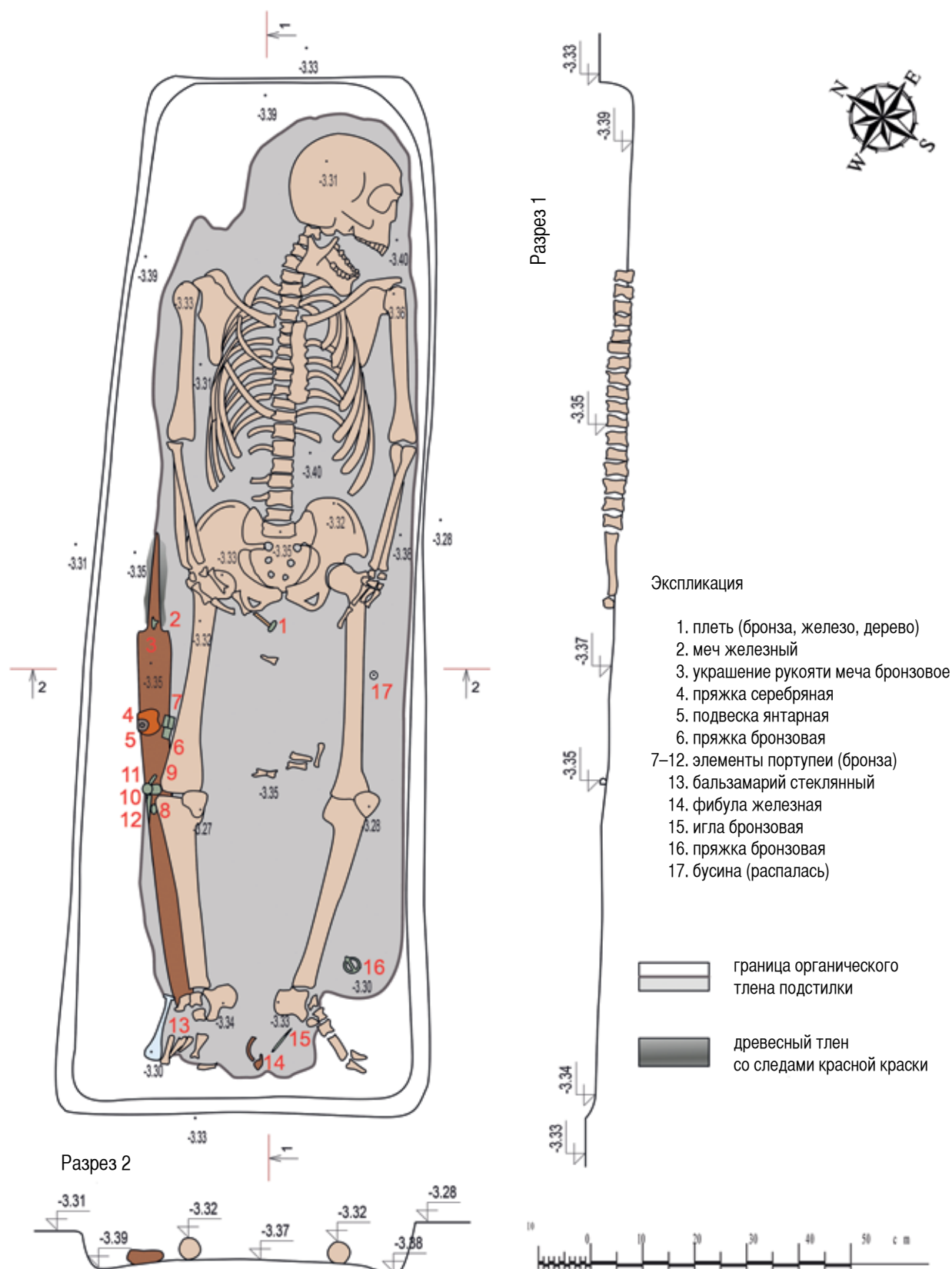

Рис. 3.
План и разрезы погребения

Рис. 4.
Верхняя часть скелета мужчины *in situ*

прослеживалась белёная поверхность пола могилы. Над скелетом следов подобной органики не было.

Примечательно, что при тщательной расчистке погребения не было выявлено никаких следов гроба или саркофага, хотя дерево в могиле частично сохранилось (речь идет о деталях меча и рукояти плети) и при наличии досок гроба хоть какие-то их следы были бы заметны. Отсутствие гроба наводит на размышления о конструкции погребального сооружения. Будь оно простой могилкой, тело погребенного человека было бы засыпано и плотно зафиксировано грунтом. Однако с этой гипотезой не согласуются некоторые особенности положения частей скелета, что дает нам основания выдвинуть предположение о, возможно, более сложной конструкции могильной ямы.

В частности, речь идет о нижней челюсти, которая отошла от черепа на значительное расстояние после разложения мягких тканей, сохранив, тем не менее, правильное анатомическое положение относительно верхней челюсти (рис. 4). Это могло произойти только в том случае, если тело продолжительное время находилось в свободном пространстве могилы и не было зафиксировано заполнением. В свою очередь, это возможно только в двух типах грунтовых могил: с подбоем и с перекрытием (с уступами/заплечиками). Такие варианты грунтовых погребальных сооружений хорошо известны в материалах некрополя Фанагории римского времени. Зачастую эти могилы засыпались тем же грунтом, что и окружающий слой, возможно, применялась забутовка. В связи с этим многие пятна заполнений практически не читаются

(иногда бывает заметно нарушение геологической структуры материка, что способствует обнаружению погребений на менее значительной глубине). В некоторых стратиграфических ситуациях сложно выявить и сырцовые кирпичи, которыми закрывались полости этих могил (заклады подбоев и перекрытия ям с уступами).

Из двух приведенных выше возможных вариантов погребальной конструкции наиболее вероятным представляется захоронение в могиле с перекрытием. В пользу этой гипотезы свидетельствует форма могилы – прямоугольная. Это в полной мере соответствует конструкции фанагорийских «ям с заплечиками». В то время как подбои имеют, как правило, иную форму: дальние от входа углы ниши скруглены (скорее всего, это связано с технологией выкапывания подбоя), а погребенный уложен на спину не идеально ровно. В качестве еще одного косвенного аргумента в пользу совершения захоронения в могиле с перекрытием, а не в подбойной могиле может говорить конструкция некоторых глубоких погребений этого типа из Фанагории. У глубоких могил с перекрытием уступы иногда располагаются значительно выше дна могилы – на метр или более метра ближе к поверхности. Если допустить, что публикуемое погребение имело подобную конструкцию, то существует высокая вероятность того, что участок могилы с уступами находился в слое, затронутом современным почвообразованием, этот процесс мог превратить сырец заклада в почвенный конгломерат. Напомним, что насыпь кургана, в который было впущено захоронение, была разрушена многие десятилетия назад⁴, в связи с чем почвенный горизонт существенно приблизился к погребению, и вероятность развития событий по озвученному нами сценарию значительно возросла. Если же допустить, что погребение все же было совершено в подбойной могиле, то сохранность сырцового заклада, находившегося между нишей подбоя и входной шахтой примерно на той же глубине, что и скелет человека, была бы гораздо лучше, и заметить погребение было бы гораздо проще именно по этой конструктивной детали. Однако никаких следов сырцовых кирпичей по границам могилы выявлено не было. Подводя итог этим пространственным рассуждениям о возможном устройстве могилы, можно резюмировать, что наиболее вероятной конструкцией погребения 141/2010 стоит признать могилу с перекрытием (скорее всего из сырцовых кирпичей).

Погребенного мужчину сопровождал довольно многочисленный и информативный инвентарь (рис. 5). Остановимся на этом подробнее.

В правой руке мужчины обнаружена плеть (рис. 6). Вероятно, при погребении ее вложили в руку умершему человеку. Конструкция плети довольно проста – это деревянная рукоять с бронзовой обоймой, закреплявшей кожаный шнур на одном из окончаний рукояти. Мужчина держал плеть таким образом, что часть ее деревянной рукояти находилась под его кистью и у предплечья. Сохранилась лишь часть плети между костями правой кисти и бронзовой обоймой на конце рукояти (рис. 7). Это не позволяет точно измерить длину деревянной детали, но благодаря зафиксированному вектору направления, в котором она продол-

⁴ Скорее всего, разрушение кургана началось в древности с ограбления центральной, вероятно, каменной гробницы; продолжилось при добыче камня (когда это сооружение было практически полностью уничтожено). Ощутимо пострадал курган и во время военных действий, а окончательно его следы были ликвидированы в советские годы во время строительства здесь первых очистных сооружений винзавода.

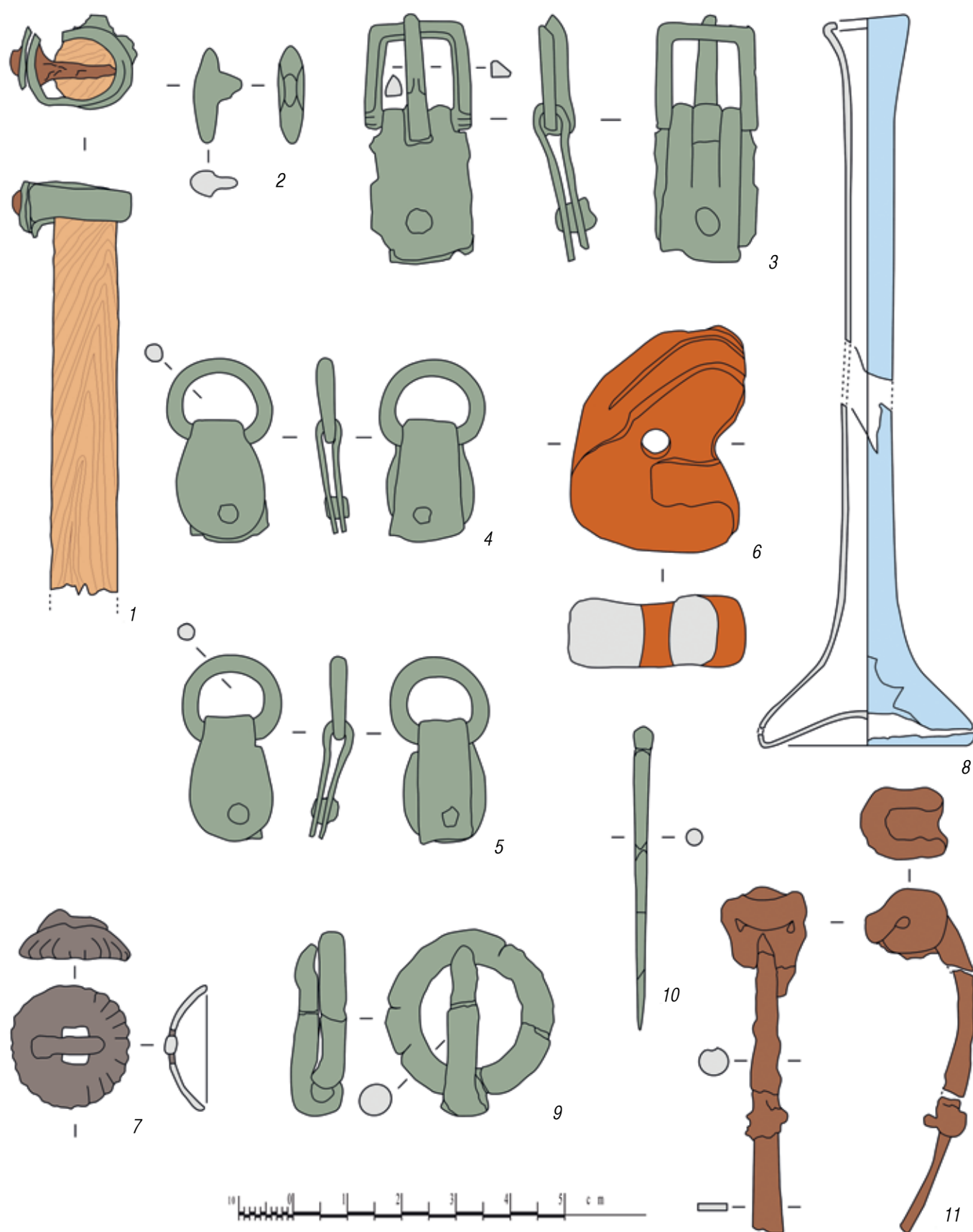

Рис. 5.
Инвентарь

Рис. 6.
Фрагмент погребения.
Плеть в правой руке воина

жалась, можно узнать ее максимально возможную длину. Расстояние между обоймой и северо-западной стеной могилы, в которую могло упираться не сохранившееся окончание деревянной рукояти, составляет около 40 см. Таким образом, деревянная рукоять плети в длину не могла превышать 40 см. Скорее всего, комель располагался рядом с предплечьем у рукояти меча, тогда длина ее ручки была близка 30 см. Диаметр цилиндрической рукояти может быть достоверно

Рис. 7.
Плеть *in situ*. Вид с запада

Рис. 8.
Плеть *in situ*. Вид с юга

установлен только по внутреннему размеру обоймы – около 1 см (рис. 8). В других частях сохранился лишь разрушенный древесный тлен, не позволяющий реконструировать изначальный диаметр рукояти. Вполне возможно, что к комлю рукоять плети становилась толще. Обойма, призванная закрепить на конце рукояти кожаный элемент согнута из бронзовой пластины толщиной около 1,5 мм. Ширина обоймы по периметру деревянной рукояти составляет 5 мм, со стороны кожаной детали ширина достигает максимума в 10 мм. Именно на этом участке наиболее широкие концы бронзовой пластины подведены внахлест. По центру проделано отверстие для железного гвоздя, скреплявшего конструкцию. Обойма сделана таким образом, чтобы наиболее уязвимый узел – место крепления кожи к дереву – накрывала максимальная по площади часть обоймы, да еще и в два слоя. В центр сформированного таким образом «щитка» через сквозное отверстие

Рис. 9.
Меч и детали портупей *in situ*

и кожу вбивался маленький железный гвоздь, который проходил через всю толщину рукояти и упирался в противоположную внутреннюю поверхность обоймы (рис. 5. 1). В продольном сечении форма обоймы сложная и состоит из двух условных элементов: окружность, переходящая с одной из сторон в прямоугольную область (куда вставлялся кожаный элемент плети). Судя по внутренним размерам прямоугольного элемента обоймы, размеры сечения кожаного элемента составляли 10×3 мм.

Большинство находок этой категории снаряжения всадника относится к степным древностям позднесарматского облика. В комплексах 2–3 вв.⁵ встречаются их детали – фрагменты деревянных рукоятей, металлические обоймы с гвоздиками/штифтами для крепления ременной части плети, иногда металлические утяжелители.⁶ В более ранних сарматских памятниках находки плетей неизвестны.

Конструкция плети из Фанагории в полной мере соответствует второй из двух выделенных И.Р. Ахмедовым разновидностей позднесарматских плетей – с узкой обоймой для крепления ремня; по мнению исследователя, эта разновидность появляется несколько позже плетей с широкой обоймой.⁷

Ареал распространения плетей в позднесарматских погребениях обширен – Нижнее Подонье, Нижнее Поволжье, Прикубанье, Подунавье, Приуралье.⁸

Меч с портупеей найден на полу могилы справа от мужчины (рис. 2). Этот массивный железный клинок лежал вдоль его ноги и частично под ней.

Рядом с оружием при погребении была уложена портупея с большим количеством элементов. Данная находка меча с полным комплектом элементов его конструкции, декора и портупеи, обнаруженная в погребении *in situ*, делает возможным детальную реконструкцию не только самого клинкового оружия, но и его портупеи, способа ношения и использования в бою. Это направление исследований заслуживает самостоятельной комплексной разработки.⁹ Поэтому постараемся рассмотреть комплекс находок, связанных с мечем лаконично, не углубляясь в оружейные и вещевые штудии.

Меч не имеет металлического перекрестья, он состоит из массивного обоюдоострого клинка и *черена* (черенка), выкованных из одной заготовки (рис. 9). Общая длина меча составляет 94,5 см, при этом на черен приходилось 20,5 см, на клинок – 74 см. Черен в виде вытянутого равнобедренного треугольника с шириной основания 3 см и толщиной около 5 мм переходит в клинок резко – практически под прямым углом

⁵ Все даты, приводимые в статье, относятся к н.э.

⁶ Ахмедов 2015, 48.

⁷ Там же, 50.

⁸ Автор выражает искреннюю благодарность С.В. Демиденко за информацию о находках плетей в позднесарматских

погребальных комплексах Поволжья (в том числе не опубликованных) и дружескую помощь при подготовке статьи.

⁹ Подробной публикации меча из погребения 141/2010 некрополя Фанагории будет посвящена отдельная работа.

(рис. 10). Клинок имеет параллельные лезвия, сужающиеся к острию в последней четверти его длины. Максимальная ширина клинка приходится на его основание и составляет 5,7 см. Поперечное сечение клинка имеет овальную форму. Толщина клинка достигает 1,5 см, что, безусловно, связано с расширением железа в результате его коррозии. Изначально толщина полотна клинка была гораздо меньше. Остатки деревянного тлена полностью покрывали черен и клинок меча, достигая в толщину 5 мм. Кроме того, на некоторых участках поверхности древесного тлена и вокруг рукояти прослежена тонкая структура, напоминающая сухую ломкую пленку. Возможно, это остатки кожи, обтягивавшей деревянные рукоять и ножны меча. Внешняя поверхность этой пленки сохранила следы яркого красного красителя (рис. 10). Таким образом, меч имел прямую (судя по черену) длинную деревянную рукоять, обтянутую кожей красного цвета. В сантиметре от основания черена, поверх него был выявлен декоративный элемент из бронзы (рис. 5, 2), представлявший собой нечто похожее на гвоздь с коротким широким концом и декоративной удлиненной шляпкой. Вероятно, этот элемент крепился в дереве рукояти, а его выпуклая шляпка немного выступала над её поверхностью и была призвана украшать оружие. Длина рукояти позволяла полноценно держать оружие сразу двумя руками. Клинок находился в деревянных ножнах декорированных, скорее всего, таким же образом, что и рукоять. Судя по отпечаткам древесины на клинке, устье ножен находилось примерно на 1 см ниже основания клинка. На это указывает поперечный след верхней границы ножен перпендикулярный клинку (рис. 10).

Мечи, подобные публикуемому, широко известны не только на Боспоре, но и в сарматском мире. У этой разновидности клинкового оружия обширная библиография, включающая не один десяток

Рис. 10.

Рукоять меча и устье его ножен in situ

Рис. 11.
Скопление элементов портупеи
на клинке меча *in situ*

публикаций.¹⁰ Не останавливаясь на подробном рассмотрении меча, перейдем к краткому рассмотрению деталей его портупеи.

Как говорилось выше, на клинке меча и рядом с ним были обнаружены разнообразные элементы портупеи. Не отвлекаясь на детальную реконструкцию портупеи и возможные способы ее ношения, отметим лишь, что состояла она из нескольких ремней (не менее четырех) различной ширины; крупной бронзовой пряжки с квадратной рамкой и прямоугольным щитком; двух бронзовых распределителей и пары наконечников ремней с заклепками; нескольких бронзовых оков; крупной плоской янтарной подвески со сквозным отверстием в центре и серебряной круглой пряжки с полусферической рамкой и маленьким язычком. Все эти предметы были сконцентрированы на участке второй четверти длины клинка от его основания (рис. 11). Вероятно, именно здесь ножны крепились к портупее несколькими ремнями.

Бронзовая портупейная пряжка с фасетированной рамкой четырехугольной формы (рис. 5. 3; 12). Язычок загнут по фасетке рамки, имеет следы сработанности в средней части. Щиток-обойма, посредством которой пряжка крепилась к ремню, имел прямоугольную форму и был снабжен штифтом-заклёпкой с круглой шляпкой. Размеры рамки – 1,9×2 см; толщина рамки – 0,3 см; размеры обоймы – 1,9×2,6 см. По форме пряжка близка типу ПЗб по типологии В.Ю. Малашева – пряжкам с укороченными прямоугольными фасетированными щитками и прямоугольными ограниченными рамками, язычки которых сравнительно короткие, прогнутые в средней части без уступа у основания.¹¹ В.Ю. Малашев относит эту разновидность пряжек к группе древностей IIa, отмечая, что для нее характерны одночленные лучковые фибулы вариантов 4 и 5, часто крупные.¹² Датировку этой группы он склонен

¹⁰ Приведем неполный перечень значимых работ, в которых фигурирует это оружие: Сокольский 1954, 154–162; Хазанов 1971, 15–27; 2008, 45–72; Безуглов 2000; Кривошеев 2007; Виноградов, Горончаровский 2009, 178–182; Симоненко 2010, 46–51; Нефёдкин 2011, 152–159; и др.

¹¹ Малашев 2000, 196, рис. 4. Бб.

¹² Там же, 199.

Рис. 12.
Элементы портупеи *in situ*

Рис. 13.
Элементы портупеи *in situ*

ограничивать первой половиной 3 в.¹³ Еще один авторитетный исследователь позднесарматских древностей, С.И. Безуглов, датирует сходный с публикуемым погребением комплекс из степного Подонья¹⁴ самым концом 2 – первой половиной 3 в.¹⁵ Хронологическая позиция этого погребения представляет для нас особый интерес, так как, помимо схожих черт обряда, в составе его инвентаря присутствуют аналогичные вещи. Речь идет о близкой по конструкции плети и, конечно, длинном мече с портупейным набором, в состав которого входила аналогичная пряжка с прямоугольной рамкой. Еще две похожие пряжки происходят из погребения 270 некрополя Бельбек IV, которое датируется последней четвертью 2 – первой половиной 3 в.¹⁶

Пара бронзовых распределителей ремней портупейного гарнитура меча (рис. 5. 4, 5; 11). Круглые рамки распределителей в сечении имели округлую и подпрямоугольную форму. Щитки-обоймы для крепления ремня с внешней стороны были овальной формы, с внутренней – прямоугольной. Обоймы скреплялись бронзовыми круглыми в сечении штифтами-заклепками. Диаметр рамки – 1,6×1,9 см; сечение рамки – 0,3–0,4 см; диаметр обоймы – 1,5–2,2 см; диаметр штифта – 0,4 см.

¹³ Малашев 2000, 209.

¹⁴ Могильник Центральный VI, курган 16, погребение 8.

¹⁵ Безуглов 1988, 111.

¹⁶ Гущина, Журавлев 2016а, 182; 2016б, табл. 187. 17–18.

Рис. 14.
Элементы портупеи *in situ*

Рис. 15.
Бальзамарий стеклянный *in situ*

Два бронзовых наконечника ремня – детали портупейного гарнитура меча (рис. 11). Состоят из двух пластинчатых накладок, крепившихся с обеих сторон ремня при помощи пары штифтов-заклепок. Форма накладок треугольная со скругленным окончанием. Размерные характеристики *in situ*: длина – 5,5/6,5 см; максимальная ширина – 1,2/1,1 см; толщина пластин – около 1 мм. Близкая аналогия известна в погребении 18/1984 некрополя Танаиса, которое датируется второй половиной 2 – первой половиной 3 в.¹⁷

Янтарная подвеска, скорее всего, является вторично использованным фрагментом более крупного предмета (рис. 5. 6; 13). Обломленные в древности края предмета были обработаны, в центральной части просверлено сквозное отверстие. Сохранившиеся размеры подвески – 3,2×4 см; максимальная толщина – 1,3 см; диаметр отверстия – 0,5 см.

Серебряная пряжка с рамкой полусферической формы и язычком, изогнутым в средней части (рис. 5. 7; 14). Диаметр – 2,3 см; высота – 0,6 см; длина язычка – 1,4 см. Полные аналогии этому элементу портупеи известны в гарнитурах позднесарматских мечей. В качестве примера назовем пряжки из могильников Камышевский I и Ново-Александровка I.¹⁸

У кисти левой руки, рядом с бедренной костью левой ноги обнаружена стеклянная (?) бежево-розовая бусина сферической формы (распалась при расчистке), ее диаметр составлял примерно 1 см, диаметр сквозного отверстия – 1–1,5 мм.

Рядом с правой ступней, опираясь на пальцы ноги, на полу могилы стоял стеклянный бальзамарий (рис. 5. 8; 15). Он сохранился во фрагментах. Дно вогнуто в центральной части, тулово усеченно-конической формы, горло цилиндрическое, чуть расширенное к венчику, край венчика утолщён, загнут внутрь. Реконструируемая высота – 13,6 см; диаметр дна – 4,7 см; диаметр горла – 0,8–1,3 см диаметр венчика – 1,4–1,6 см;

¹⁷ Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 103, табл. 15. 234.

¹⁸ Безуглов 2000, рис. 4. 7; 5. 2.

Рис. 16.
Пряжка у левой ноги *in situ*

высота горла – около 10,4 см; толщина стенок – 0,1–0,15 см. Стекло прозрачное с зеленоватым оттенком. Бальзамарий соответствует типу I, 2 Е по классификации, предложенной Н.З. Куниной и Н.П. Сорокиной. Наибольшее распространение этот тип сосудов получает от середины 2 до середины 3 в.¹⁹

У левой голени (рис. 16), с внешней ее стороны обнаружена лежащей на полу бронзовая пряжка с круглой рамкой (рис. 5. 9). В сечении рамка круглая, чуть уплощенная. Короткий язычок прогнут в средней части и не достигает в передней части до середины сечения рамки, без уступа у основания. Возможно, пряжка является деталью портупейного гарнитура меча. Размерные характеристики: диаметр рамки – 3 см; сечение рамки – 0,6 см; длина язычка – 3,3 см. Похожие пряжки известны в составе гарнитур позднесарматских мечей из эталонных всаднических памятников. Например, пряжка из погребения 1 кургана 25 в могильнике Вальный I на нижнем Дону, наиболее вероятной датой которого считают конец 2 – первую треть 3 в.²⁰

Между стоп погребенного найдены бронзовая игла и железная фибула. Судя по сохранившимся фрагментам, железная лучковая подвязная одночленная фибула может быть отнесена к 4–5 вариантам по типологии А.К. Амброза, который предложил для них актуальные и на сегодняшний день даты: вторая половина 2 – начало 3 вв. для варианта 4 и конец 2 – 3 вв. для варианта 5.²¹ Размерные характеристики фибулы: длина – около 6,4 см; ширина пружины – 1,4 см; сохранившаяся длина спинки – около 5 см.

Подводя итог рассмотрению инвентаря публикуемого воинского погребения из Фанагории, приходится признать, что подавляющее большинство категорий вещей из этой гробницы типичны для синхронных комплексов так называемого «всаднического» позднесарматского горизонта. Хронологические позиции всех обнаруженных в могиле предметов

¹⁹ Кунина, Сорокина 1972, 161.

²⁰ Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 113, рис. 28. 12.

²¹ Амброз 1966, 50-51, табл. 9, 10, 12.

уверенно укладываются в вековой интервал – с середины 2 по середину 3 в. Опираясь на довольно убедительные результаты хронологического исследования ростовских сарматологов, в которых представлены реперные для данного горизонта древностей погребальные комплексы Подонья, Крыма, Подунавья и Закавказья, содержавшие находки индикаций, монет и римских импортов²², можно сузить датировку фанагорийского захоронения, если не до конца 2 – первой трети 3 вв., то, по крайней мере, до последней трети или четверти 2 – первой половины 3 вв.

Итак, в погребении 141/2010 был погребен житель Фанагории с атрибутами всадника – плетью и длинным мечом позднесарматского типа. Принадлежность этого воина к всадничеству помимо археологических свидетельств подтверждается и результатами антропологических наблюдений. В частности, на сохранившейся шейке левой бедренной кости обнаружена дополнительная фасетка. Эта особенность, встречаемая на костях посткраниального скелета мужчины, может быть использована для реконструкции его образа жизни. Как известно, этот признак является составной частью «комплекса всадника».²³ Кроме того, можно добавить, что воин испытывал в своей жизни большие физические нагрузки, в том числе значительную нагрузку на мускулатуру кисти руки. Эта информация особенно интересна в связи с находкой вместе с погребенным его оружия – тяжелого всаднического меча с длинной рукоятью. Владение таким тяжелым оружием ближнего боя, безусловно, подразумевало высокий уровень физической подготовки его владельца, что полностью подтверждается результатами антропологических исследований.

Уникальная для Фанагории на сегодняшний день находка плети в погребении всадника недвусмысленно говорит о ее применении в качестве средства управления лошадью. В свою очередь, это может являться свидетельством использования боспорскими всадниками в римскую эпоху кочевнических приемов управления боевым конем. Не вызывает сомнений, что обнаруженная в правой руке погребенного воина плеть не может иметь исключительно утилитарный характер, как, впрочем, нельзя и категорично ограничивать традицию использования этого элемента всаднической культуры в античных городах Северного Причерноморья только лишь сарматским влиянием. Вероятно, появление плетей в снаряжении боспорских воинов обусловлено синтезом римских и сарматских культурных традиций. Эта гипотеза выглядит довольно актуально на фоне распространения вооружения сарматского типа вплоть до римских провинций. В Риме плети использовались, в первую очередь, как орудия наказания, символы власти и оружие, а в качестве средства управления верховым конем им отводилась второстепенная роль. Применялись плети и в религиозной сфере.²⁴ Нельзя исключать использование плети в качестве элемента системы социально-иерархических маркеров. Исследователи сарматских древностей отмечали появление плети в погребальном обряде в качестве символа всаднического статуса погребенного²⁵ и символа власти²⁶, которой был наделен ее обладатель. С большой осторожностью позволим себе выдвинуть предположение о том, что плеть могла

²² Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 110–113.

²³ См.: Бужилова 2008, 117, рис. 10; Добровольская 2016, 99–100, рис. 9.

²⁴ Ахмедов 2015, 52.

²⁵ Шиманский 2009, 14–17; Ахмедов 2015, 61.

²⁶ Габуев 2014, 57.

являться символом, обозначающим положение воина в иерархической системе боспорской конницы, формирование которой происходило не без участия варварского окружения Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1-30). Москва.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995*. Москва.
- Ахмедов И.Р. 2015. Плетки из рязано-окских могильников. Новые данные, in: *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы* (ТГЭ LXXVII). Санкт-Петербург, 30–65.
- Безуглов С.И. 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в Степном Подонье, СА 4, 103–115.
- Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья), in: *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона I). Ростов-на-Дону, 169–193.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Бужилова А.П. 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников, in: А.П. Бужилова (ред.), *OPUS. Междисциплинарные исследования*. Москва, 110–120.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2009. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. Санкт-Петербург.
- Ворошилов А.Н. 2011. О всадниках Фанагории, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 316–321.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. 2013. Об организации пространства некрополя Фанагории, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 111–116.
- Габуев Т.А. 2014. *Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии*. Владикавказ.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016а. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 1. Москва.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016б. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 2. Москва.
- Добровольская М.В. 2016. Антропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2013 г.), in: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4). Москва, 93–109.
- Кривошеев М.В. 2007. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья, in: *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология* (Проблемы сарматской археологии и истории VI). Челябинск, 65–70.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. 1972. Стекланные бальзамарии Боспора, ТГЭ XIII, 146–177.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени, in: *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона I). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Нефёдкин А.К. 2011. *Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников)*. Санкт-Петербург.
- Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург.
- Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи, in: М.М. Кобылина (ред.), *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху II* (МИА 33). Москва, 123–196.
- Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва.
- Хазанов А.М. 2008. *Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург.
- Шиманский Е.О. 2009. Наборы вещей в погребениях кочевников урало-казахстанских степей II–IV вв. н.э., *Вестник Челябинского государственного университета* 37 (175), 13–25.

О.М. ВОРОШИЛОВА

О СКЛЕПАХ ФАНАГОРИИ 1–5 ВВ. Н.Э.

История раскопок некрополя столицы Азиатского Боспора насчитывает уже не одно столетие. Систематическое исследование этого насыщенного погребальными комплексами и огромного по площади некрополя, является обязательным условием полноценного изучения Фанагории. Без раскопок некрополя невозможно должным образом реконструировать историю города, образ жизни, традиции и обычаи его населения. В этом контексте особый интерес представляют усыпальницы первой половины первого тысячелетия нашей эры, имевшие довольно сложную конструкцию и содержавшие многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь.¹ На основе изучения склепов можно проследить не только их эволюцию, но и закономерности трансформации погребальных традиций городского населения этого периода.

С 1936 года и по настоящее время на некрополе Фанагории открыто около сотни склепов римского и позднеантичного времени. По конструктивным особенностям сооружений выделяются два основных типа склепов: каменные и грунтовые гробницы.

На сегодняшний день известно 6 каменных склепов. Стены большинства из них сооружались из известняковых блоков. Почти всегда склепы состояли из дромоса и погребальной камеры. Практически все усыпальницы этого времени попали в руки исследователей в частично разрушенном и ограбленном виде. От отдельных захоронений остались лишь отпечатки каменных блоков на дне строительного котлована. Так, например, от каменного склепа, открытого в 2011 г. на Восточном некрополе, уцелело только несколько блоков у входа в погребальную камеру. От блоков, формировавших его каменные стены, сохранились только отпечатки в материковой глине их прямоугольных оснований, заполненные известняковой крошкой. Именно по ним удалось реконструировать форму и размеры сооружения.²

Склеп, открытый в 1972 г. под разрушаемой насыпью одного из курганов Западного некрополя, имел лучшую сохранность из всех известных на сегодняшний день монументальных гробниц Фанагории первых веков нашей эры. Его полностью сохранившиеся стены и часть свода (рис. 1, 2), состояли из римского бетона – обломков камней различных пород и размеров, фрагментов черепицы, битой керамики, прочно скрепленных при помощи известкового раствора (рис. 1, 2; рис. 2, 1, 2). На внутренних оштукатуренных поверхностях стен были обнаружены остатки прочерченного орнамента, имитирующего кладку из каменных квадров (рис. 2, 3). Скорее всего, описанная бетонная конструкция стала

¹ Ворошилов, Ворошилова и др. 2015, 350.

² Ворошилова 2013а, 238–243.

1

2

Рис. 1.
Склеп из римского бетона. 1972 г.
Западный некрополь.
1 – склеп до начала раскопок;
2 – склеп после раскопок

своего рода альтернативой дорогостоящему сооружению из каменных блоков. Возможно, она была несколько дешевле каменной гробницы аналогичных размеров и поэтому внутренние поверхности стен были декорированы имитацией каменных блоков, благодаря чему у входящего в усыпальницу должно было создаваться впечатление, что он находится в помещении с каменными стенами.³

Остатки еще одной монументальной конструкции, имевшей внушительные размеры, но почти полностью разрушенной при добыче камня местными жителями уже в Новое время, были недавно открыты на Восточном некрополе. Сохранился лишь каменный пол склепа и один блок от заклада, преграждавшего вход в камеру (рис. 3. 1, 2). Несмотря на это в заполнении котлована гробницы были обнаружены десятки интересных находок, в том числе из золота. Кроме того, здесь были найдены останки более 70 человек, большинство из которых были молодыми мужчинами. Вероятно, данный склеп принадлежал какому-либо древнему сообществу Фанагории.⁴

Каменные склепы, несомненно, относятся к сооружениям, предназначенным для захоронения не рядовых граждан Фанагории. На это указывает не только использование в строительстве редкого на Азиатском

³ Ворошилова 2015, 301–308.

⁴ Ворошилов, Ворошилова 2017, 71.

1

2

3

Рис. 2.
Склеп 1972 г. Западный некрополь.
1 – склеп после раскопок;
2 – вход в камеру склепа;
3 – внутренний угол камеры склепа

Боспоре и поэтому дорогого сырья – тесаного камня, но и тот факт, что все усыпальницы попали в руки исследователей основательно ограбленными (зачастую не единожды). Скелеты всегда находились в потревоженном состоянии. От погребального инвентаря осталась лишь малая часть вещей, позволяющих датировать комплексы. Тем не менее, даже по этим остаткам можно судить об особом статусе гробниц. Немаловажно и то, что все известные нам каменные склепы, вероятно, являлись основными захоронениями курганов и играли роль центра «композиции» погребальной насыпи, вокруг которого выстраивалось все подкурганное пространство. Их котлован выкапывался с уровня древней поверхности на глубину меньшую, чем высота каменной постройки гробницы. Затем вокруг склепа формировалось тело кургана. Этот погребальный обряд, вероятно, был доступен только знатым и весьма состоятельным жителям города. Безусловно, он был призван подчеркнуть особый статус как погребенных, так и их семей (вероятно и определенных сообществ города).

Помимо немногочисленных каменных гробниц в Фанагории часто встречаются так называемые грунтовые или «земляные» склепы.

1

2

Рис. 3.
Каменный склеп 191/2013.
Восточный некрополь.
1 – каменный склеп (вид сверху);
2 – каменный пол склепа

Именно из них состоит основной массив семейных усыпальниц, открытых при раскопках некрополя столицы Азиатского Боспора. В подавляющем большинстве случаев исследователи находят однокамерные склепы (рис. 4), которые имеют довольно стандартное устройство.

Так, конструкция грунтовых склепов Фанагории включает следующие элементы.

Дромос в виде глубокой вертикальной шахты прямоугольной или трапециевидной в плане формы, длина которой доходит до трех метров при ширине от 0,6 до 1,5 м.

Еще одним обязательным элементом является *погребальная камера* (рис. 4. 2, 3) – подземная комната для совершения захоронений. Она представляла собой помещение, вырубленное под землей в довольно плотном грунте (глина, суглинок). Как правило, форма погребальной комнаты в плане имеет правильные прямоугольные очертания, иногда это квадрат или трапеция. Углы помещения в ряде случаев скруглены. Длина и ширина камеры колеблются от 1,80 до 3,00 м, чаще всего габариты приближаются к 2 м. Это, вероятно, связано с размерами гробов/саркофагов, для установки которых и предназначалась камера склепа.

1

2

3

Рис. 4.
Однокамерные грунтовые склепы.
1 – склеп 221/2014. Восточный некрополь;
2 – погребальная камера склепа 145/2010. Восточный некрополь;
3 – погребальная камера склепа 224/2014.
Восточный некрополь

Потолок камеры почти никогда не сохраняется, редкие случаи обнаружения его фрагментов свидетельствуют о том, что он был сводчатым. Косвенно это подтверждается и тем обстоятельством, что своды некоторых гробниц обрушаются только сейчас (нами исследованы несколько комплексов римского и позднеантичного времени, своды погребальных камер которых обрушились уже в 21 веке). Это позволяет предположить, что потолки погребальных камер продержавшиеся 1 500–2 000 лет были выполнены в форме, близкой к своду естественного равновесия.

Стены погребальной комнаты сохраняются как правило в нижней части (до полуметра) от основания. Эти участки стен почти всегда вертикальны. Пол камеры в большинстве случаев плоский, горизонтальный. Иногда встречаются варианты конструкции с лежанками-подиумами вдоль двух продольных стен или трех стен (с противоположной от входа стены так же присутствует лежанка). При такой организации пространства погребального помещения в конструкции присутствует довольно узкий проход (в который при необходимости так же устанавливались гробы).

Зачастую склепы имеют коридор соединяющий дромос с камерой (длинной 0,60–0,90 м и шириной 0,45–0,60 м). Иногда этот коридор горизонтален, иногда его пол имеет ощутимый уклон от пола дромоса, до более глубокого пола камеры. В некоторых случаях зафиксированы ступеньки. В отдельных случаях удалось проследить арочную форму свода тоннеля, ведущего из дромоса в камеру склепа. В месте входа коридора в камеру очень часто присутствует ступенька (высотой от 0,15 до 0,60 м). Редко встречается оформленный из материкового грунта порог между дромосом и коридором.

Вероятно, во всех склепах вход в камеру закрывался из дромоса. К сожалению, не всегда эта преграда сохраняется до наших дней, скорее всего отсутствие заклада является результатом деятельности древних грабителей, которые проникали в гробницу не только через грабительские лазы, но и непосредственно через его вход. В некоторых случаях даже после ограбления заклад сохранялся, хоть и в потревоженном виде, иногда он исчезал полностью. Но и в этих случаях конструкция погребального сооружения свидетельствует о наличии заклада. В 39 известных нам склепах вход в камеру был заложен. В 7 случаях закладом служили сырцовые кирпичи, уложенные горизонтальными рядами в мощную кладку до полного закрытия прохода в коридор. Еще в 7 гробницах среди закладных камней находились более ранние известняковые надгробия с рельефными изображениями (рис. 5): сцен загробного пира (рис. 5. 1), боспорских всадников, батальных сцен (рис. 5. 3), сидящей в кресле женщины, а также надгробия с надписями (рис. 5. 2).⁵ В остальных случаях заклад чаще всего состоял из известняковых плит (рис. 6), иногда архитектурных деталей более ранних монументальных построек. В конструкции заклада иногда использовали плоскую черепицу (рис. 6. 2), доски или плахи. Часто среди элементов заклада присутствуют морские водоросли – камка (рис. 5. 3).

⁵ Ворошилова, Завойкина, 2016, 24–33.

1

2

3

Рис. 5.
Известняковые надгробия. Восточный некрополь.
1 – надгробие с изображением заупокойной трапезы из склепа 221/2014;
2 – надгробие с надписью из склепа 221/2014;
3 – надгробие с изображением батальной сцены из склепа 145/2010

В склепах совершались многократные захоронения, в связи с чем некоторые из них имели несколько погребальных уровней, которые возникали в тех случаях, когда вся площадь погребальной камеры была занята гробами или саркофагами и появлялась необходимость устанавливать свежие гробы поверх уже стоящих на дне гробницы. В фанагорийских склепах римского времени иногда удавалось зафиксировать до трех ярусов гробов.

В римскую и позднеантичную эпохи покойных располагали в камере, как правило, головами к выходу (рис. 4), в отличие от захоронений в склепах эллинистического времени, где погребенных клали ногами к входу в камеру. Большинство умерших были захоронены в деревянных гробах-саркофагах (рис. 4. 2) или на погребальных носилках-ложах. Некоторые саркофаги были украшены рельефами с изображением мифологических сюжетов и растительных орнаментов. Рельефные изображения изготавливались из гипса и глины (редко необожжённой). В единичных случаях удалось зафиксировать цветную роспись на лицевой стороне этих рельефных изображений. Выявленная гамма использованных красок следующая – белый, розовый, черный, синий и зеленый цвета.

В одном из склепов были найдены фрагменты деревянного гроба, на стенках которого сохранились остатки росписи в виде меандра и треугольников черного и белого цвета. Следы цветной росписи иногда сохраняются на фрагментах деревянных гробов из склепов.

В погребальной камере гробы, как правило, располагались вдоль стен, но иногда их устанавливали еще и в проходе. Известны случаи установки гробов в коридор соединявший камеру и дромос, а также в сам дромос. Кроме того, достоверно зафиксированы подзахоронения в уже засыпанную шахту дромоса склепов римского времени.

Количество гробов и/или захоронений в одном склепе колеблется от 1 до 11.

Достоверно установлено, что склепы могли использоваться не одно столетие и нередко для того, чтобы освободить место для новых захоронений остатки погребенных и инвентаря перезахоранивали в «ботросы» – узкие длинные углубления в полу склепа (рис. 7. 1, 2). Такие ямы зафиксированы на дне нескольких погребальных камер. По своему функционалу они иногда близки оссуариям в которые укладывали кости погребенных после разложения мягких тканей.

Помимо однокамерных склепов в некрополе встречаются и немногочисленные двухкамерные гробницы (рис. 8. 1). На сегодняшний день достоверно известно четыре таких сооружения.⁶ Склепы однотипны, имеют один входной колодец – дромос (от 2,10 до 2,70 м в длину и 0,70–0,80 м в ширину и от 3,70 до 5,95 м в глубину от современной дневной поверхности). У пола дромоса, от его торцевых стен, в противоположные стороны расходились узкие коридоры. В месте перехода дромоса в коридор находилась ступенька (0,15–0,20 м высотой), такая же ступенька располагалась в месте перехода коридора в камеру. Камеры в плане имели квадратную, овальную или трапециевидную

⁶ Блаватский 1941, 36–37, 42, рис. 25, 43, рис. 26, 44–48; 1952, 204; Ворошилова 2013б, 110–111; Ворошилов, Ворошилова 2015а, 17.

1

2

3

Рис. 6.
Заклады входов в погребальные
камеры склепов. Восточный некрополь.
1 – заклад входа в склеп 167/2011;
2 – заклад входа в склеп 220/2014;
3 – заклад входа в склеп 171/2011

форму (от 2,00–2,40 м в длину и 1,50–2,50 м в ширину). Своды всех камер обрушены, но в двух случаях стены сохранились на высоту до 0,95 м, что позволило определить примерную высоту – не менее 1,50 м.

Немногочисленные двухкамерные склепы Фанагории весьма своеобразны (рис. 8. 1). Все усыпальницы относятся к позднеантичному времени – 4–5 вв. н.э. Подобные сооружения не известны среди склепов римского времени. Здесь следует отметить некоторые общие признаки, характерные в целом для двухкамерных и однокамерных склепов позднеантичного времени (рис. 8. 2). Эти сооружения

1

2

имеют конструктивные особенности, отличающие их от склепов более раннего периода. Это узкий дромос, который, в процессе раскопок, легко можно принять за простую могилу прямоугольной в плане формы (так как очертания провала над местом расположения камеры, как правило, очень плохо прослеживаются). В ходе сооружения гробниц позднеантичного времени в качестве заклада входа в камеру часто использовался сырцовый кирпич иногда в сочетании с каменными блоками. Для захоронений этого периода характерно практически обязательное наличие деревянных гробов, в отличие от усыпальниц римского времени, где покойных хоронили не только в гробах или саркофагах, но и на органических подстилках, деревянных носилках.

Рис. 7.
Однокамерный грунтовый склеп
224/2014. Восточный некрополь.
1 – пол погребальной камеры склепа;
2 – ботрос

1

2

Рис. 8.

Склепы позднеантичного времени.
Восточный некрополь.

1 – двухкамерный грунтовый склеп
170/2011;

2 – однокамерный грунтовый склеп
147/2010

В склепах умерших сопровождал многочисленный погребальный инвентарь. Помимо разнообразных бронзовых, серебряных, золотых, стеклянных украшений, бус (рис. 9. 1, 2), костяных пиксид (рис. 12), в гробницах найдено большое количество глиняной посуды (рис. 10–12), предметы быта, использованные в обряде погребения (ножи, иглы, прясла, бритвы и др.) (рис. 13), детали одежды (фибулы, пряжки) (рис. 9. 3; 15. 1), ритуальные предметы (терракоты, амулеты, зеркала) (рис. 9. 4, 5), иногда оружие и воинское снаряжение. В отличие от захоронений в простых могилах, в склепах находят большое количество глиняных светильников (рис. 14), необходимых для освещения камеры и дромоса, а также разнообразных стеклянных сосудов для благовоний (рис. 15).

Среди сопутствующего инвентаря, обнаруженного в склепах, следует отметить находки золотых погребальных венков иногда в виде ленты, иногда с прикрепленными или приклеенными листками, обычно трилистниками (рис. 16. 1). Помимо листиков погребальные венки украшали гладкие или рельефно украшенные круглые медальоны с изображениями, индикации⁷, треугольные и прямоугольные аппликации.⁸ Находки таких погребальных венков встречаются в склепах римского и позднеантичного времени.

⁷ Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова, Сапрыкина 2016, 14, рис. 8.

⁸ Ворошилов 2015, табл. 84–86.

1

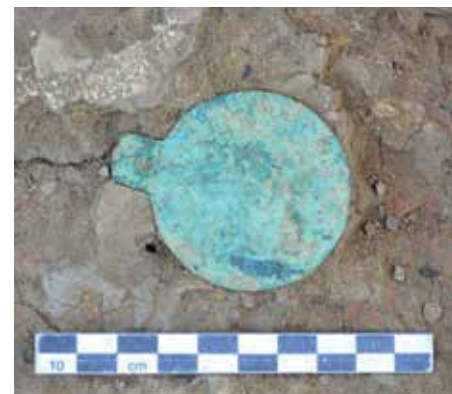
3

4

2

5

Рис. 9.
Погребальный инвентарь из склепов *in situ*.
Восточный некрополь.
1 – украшения у черепа и плеч погребенного
(склеп 169/2011 гроб 3);

2 – серьги золотые, после снятия костей черепа
(склеп 169/2011 гроб 3);
3 – фибула-брошь в виде цикады (склеп 169/2011 гроб 3);
4 – терракотовая статуэтка (склеп 191/2013);
5 – Зеркало бронзовое (склеп 221/2014 саркофаг 1)

1

2

3

4

Рис. 10.
Керамические сосуды из склепов *in situ*. Восточный некрополь.
1 – кружка краснолаковая (склеп 214/2014);
2 – горшок сероглиняный (склеп 147/2010);
3 – кувшин красноглиняный (склеп 145/2010);
4 – кувшин красноглиняный (склеп 171/2011)

1

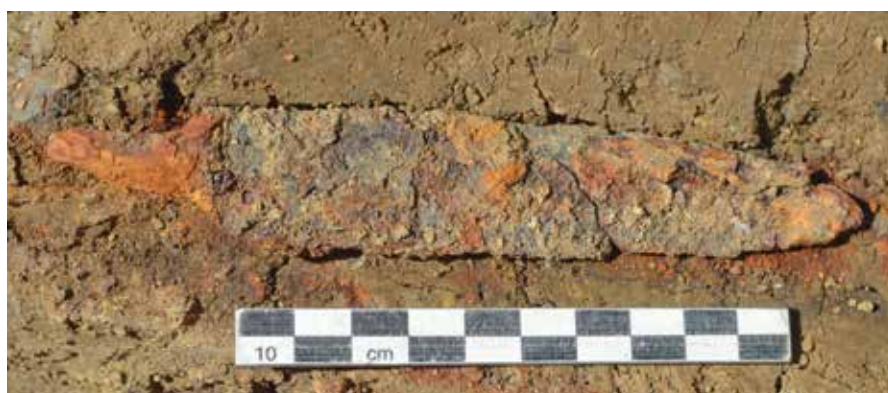
2

Рис. 11.
Керамические сосуды из склепов
in situ. Восточный некрополь.
1 – унгвентарий красноглиняный
(склеп 191/2013);
2 – тарелка краснолаковая
(склеп 220/2014)

К предметам, созданным специально для погребения, относятся имитации деталей ременной гарнитуры, выполненные из золотой и серебряной фольги (рис. 16. 2). На все изделия нанесен рельефный орнамент. Примечательно, что в двух погребениях с находками имитаций ременных гарнитур, обнаружено клинковое оружие и предметы конской узда. Можно предположить, что перед нами черты единого погребального обряда, характерного преимущественно для воинских захоронений. Не вызывает сомнений, что подобные детали ременных гарнитур, изготовленные из фольги, не могли выполнять функций (крепление ремней) реальных пряжек и наконечников, как и не служили накладками на детали ремней из бронзы или железа. Они изготавливались

Рис. 12.
Набор посуды из склепа 169/2011
in situ. Восточный некрополь

1

2

Рис. 13.
Предметы быта из склепов *in situ*.
Восточный некрополь.
1 – нож железный (склеп 214/2014);
2 – пряслице керамическое
(склеп 220/2014)

1

2

3

специально для погребальной церемонии и были призваны имитировать более дорогие реальные предметы из золота или серебра. Именно поэтому изготовлены они довольно детально, на некоторых даже присутствует подвижный язычок. Использовались имитации деталей ременных гарнитур исключительно в обрядовой практике. Наличие такого рода предметов в могилах свидетельствует о том, что в Фанагории существовали ремесленники и торговцы, которые занимались изготовлением и продажей вещей, необходимых исключительно для погребального ритуала.⁹

Редкой категорией инвентаря склепов является оружие. Наиболее яркой стала находка в 2010 году длинного массивного меча в ограбленном в древности склепе. Меч был не замечен грабителями, так как находился непосредственно у входа в камеру. Его длинную рукоять украшал золотой каст с гранатом каплевидной формы. Меч найден лежащим поперек входа в камеру, его клинок был немного выдвинут из ножен. Подобное расположение оружия в гробнице не случайно, скорее всего, меч был призван выполнять охранительную функцию,

Рис. 14.
Светильники из склепов *in situ*.
Восточный некрополь.
1 – светильники сероглиняные
(склеп 191/2013);
2 – Светильник красноглиняный
(склеп 191/2013);
3 – светильник краснолаковый
(склеп 145/2010)

⁹ Ворошилова 2011, 321–324; Ворошилов, Ворошилова 2015б, 71.

1

2

Рис. 15.
Погребальный инвентарь
из склепов *in situ*.
Восточный некрополь.
1 – инвентарь у ног погребенного
(склеп 224/2014);
2 – бальзамарий стеклянный
(склеп 214/2014)

1

2

Рис. 16.
Погребальный инвентарь
из склепов *in situ*.
Восточный некрополь.
1 – лист погребального венка
из золотой фольги (склеп 167/2011);
2 – имитация деталей ременной
гарнитуры из серебряной фольги
(склеп 167/2011)

предупреждая потенциальных грабителей от вторжения в склеп или от каких-то иных угроз.¹⁰

Из фанагорийских грунтовых склепов происходит оригинальная группа памятников боспорского искусства – рельефные украшения гробов-саркофагов.¹¹ Открыто более десятка погребальных комплексов с такими украшениями. Изделия рельефной погребальной пластики очень разнообразны, к ним относятся налесты в виде акротериев, колонн и капителей, рельефы с растительными мотивами. Но наиболее яркими являются гипсовые и терракотовые рельефы с изображением божеств, героев и сюжетов из мифов, животных, связанных с погребальным культом и представлениями о загробном мире¹² (рис. 17).

Таким образом, среди погребальных сооружений, характерных для некрополя Фанагории 1–5 вв. н.э., семейные усыпальницы, несомненно,

¹⁰ Ворошилов, Ворошилова 2015б, 70–71.

¹¹ Ворошилова 2012, 81–89.

¹² Ворошилов, Ворошилова 2015б, 68–69; Медведев 2009, 168, рис. 8.

1

2

Рис. 17.
Рельефные украшения саркофагов
в виде маски Медузы Горгоны *in situ*.
1 – аппликация из сырцовой глины
(склеп 145/2010);
2 – аппликация из обожженной глины
(склеп 224/2014)

занимают выдающуюся позицию. На создание грунтовых, а тем более каменных склепов, требовались значительно большие затраты, чем для устройства захоронений в простых могилах. Некоторые склепы использовались длительное время – на протяжении не одного столетия. Не вызывает сомнений, что такие усыпальницы могли себе позволить отнюдь не все жители столицы Азиатского Боспора.

Анализ конструктивных особенностей склепов позволил выделить не только их отдельные типы, но и проследить эволюцию сооружений в течение рассматриваемого отрезка времени. К числу наиболее ранних склепов римского времени, несомненно, следует отнести каменные усыпальницы. На основании современных данных, традиция их возведения не выходит за пределы 2-го века н.э. Склепы, построенные из каменных блоков, вероятно, являлись центральными сооружениями курганов, насыпи которых в большинстве случаев до наших дней не сохранились. Вокруг каменных гробниц были выявлены скопления грунтовых склепов, ориентированных камерами к центру кургана, где и располагалась сама каменная конструкция.¹³ Подобное расположение каменных склепов, несомненно, свидетельствует о более высоком социальном статусе погребенных в них горожан по сравнению с умершими, помещенными в грунтовые усыпальницы.

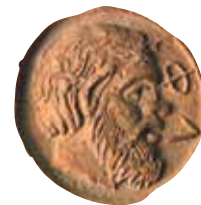
В устройстве грунтовых склепов с течением времени наблюдаются ощутимые изменения. В частности, к концу 3 в. н.э. изменяется форма дромоса, он становится уже и длиннее, чем ранее. Вход в погребальную камеру все чаще закрывают простые каменные блоки, черепица или сырцовые кирпичи. В качестве закладных камней практически не встречаются надгробия. Начиная с 4 в. н.э., покойных помещают в погребальную камеру преимущественно в узких деревянных гробах без каких-либо украшений и аппликаций, которые встречались на саркофагах римского времени. В позднеантичных усыпальницах среди предметов инвентаря уменьшается количество глиняной и стеклянной посуды. Основными находками в склепах этого времени становятся детали одежды, украшения, бытовые предметы.

На основе всестороннего анализа склепов Фанагории можно сделать вывод о том, что на протяжении римского и позднеантичного периода в некрополе преобладают эллинские погребальные традиции. Не вызывает сомнения, что некоторые элементы погребального обряда являются привнесенными из варварского окружения. В начале первых веков существовали тесные отношения между жителями Фанагории и племенами Прикубанья, что способствовало экономическому расцвету и политической стабильности города. Со второй половины 3 в. н.э. в погребальном инвентаре прослеживаются сармато-аланские и восточногерманские влияния. Однако, использование склепов, как погребального сооружения присущего эллинам, наличие саркофагов, большое количество «городского» погребального инвентаря (терракотовые статуэтки, керамика, элементы костюма, украшения и пр.) указывает на то, что в некрополе Фанагории на протяжении 1–5 вв. н.э. господствовал погребальный обряд, характерный для античного мира.

¹³ Ворошилов, Ворошилова 2013а, 76–78; 2013б, 111–116.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Сапрыкина И.А. 2016. Новые находки золотых индикаций в Фанагории, in: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4). Москва, 7–23.
- Блаватский В.Д. 1941. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг., *ТГИМ XVI*, 5–74.
- Блаватский В.Д. 1952. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг., in: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху I* (МИА 19). Москва, 189–226.
- Ворошилов А.Н. 2015. Таманский археологический музей (Таманский филиал Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника), in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 556–562.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015а. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя, in: *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Москва, 16–19.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015б. Некрополь, in: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Фанагория* (Альбом). Москва, 60–75.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2017. Новейшие исследования некрополя Фанагории, *Таврические студии 12*. Симферополь, 69–72.
- Ворошилова О.М. 2011. Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 321–324.
- Ворошилова О.М. 2012. Рельефные украшения деревянных саркофагов Фанагории, *РА 2*, 81–89.
- Ворошилова О.М. 2013а. Каменный склеп из раскопок некрополя Фанагории в 2011 г, in: *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург, 238–243.
- Ворошилова О.М. 2013б. Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории, in: *Новые материалы и методы археологического исследования*. Москва, 110–111.
- Ворошилова О.М. 2015. Фанагорийский склеп из римского бетона, *ПИФК 1*, 301–308.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. 2013а. Новые материалы о планиграфии некрополя Фанагории, in: *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 76–78.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н. 2013б. Об организации пространства некрополя Фанагории, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 111–116.
- Ворошилова О.М., Ворошилов А.Н., Кадиева А.А., Болелов С.Б. 2015. Склеп, *БРЭ 30*, 350.
- Ворошилова О.М., Завойкина Н.В. 2016. Надгробие фиасота Мокка сына Левкия из Фанагории, in: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4). Москва, 24–33.
- Медведев А.П. 2009. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005–2007 гг.), *Норция VI*, 146–170.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ ИЗ РАСКОПОК СЛОЕВ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ ФАНАГОРИИ

Доступность сырья, простота его обработки и долговечность получаемых изделий способствовали широкому использованию кости и рога в эпоху античности и средневековья. Это объясняет значительное количество костяных предметов разного назначения, находимых в ходе раскопок древних поселений и городищ. Как ни странно, этого нельзя сказать о Фанагории, где в ходе раскопок значительной площади (2000 м² на участке «Нижний город» и почти 3000 м² на участке «Верхний город») найдено чуть более десятка костяных изделий. Такая ситуация не характерна как для раннесредневековых городов Северного Причерноморья в целом, так и для хазарских памятников в частности, где, как правило, находят довольно значительное количество костяных орудий труда, различных предметов домашнего обихода, украшений, игровых принадлежностей и проч. Так, на трех салтовских селищах в Подонье найдено более 300 изделий из кости, которые составляют 47% общего числа находок.¹ Около 340 костяных предметов происходят с Животинного городища.² 332 экземпляра насчитывает коллекция предметов из кости и рога, происходящих из раскопок Мангупа.³ Более 1300 находок из кости и рога зафиксировано в ходе раскопок Саркела–Белой Вежи.⁴ Это тем более удивительно, что при ограниченном количестве дерева (леса, расположенные в непосредственной близости к городу, в которых можно было бы добывать материал, отсутствовали), с одной стороны, и при развитом животноводстве, которое было обильным источником доступного и легкого в обработке сырья, – с другой, кость должна была стать основным материалом для изготовления необходимых в быту и ремесле предметов и инструментов. В таких ремеслах, как выделка кожи, войлока и шерсти, изготовление лощеной посуды и т.д. (кстати сказать, особенно распространенных среди носителей салтово-маяцкой культуры), кость была единственным пригодным материалом. Объяснить такое положение дел в средневековой Фанагории можно только тем, что жители, покидая город в виду какой-то опасности, захватили все, что могли унести или увезти с собой.

В ходе раскопок хазарских слоев Фанагории найдено в общей сложности 90 костей или их фрагментов со следами специальной обработки, в т.ч. 9 изделий из кости, происхождение которой в силу глубокой обработки определить невозможно. Остальные принадлежат четырем видам домашнего скота – крупному рогатому скоту (КРС), мелкому рогатому (МРС) скоту, свинье и лошади. Распределение костных остатков по анатомической принадлежности и видам приведено в таблице 1.

¹ Красильников 1979, 77.

² Винников 2011а.

³ Душенко 2016, 222.

⁴ Флерова 2001, 16.

Таблица 1. Распределение остеологических фрагментов различных видов домашнего скота по анатомической принадлежности

Кость/Вид	КРС	МРС	Свинья	Лошадь
Лопаточная	–	2	–	–
Лучевая	–	2	1	–
Бедренная	–	–	1	–
Большая берцовая	–	18	2	–
Грифельная	–	–	–	1
Астрагал	3	–	–	–
Предплюсна	–	–	–	1
Метаподия	5	30	–	7
Фаланга	8	–	–	–
ИТОГО: 81	16	52	4	9
%	19,8	64,2	4,9	11,1

По функциональному назначению предметы из кости, найденные в ходе раскопок т.н. хазарских слоев Фанагории, можно разделить на несколько категорий: орудия труда и предметы быта. Отдельные группы составляют предметы невыясненного назначения и отходы производства. При этом следует отметить, что такое деление носит условный характер, т.к. некоторые предметы могут быть отнесены к нескольким группам, назначение ряда предметов исследователями определяются по-разному и т.д.

Орудия труда

Рукояти инструментов.

Две цельные рукоятки от инструментов, возможно, шильев (рабочие части инструментов не сохранились) из большой берцовой кости и метаподии МРС.⁵ На изделии, изготовленной из ББК (рис. 1. 2), середина выбрана (сделано продольное отверстие), края на конце, куда вставлялся черешок металлической части инструмента, стесаны и сходят «на нет» к внутреннему краю отверстия; противоположная часть обломана. Вторая (метаподия) – с обломанным эпифизом и глубоким продольным отверстием на противоположном конце, куда, по-видимому, вставлялся черешок металлической части инструмента. (рис. 1. 1) Края на этом конце стесаны и сходят «на нет» к внутреннему краю отверстия. Поверхности обеих ручек залощены.

⁵ «Нижний город», квадрат АЗ, штык 15 (далее шифр находки дается по схеме: НГ («Нижний город»), АЗ/15 или ВГ («Верхний город»), 75/14.

⁶ НГ, И1/9.

Приспособления для плетения рыболовных сетей.

Инструмент, выполненный, скорее всего, из ребра свиньи. Один конец заострен, на широком конце имеется округлая выемка, предназначенная, скорее всего, для удерживания нити.⁶ (рис. 1. 3) Как правило,

Рис. 1.

1, 2 – рукояти инструментов;

3 – челнок для плетения рыболовных сетей;

4, 5 – проколки;

6 – игла;

7, 8 – фрагменты стержней;

9 – пластина;

10 – игольник;

11 – орудие из лопатки

подобные инструменты определяют как челнок для плетения рыболовных сетей.⁷

Проколки, иглы.

Проколка из грифельной кости лошади с заостренным концом.⁸ (рис. 1. 4) Поверхность заглажена, конец отполирован, по-видимому, в процессе использования. На расстоянии 0,6 см от острого конца – слабо выраженная кольцевая бороздка. Эпифиз сработан. Проколки (кочедыки), которые могли использоваться в самых разных целях, и изготовление которых отличалось простотой и не требовало специальных навыков, относятся к числу наиболее часто встречаемых находок на древних памятниках.⁹ Если говорить о Северном Причерноморье, то здесь аналогичные инструменты находят как в слоях эллинистического и римского времени¹⁰, так и в средневековых. Например, в Саркеле аналогичная проколка происходит из слоя 9–12 вв.¹¹, а в Херсонесе – 11–13 вв.¹², на Мангупе – из комплекса 1462–1475 гг.¹³ Около 140 кочедыков-проколов разных типов обнаружено на Животинном городище.¹⁴

Клинообразный инструмент с заостренным концом из кости КРС или лошади мог служить проколкой или стилем для письма по навощенной дощечке.¹⁵ (рис. 1. 5) Уплощенная тыльная часть (на фанаторийском экземпляре отломана) служила для стирания написанного и разглаживания воска. Похожие инструменты известны по раскопкам Мангупа¹⁶, Коринфа, где они датированы 9–12 вв.¹⁷ Близкие по форме орнаментированные стили происходят из слоев 11–13 вв. Портового квартала Херсонеса.¹⁸

Игла с косо сработанным или срезанным концом (второй конец обломан).¹⁹ (рис. 1. 6) Поверхность отполирована. Видимо, выточена из трубчатой кости крупного копытного.

Круглый в сечении стержень диаметром 0,5 см.²⁰ (рис. 1. 8) Оба конца обломаны. Поверхность отполирована. Предположительно изготовлен из трубчатой кости крупного копытного.

Круглый в плане стержень, заостряющийся к одному из концов.²¹ (рис. 1. 7) Поверхность отполирована. Оба конца обломаны. Макс. диаметр – 1,0 см; min. диаметр – 0,5 см. Предположительно изготовлен из трубчатой кости крупного копытного. Возможно, часть стилия.

Игольник из кости бедра свиньи с тщательно вычищенной серединой, срезанным эпифизом и просверленным сквозным круглым отверстием.²² (рис. 1. 10) Обрезанный край зашлифован, противоположный – обломан. Внизу подобные игольники закрывались при помощи пробки или тряпки, предохранявших иглы от выпадения; носили их, подвешивая с помощью шнура на груди или на поясе.²³

Предполагается использование подобных предметов также в качестве украшений, амулетов или хранилищ апотропеев. Однако находки в погребениях хазарского Подонья – как пустых игольников с отверстиями и без них вместе с бусами и бубенчиками, так и экземпляров без отверстий и с металлическими иглами внутри – говорят о двояком

⁷ Романчук 1981, 86–87, рис. 1. 19, 20.

⁸ ВГ, 78/7.

⁹ Горбунов 2011, рис. 1. 2–7.

¹⁰ Петерс 1986, 51.

¹¹ Флерова 2001, 74, рис. 33. 7.

¹² Klenina 2012, 447, fig. 7. 4.

¹³ Душенко 2015, 238, рис. 4. 14.

¹⁴ Винников 2011а, рис. 6–9.

¹⁵ НГ, А7/16.

¹⁶ Душенко 2009, 440, рис. 2. 22, 24; 3. 26–28.

¹⁷ Davidson 1952, 187, pls. 83. 1369, 1370; 84. 1371, 1372.

¹⁸ Романчук 1981, 93, рис. 5. 103, 108.

¹⁹ ВГ, 79/8.

²⁰ ВГ, 76/8.

²¹ ВГ, 76/8.

²² НГ, А8/17.

²³ Флерова 2001, 79.

использовании подобных изделий.²⁴ В Саркеле игольники преобладают в слоях хазарского времени.²⁵

Пластина подпрямоугольной формы с вырезанной выемкой в форме неправильного треугольника на одной из узких сторон.²⁶ (рис. 1. 9) Второй конец обломан. Лицевая сторона зашлифована. Предположительно изготовлена из ребра КРС. Отход производства или, по аналогии с современными приспособлениями, пластина для намотки нити.

Орудия из лопаток.

Лопатка мелкого рогатого скота с просверленным в верхней части правой лопасти овальным отверстием диаметром 14 мм.²⁷ (рис. 1. 11) В значительной степени утрачена нижняя часть правой лопасти, что, возможно, свидетельствует о сильном механическом воздействии в процессе эксплуатации. О разных способах использования лопаток подробно пишет В.Е. Флерова: их могли использовать для выпрямления сыромятных ремней, как скребки для выделки шкур, снятия мездры, для гадания.²⁸ Они могли служить амулетами, т.к. рогам, клыкам и когтям животных, а также некоторым костям скелета, в том числе лопаткам и пястным костям, придавалось особое значение как свидетельству силы.²⁹ Аналогии известны по раскопкам Саркеле³⁰, Биляре³¹ и Болгаре, где обнаружено скопление 80 лопаток с обломанной кромкой, продольными царапинами и пробитыми круглыми отверстиями на плоскости.³²

Ложила.

Несколькими вариантами представлены инструменты, которые можно определить как ложила.

Ложило уплощенной формы, широкое, со слегка расширяющимся рабочим концом.³³ (рис. 2. 1) Второй конец обломан. Инструменту придана долотовидная форма, но конец не заострен, а плоско обрезан, так же как и обе узкие боковые стороны. Отполированность всех сторон инструмента, включая обе узкие, свидетельствует об их практически равном использовании, хотя одна широкая рабочая поверхность и кончик одной из узких сторон отполированы несколько лучше. Судя по блестящей отполированной поверхности и отсутствию царапин от соприкосновения с твердыми материалами, ложило использовалось при работе с каким-то мягким материалом: кожей, войлоком или шерстью.

Прямоугольное в плане и плоско-выпуклое в сечении ложило из трубчатой кости крупного копытного (лошади или КРС).³⁴ (рис. 2. 2) Один конец обломан. Две длинные узкие стороны и плоская широкая хорошо залощены. Вторая короткая узкая сторона ровно обрезана и, по-видимому, тоже слегка залощена. Лощение присутствует и на выпуклой стороне.

Небольшие размеры рассмотренных ложил говорит об их использовании для лощения каких-то небольших площадей, возможно, керемики или швов на кожаных или шерстяных изделиях. Возможно, для удобства их вставляли в ручку.

²⁴ Флерова 2001, 79.

²⁵ Там же, 80.

²⁶ НГ, А1/12.

²⁷ НГ, И5/17.

²⁸ Флерова 2001, 89–91.

²⁹ Там же, 11.

³⁰ Там же, рис. 43.

³¹ Пальцева, Шакиров, Худяков 2012, 211, рис. 4. 8, 9.

³² Закирова 1988, 224, рис. 98. 11.

³³ НГ, Е3/15.

³⁴ НГ, Ж8/18.

Рис. 2.

1, 2 – ложила;

3–10 – рашпили (коньки, гладилки)

Рашпили (коньки, гладилки).

Найдено 10 инструментов, сделанных из метаподии КРС (2) и метаподии лошади (8). Четыре из них с одной (1), двумя (2) и четырьмя (1) подтесанными сторонами, на которые нанесены поперечные параллельные косые ряды клиновидных насечек. (рис. 2. 3, 5–8) Причем, поверхности сторон с насечками хорошо залощены, по-видимому, в процессе эксплуатации. На пяти – подтесаны и отполированы до блеска в одном случае две или, в остальных случаях, одна сторона. (рис. 2. 4, 9, 10) На одном инструменте подтесаны три стороны, из которых одна отполирована, а на две другие нанесены насечки. На четырех инструментах передний конец подтесан с одной стороны таким образом, что он слегка приподнимается над поверхностью (рис. 2. 7, 8, 9), на остальных – срезан таким образом, что он образует с остальной поверхностью одну плоскость. Задний конец инструментов также выведен в одну плоскость с рабочей поверхностью. Следует отметить, что из 10 инструментов 7 сконцентрированы на небольшой площади в штыке 15 западной части раскопа «Нижний город».

Подобные инструменты называют по-разному: рашпили, гладилки и т.д. По мнению Б.Г. Петерса, такие инструменты имели широкий диапазон применения: их использовали при выделке шкур, а с подсыпкой абразивного материала – для сглаживания и полировки различных

твердых поверхностей.³⁵ На фанагорийских экземплярах поверхность с насечками залощена, что свидетельствует об использовании инструмента для разглаживания какой-то мягкой поверхности, кож или войлока. Дополнительной обработки, а именно разглаживания и лощения, требует и ткань после снятия с ткацкого станка. Особенно это касается шерстяных тканей. С.А. Семенов, посвятивший таким инструментам специальную работу, считает, что во время работы орудие под большим давлением скользило вперед, слегка вдавливаясь в кожу или ткань. Для облегчения скольжения один (передний) конец инструмента подтесывали таким образом, чтобы он был слегка приподнят над поверхностью. Такая подтеска хорошо видна на четырех экземплярах из Фанагории. Причем, аналогичные найденным в Фанагории гладильники из Саркела употреблялись для ножной работы, что было значительно эффективнее, т.к. была задействована не только мышечная сила, но и вес тела.³⁶

Высказывается также мнение об использовании подобных предметов в качестве коньков.³⁷

Предметы быта

Астрагалы.

Астрагалы были полифункциональны и могли использоваться в качестве амулетов, застежек, приспособлений для разжигания огня, как лощила и штампы, для предсказания судьбы.³⁸ Считалось, что несколько астрагалов, хранимых вместе в шкатулке, приносили счастье владельцу. Их привязывали к детской колыбели, помещали в детские погребения.³⁹ Существует точка зрения, связывающая использование астрагалов с одним центральным отверстием в качестве шумящих подвесок или даже ремесленных приспособлений.⁴⁰ Однако наиболее широко их все же использовали в качестве игровых принадлежностей.

Среди игр, в которых были задействованы астрагалы, выделяют две группы. Азартные игры, в которых астрагалы выпадали определенной стороной, а игроки подсчитывали количество очков в соответствии с «ценой» сторон, каждая из которых имела свое название, причем специфическая форма кости позволяла обходиться без дополнительной маркировки, хотя в некоторых случаях «цена» обозначалась буквами или выемками. К примеру, в древней Греции и Риме широкая выпуклая сторона оценивалась в 3 очка, широкая вогнутая – в 4, узкая углубленная – в 1, узкая плоская – в 6.⁴¹

Однако наиболее распространенными были спортивно-азартные игры, разные варианты т.н. «игры в бабки»⁴², цель которой заключалась в выбивании битой как можно большего количества бабок с линии или из круга.⁴³ Среди астрагалов, предназначенных для игры в бабки, выделяют простые и утяжеленные (биты), по-разному использовавшиеся в игре. Для выбивания использовали астрагалы с просверленными полостями, в которые заливали свинец, что их значительно утяжеляло

³⁵ Петерс 1986, 42–43, табл. II, III, 1–11.

³⁶ Семенов 1959, 357–358.

³⁷ Сергеева 2010, 206–208.

³⁸ Gilmour 1997, 171–173; Флерова 2001, 108–111; Сергеева 2010, 202; Душенко 2015, 240.

³⁹ Флерова 2001, 108.

⁴⁰ Сергеева 2010, 202.

⁴¹ Адамов 1989, 96; Стрельник, Хомчик, Сорокина 2009, 35.

⁴² Петерс 1986, 77–84.

⁴³ Стрельник, Хомчик, Сорокина 2009, 35; Душенко 2016, 228.

(примерно в два-три раза).⁴⁴ Отверстие для заливки свинца, как правило, конической формы, просверливали на нижней стороне астрагала. Углубление меньшего диаметра иногда имеется и на противоположной, выпуклой, стороне астрагала.⁴⁵ Именно так выглядят биты, сделанные из астрагалов КРС, из раскопок «Нижнего города» Фанагории.⁴⁶ (рис. 3. 1, 2) На одной из фанагорийских бит на одной из широких сторон нанесено круглое углубление. По предположению А.А. Душенко, такие углубления (от 1 до 3), определяют числовые значения сторон.⁴⁷

Два астрагала крупного рогатого скота подтесаны: один с двух широких сторон, поверхность которых залощена⁴⁸; у второго подтесаны все четыре длинные стороны.⁴⁹ (рис. 3. 4) Третий – представляет собой выпиленную срединную часть астрагала, все длинные стороны которого подтесаны и залощены, в центре – крестообразное отверстие.⁵⁰ (рис. 3. 3)

Подобные изделия могли использовать в качестве бит в игре в бабки⁵¹, а также могли применяться для натяжки струн музыкальных инструментов.⁵² Отдельно следует отметить мнение Т.В. Блаватской, которая считала подобные астрагалы шашками и отмечала их находки во многих античных городах Северного Причерноморья, особенно в Танаисе и Пантикапее.⁵³ Не исключено, что астрагалы КРС с подтесанными и залощенными сторонами могли использоваться в качестве лоцил.

Незначительное количество астрагалов, найденных в жилых кварталах Фанагории⁵⁴, также необычно. Игра в кости была одной из наиболее популярных как в эпоху античности, так и в средневековье, что объясняет многочисленные находки астрагалов на средневековых памятниках, в частности в салтово-маяцких и болгарских жилых комплексах и погребальном инвентаре.⁵⁵ Значительное их количество выявлено при раскопках в Тмутаракани⁵⁶, Саркеле-Белой Веже, где в слоях 9–11 вв. найдено 367 астрагалов, причем как минимум 320 – в наборах.⁵⁷ 215 экземпляров происходят из Животинного городища.⁵⁸ Более 217 астрагалов найдено в ходе раскопок квартала 60 в западном районе Херсонеса в слоях 10–13 вв.⁵⁹ На Тепсене при раскопках 1959 г. возле дома 5 обнаружено 18 бараньих астрагалов; при раскопках дома 12 – 7.⁶⁰ В Судаке 20 штук найдено в одной из могил.⁶¹ На Мангупе астрагалы также относятся к числу наиболее часто встречаемых костяных изделий (40 астрагалов).⁶² Астрагалы являются наиболее многочисленной (22 предмета) категорией находок из кости, выявленной на территории дворца правителей Феодоро на Мангупе.⁶³ Самую многочисленную группу находок (43 шт.) оставляют астрагалы с поселения 8–9 вв. возле с. Заречное Великописаревского района Сумской области⁶⁴ и т.д.

Сумаки.

Найдено 10 больших берцовых костей МРС с заглаженным (4) эпифизом и довольно большим эллипсоидным (5) или круглым (5), прорезанным до полости боковым отверстием (второй конец у всех найденных костей обломан). (рис. 3. 8–17) В этнографии подобные изделия известны как приспособления, выводящие мочу от туго запеленутого

⁴⁴ Красильников 1979, 99, рис. 7. 15.

⁴⁵ Сергеева 2010, 202.

⁴⁶ НГ, Б1/13 и И5/11.

⁴⁷ Душенко 2015, 240; 2016, 227, рис. 2. 23–25.

⁴⁸ НГ, 33/10.

⁴⁹ НГ, К5/15.

⁵⁰ НГ, объект 509.

⁵¹ Душенко 2016, 228.

⁵² Флерова 2001, 110–111.

⁵³ Блаватская 1959, 70.

⁵⁴ Чахидзе 2012, 198, рис. 132. 5, 9.

⁵⁵ Закирова 1988, 233.

⁵⁶ Чахидзе 2008, 224–225, рис. 126. 26, 27.

⁵⁷ Флерова 2001, 108–111, рис. 55–58.

⁵⁸ Винников 2011б, 87.

⁵⁹ Klenina 2012, 453.

⁶⁰ Майко 2004, 233, рис. 132–133.

⁶¹ Майко 2007, 234, рис. 145, 2; 146, 2; 148, 2.

⁶² Душенко 2016, 226, рис. 2–6.

⁶³ Душенко 2015, 240.

⁶⁴ Стрельник, Хомчик, Сорокина 2009, 40.

Рис. 3.
1-4 – астрагалы;
5 – амулет;
6, 7 – накладки;
8-17 – сумаки

ребенка. У тюркских народов такие приспособления назывались *шумек* или *сумак*.⁶⁵ Их находки известны на памятниках Крыма⁶⁶, Северного Кавказа и Поволжья: в Саркеле⁶⁷, Биляре⁶⁸, Болгаре, на Селитренном городище.⁶⁹ Они найдены также известны в азиатской части Боспора на поселении у пос. Ильич, где они выявлены в слое 5 в., в Танаисе – в слое 3 в. и в слое конца 4 в. Эти предметы встречались и в слоях античного времени в Фанагории.⁷⁰

По мнению Б.Г. Петерса, такие приспособления использовали в странах с жарким климатом племена, ведущие кочевой образ жизни. С.А. Плетнева, отмечая частые находки сумаков в Саркеле, где они попадались только в нижнем беловежском слое, содержащем преимущественно «разбитые остатки саркельских хозяйств», также относит их к кочевническому кругу бытовых предметов, сделанных специально для ухода за младенцами. Она связывает их с хорошо сформованными в основном цилиндрическими сосудами с горизонтально отогнутым широким плоским и крепким бортиком, которые служили детскими горшочками, вставлявшимися в дно люлек «бешик».⁷¹

С бытованием колыбелей «бешик» с мочеотводными приспособлениями связывают непреднамеренную затылочную деформацию, возникавшую в результате длительного лежания ребенка на спине, которая выявлена при изучении антропологического материала из погребений хазарского времени могильников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа.⁷² Ареал люлек «бешик» охватывает огромную территорию от азиатских степей до Балканского полуострова⁷³, а в некоторых районах Закавказья и в Средней Азии их используют до сих пор. В ряде среднеазиатских стран сумак входит в комплект современных люлек.

Амулеты-натуралии.

Амулет из предплюсны лошади с просверленным отверстием, сквозь который продевали шнурок.⁷⁴ (рис. 3. 5) Они известны по раскопкам салтовских селищ Подонья.⁷⁵ Амулеты, среди которых особенно популярны кости животных, были одним из наиболее распространенных проявлений языческих верований хазар. Кость воспринималась как хранилище жизненной силы и служила символом бессмертия. Несмотря на то, что верхушка хазарского общества приняла иудейскую религию, основная масса населения оставалась языческой. Причем язычество у хазар было полноправной религией, а не пережиточным явлением.⁷⁶

Накладки.

Декоративная плоская, фигурно вырезанная накладка (?) со сквозным круглым отверстием⁷⁷ (рис. 3. 7). Поверхность на обеих сторонах отполирована. Один конец обломан. В виду фрагментарности определить ее функциональное назначение затруднительно. Невозможно определить и происхождение кости.

Дуговидная накладка плосковыпуклая в сечении.⁷⁸ (рис. 3. 6) Лицевая, выпуклая сторона отполирована. На оборотной – частые косые

⁶⁶ Петерс 1986, 76.

⁶⁷ Флерова 2001, 77–78, рис. 35. 1–3.

⁶⁸ Пальцева, Шакиров, Худяков 2012, 212, рис. 4. 10.

⁶⁹ Закирова 1988, 226, рис. 98. 7.

⁷⁰ Петерс 1986, 76, табл. XV. 22–28.

⁷¹ Плетнева 2006, 113.

⁷² Перерва 2004, 218–219.

⁷³ Там же, 219.

⁷⁴ НГ, бровка между квадратами И1–И4–К1–К4.

⁷⁵ Красильников 1979, 86–87, рис. 5. 4–6, 8.

⁷⁶ Плетнева 1967, 171.

⁷⁷ НГ, объект 508.

⁷⁸ ВГ, 77/8.

насечки, возможно, нанесенные для более прочного приклеивания к основе. Оба конца обломаны. Изготовлена из губчатой кости, скорее всего, ребра. Возможно, это накладка лука.

Предметы неясного назначения

Трубчатая кость с подтесанным с четырех сторон диафизом, в результате чего он приобрел четырехгранное сечение.⁷⁹ (рис. 4. 8) Оба эпифиза частично срезаны. На боковой стороне одного из них просверлено небольшое круглое сквозное отверстие, использовавшееся, судя по потертости, для продевания шнура для подвешивания. Поверхность диафиза хорошо заглажена, одна из сторон отполирована до блеска. На всех четырех гранях видны царапины, полностью покрывающие их поверхность. Местами царапины напоминают надпись.

Определить назначение метаподии МРС без специальной обработки, но с просверленным отверстием⁸⁰ (рис. 4. 7) не позволяет второй обломанный конец. Не исключено, что она служила амулетом или ручкой инструмента. Высказывается мнение, что кости со сквозным отверстием, просверленным в диафизе ближе к одному из концов, использовались в качестве для наматывания ниток.⁸¹

Остальные находки, скорее всего, можно отнести к категории заготовок и отходов производства, среди которых самую многочисленную группу составляют заготовки для изготовления сумачков. Это метаподии МРС, один из эпифизов которых отпилен и просверлен (26), в том числе 10 костей пясти и 16 костей плюсны. (рис. 4. 1) К этой же группе относятся и 2 метаподии КРС с просверленным эпифизом. Большое количество таких заготовок зафиксировано в Биляре, Болгаре и на Самосдельском городище.⁸² К заготовкам для изготовления сумачков, скорее всего, следует отнести и 14 фрагментов костей с небольшим отверстием на боковой поверхности, в т.ч. 5 – метаподий МРС и 9 больших берцовых костей МРС. (рис. 4. 2–5)

Трудно определить назначение лучевой кости (молодая особь) с двумя овальными отверстиями в боковой поверхности⁸³ (рис. 4. 6), а также 5 расколотых вдоль фаланг КРС, в том числе двух с отверстиями, проделанными в задней части кости (6 взрослых, 1 молодая) (рис. 4. 9, 10) и лучевой кости МРС (молодая особь) с проделанной выемкой в эпифизе.

К отходам производства относится метаподия КРС со следами спила, сделанным недалеко от эпифиза и, судя по его очень гладкой поверхности, мелкозубчатой пилой.⁸⁴ (рис. 4. 11)

Коллекция изделий из кости, найденных в ходе раскопок последних лет на раскопах «Верхний город» и «Нижний город» Фанагории, хотя и незначительна, но весьма красноречива. Особенно показательны находки сумачков и заготовок для их изготовления, которые составляют в представленной коллекции самую многочисленную группу, что свидетельствует о наличии в составе населения Фанагории представителей

⁷⁹ НГ, ЕЗ/15.

⁸⁰ НГ, объект 29.

⁸¹ Сергеева 2010, 209.

⁸² Пальцева, Буржаков, Сьянова 2012, 22, 23.

⁸³ НГ, К1-К2/13.

⁸⁴ ВГ, 78/7.

Рис. 4.
Заготовки и отходы производства

кочевников, коими, несомненно, были представители салтово-маяцкой культуры.

Немногочисленные инструменты (гладильники и ложила), так или иначе, можно связать с выделкой кожи, войлока или шерстяных тканей, которые были крайне важны в эпоху средневековья. Причем, речь в данном случае может идти не о каком-то значительном производстве, продукция которого была предназначена на продажу, а об их изготовлении для внутреннего домашнего использования.

Изготовление всех найденных на городище костяных предметов, при котором максимально сохранялась первоначальная форма сырья, не требовало специальных знаний и навыков. Это позволяет сделать вывод об изготовлении предметов из кости дома по мере возникновения надобности в них.

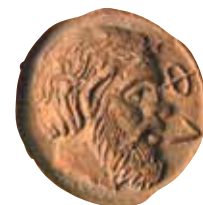
Хотя все описанные изделия из кости происходят из верхних, «хазарских» слоев городища, мы не можем в полной мере быть уверенными, что они относятся к хазарскому времени, т.к. есть вероятность того, что некоторые представляют собой «примесь снизу» и попали в верхние слои в результате столь характерных для Фанагории перекопов. Кроме того, формы практически всех представленных изделий крайне консервативны и бытовали на протяжении длительного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А. 1989. Астрагалы со следами обработки из Новосибирского Приобья II тыс. н.э., in: *Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири*. Новосибирск, 83–97.
- Блаватская Т.В. 1959. Игральные кости из Пантикапея, *Listy Filologicke* VII (LXXXII), 68–80.
- Винников А.З. 2011а. Изделия из кости и рога с Животинного городища VIII – начала XI века, *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета* 3/2, 1–20.
- Винников А.З. 2011б. Костяные амулеты со славянского Животинного городища VII – начала XI века, *Вестник Воронежского государственного университета* 1, 87–94.
- Горбунов Д.Н. 2011. Косторезное дело населения древнего Курска, *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета* 3/2, 57–71.
- Душенко А.А. 2009. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви св. Константина (Мангун), *МАИЭТ* XV. Симферополь, 432–456.
- Душенко А.А. 2015. Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро, *МАИЭТ* XX, 233–262.
- Душенко А.А. 2016. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мунгула, *МАИЭТ* XXI, 222–247.
- Закирова И.А. 1988. Косторезное дело Болгара, in: *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва, 220–243.
- Красильников К.И. 1979. Изделия из кости салтовской культуры, *СА* 2, 77–91.
- Майко В.В. 2004. *Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-восточном Крыму*. Киев.
- Майко В.В. 2007. *Средневековые некрополи Судакской долины*. Киев.
- Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В. 2012. Костяные предметы быта средневекового населения Биляра, *Филология и культура* 1 (27), 208–215.
- Пальцева Д.У., Буржаков Р.А., Сьянова О.А. 2012. Косторезное производство Нижнего и Среднего Поволжья на основе анализа костяных заготовок и бракованных изделий Биляра и Самосдельского городища, *Каспийский регион: политика, экономика, культура* 4 (33), 20–26.

- Перерва Е.В. 2004. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2, in: *Материалы и исследования по археологии Кавказа* 4. Армавир, 216–233.
- Петерс Б.Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва.
- Плетнева С.А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура* (МИА 142). Москва.
- Плетнева С.А. 2006. *Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование* (МАИЭТ Suppl. 1). Симферополь.
- Романчук А.И. 1981. Изделия из кости в средневековом Херсонесе, in: *Античный и средневековый город* (Античная древность и Средние века 5). Свердловск, 84–105.
- Семенов С.А. 1959. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела-Белой Вежи, in: *Труды Волго-Донской археологической экспедиции II* (МИА 75), 253–361.
- Сергеева М.С. 2010. Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я), *Древности* 9, 198–215.
- Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. 2009. Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України, *Археологія* 2, 34–49.
- Флерова В.Е. 2001. *Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII века*. Санкт-Петербург.
- Чхаидзе В.Н. 2008. *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. Москва.
- Чхаидзе В.Н. 2012. *Фанагория в VI–X веках*. Москва.
- Davidson G.R. 1952. *The Minor Objects* (Corinth 12). Princeton.
- Gilmour G.H. 1997. The Nature and Function of Astragalus Bones from Archaeological Contexts in the Levant and Eastern Mediterranean, *Oxford Journal of Archaeology* 16/2, 167–175.
- Klenina E. 2012. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretation and Chronology, in: B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci (eds.), *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts* (Byzas 15). Istanbul, 441–455.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ФАНАГОРИИ ПО КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ «ВЕРХНЕГО ГОРОДА» (6–3 ВВ. ДО Н.Э.)

В сборнике «Северное Причерноморье в античности: связи, контакты и культурные взаимодействия», подготовленном В. Козловской, была опубликована интересная статья известных специалистов в области изучения амфорной тары С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецовой, посвященная внешней торговле в Причерноморье от эпохи архаики до эллинизма включительно. В ней последовательно, очень ясно и с большим знанием дела излагаются достижения современной науки в этом важном разделе античной археологии, затрагивается ряд серьезных проблем, в том числе до сих пор не получивших окончательного и убедительного решения. Нас же сейчас будет интересовать лишь одна из них, а именно: попытка обоснованно судить о динамике торговых связей на «палеоэкономическом» уровне на основе «действительно массового амфорного материала – профильных частей амфор».¹ И более конкретно – реконструкция динамики торговых связей Фанагории и ее место в торговле.²

Для анализа исследователями были использованы главным образом выборки массового керамического материала с нескольких памятников Азиатского Боспора: городов (Гермонасса, Фанагория, Патрей) и сельских поселений («Волна-4», «Береговой-4», «Чубово», «Красноармейское-1», «Усатова Балка-3» и «Усатова Балка-4»)³. Сразу должен отметить, что представленная картина, отражающая изменения торговых связей во времени и специфику товарного ассортимента каждого из памятников в отдельности, наиболее адекватна уровню достижений сегодняшнего дня и в методическом плане выглядит вполне внушительно. Однако глаз невольно «цепляется» за вывод исследователей, согласно которому Фанагория, крупнейший центр региона, практически во все рассмотренные периоды в большей или меньшей мере «выпадает» из общего ряда как по общей динамике оборота товаров, привозимых в керамической таре, так и по составу центров-экспортеров.

Так, в период с последней трети 6 по конец 5 вв. до н.э. пик импорта в Фанагорию приходится на первую четверть 5 в. до н.э., тогда как во всех других (кроме Волны 4) случаях – на вторую четверть этого столетия. Некоторое сокращение импорта в Фанагорию в этот отрезок времени авторы исследования пытаются объяснить «... или уменьшением ввоза из городов, пострадавших во время греко-персидских войн, включая центры Северной Эгеиды (с которыми у Фанагории были, по всей видимости, особые отношения), или нарастанием военно-политической напряженности на Таманском полуострове. Вместе с тем, это никак не объясняет, почему для большинства остальных памятников

¹ Monakhov, Kuznetsova 2017, 81 ff.

² Предложенная методика пересчета фрагментов амфор тех или иных центров производства в выборках была успешно апробирована Е.В. Кузнецовой, которой написан этот раздел статьи, в ее диссертации (Кузнецова 2013а; специально на примере Фанагории см.: Кузнецова 2005 (на материалах раскопа «Верхний город», 2003–2004 гг.); 2013б; 2014).

³ Для сравнения привлекались также материалы памятников Европейского Боспора – Пантикапея и поселений Крымского Приазовья (Monakhov, Kuznetsova 2017, 83–93).

⁴ Здесь исследователи опираются на выводы, полученные в результате анализа систем расселения и статистики некрополей Азиатского Боспора (ссылаясь на: Завойкин, Сударев 2006а, 101–152; Завойкин, Сударев 2006б, 263–304; Гарбузов, Завойкин 2009, 141–176; 2010, 105–130; 2011, 194–223; Гарбузов и др. 2011, 90–173; Гарбузов, Завойкин 2012, 114–150).

⁵ Это утверждение теперь, конечно, должно быть отвергнуто (см. Кузнецов 2017а, 154; 2017б, рис. 1, 2).

⁶ Monakhov, Kuznetsova 2017, 84, 86.

⁷ Ibid., fig. 4.8a, b. По анализируемой выборке, объем импорта в Фанагорию в третьей четверти 5 в. до н.э. сокращается катастрофически – в три раза, а в последней четверти этого столетия – в 2,9 раза (Кузнецова 2013б, 220).

⁸ Monakhov, Kuznetsova 2017, 90, 92.

⁹ Этот термин, конечно же, использован здесь условно (см. Завойкин 2017а, 133–137).

¹⁰ И «... только по материалам Фанагории, Гермонассы и Патрея фиксируется появление тары Фасоса (на Патрее еще с конца VI в.)» (Monakhov, Kuznetsova 2017, 88).

¹¹ «Со второй четверти V в. можно говорить о практически идентичных тенденциях, наблюдаемых в составе основных импортеров: повсеместное преобладание хиосских товаров; сокращение импорта из Северной Эгеиды (в Фанагории и «Чубово» не столь значительное, как в остальных пунктах)» (Monakhov, Kuznetsova 2017., 88).

¹² «Для Фанагории вообще характерна сравнительно небольшая доля продукции Менды на протяжении всего времени поставок. Наибольший «вес» она имеет в первой половине IV в., достигая при этом всего 9,5%» (Monakhov, Kuznetsova 2017, 88, note 98).

¹³ Ibid., 92–93.

пик импорта приходится на вторую четверть столетия. Если предположить, что в 70-е годы V в. начинается миграция сельского населения в городские центры⁴ (не имеющие, кстати, оборонительных укреплений⁵), то, казалось бы, должна наблюдаться обратная тенденция – увеличение поставок (большая численность – выше потребление). Однако могла иметь место и другая ситуация – приток населения вызвал определенный кризис в городах, связанный с ухудшением общей экономической ситуации». ⁶ Только во второй половине 5 в. до н.э. Фанагория демонстрирует общую для всех других поселений тенденцию – резкий спад уровня торговой активности.⁷ «Наметившееся с конца V в. увеличение объемов импорта продолжилось и в начале следующего столетия. Анализ материалов говорит о том, что максимального уровня он достиг во второй четверти IV в. Вместе с тем... по материалам с Фанагории, «Чубово» и «Берегового-4» показатели относительной плотности распределения не превышают уровня пиков импорта предыдущего столетия». ⁸

Заметно выделяется Фанагория и по составу торговых контрагентов⁹: *в последней трети 6 в. до н.э.* («В Фанагории же на данном этапе превалирует продукция центров Северной Эгеиды»); *в первой четверти 5 в. до н.э.* («Исключением из общего правила является Фанагория, где на первом месте находится продукция центров Северной Эгеиды»¹⁰); *в третьей четверти 5 в. до н.э.*¹¹ («безоговорочное преобладание импорта с Хиоса и сокращение долей продукции всех остальных производственных центров. И лишь в Фанагории просматривается несколько иная тенденция – ввоз с Фасоса, несмотря на практически двойное уменьшение его объемов, занимает довольно значительную нишу на рынке – 37,6 %»); *в последней четверти 5 в. до н.э.* («Ситуация «выравнивается» ... – на рассматриваемых рынках региона возрастает роль фасосской и мендейской продукции... Однако в Фанагории картина вновь отличается – ввоз из Менды в процентном выражении значительно меньше, чем на других пунктах»¹²); *в 4 в. до н.э.* Фанагория (как и Пантикапей на противоположной стороне пролива) выделяется среди прочих поселений региона особенно высокой долей фасосской продукции.¹³

В итоге С.Ю. Монахов и Е.В. Кузнецова приходят к заключению, что «Анализ состава импортеров, чья продукция представлена на памятниках Азиатского Боспора, позволяет говорить о большом разнообразии в торговых связях поселений. Несмотря на наличие некоторых общих тенденций, характерных для большинства поселений, говорить о единообразии товарооборота не приходится». И далее: «Тот факт, что все античные дороги сходились в крупнейшем городе – Фанагории, не может являться доказательством ее ведущей роли в распространении товаров... Видимо, не все товаропотоки проходили через столицу Азиатского Боспора. Часть из них шла напрямую от переправы вглубь региона, вплоть до среднего Прикубанья». А кроме того, «... идея о прямых поставках в Лабрис кажется более предпочтительной, чем версия о распределении товаров в Фанагории. Не менее вероятно, что основным

перевалочным пунктом в торговле с населением Прикубанья являлась удобно расположенная Горгиппия».¹⁴

Как видим, выводы очень ответственные, в немалой степени отличные как от традиционных представлений, так и от прямого указания Страбона (XI. 2, 10) о роли Фанагории в торговле с местными варварами, живущими на материке (на свидетельстве которого эти традиционные взгляды, прежде всего, и основаны).¹⁵ Отсутствие упоминания этого ценного источника в исследовании о торговых связях несколько удивляет.

Разумеется, здесь нельзя обойти вопрос о хронологии источника, на который опирался Страбон. Ответить на него односложно – не представляется возможным. Однако уже тот факт, что с первой четверти 3 в. до н.э. объемы торговли с прикубанскими меотами (о которой и говорится прежде всего в «Географии») резко падают¹⁶ (достигая минимума в первой половине 1 в. до н.э.)¹⁷, если и не может служить доказательством того, что географ описывает ситуацию, отдаленную от него во времени, то, по крайней мере, заставляет думать о том, что радикальная перемена торговых путей на Азиатском Боспоре только к рубежу новой эры не слишком вероятна. Иными словами – не думаю, что роль Фанагории в торговле товарами, перевозимыми на Боспор морскими путями, стала значительной только к закату эллинизма. Скорее, следует полагать, что источник Страбона описывает ситуацию 4 – начала 3 вв. до н.э. А если так, впору задуматься о том, как объяснить слишком уж необычные характеристики амфорного комплекса Фанагории, проанализированного специалистами по керамической таре.

Очевидно, что начать следует с рассмотрения самой выборки материала. Насколько можно судить, речь идет о 2183 экз. амфорных ножек последней трети 6 – середины 3 вв. до н.э., которые были получены раскопками на «Верхнем городе» Фанагории в 2004–2006 гг. на площади 900 м².¹⁸ В количественном отношении выборка довольно представительна. Другой вопрос, в какой мере она отражает все этапы истории города со второй половины 6 по 3 вв. до н.э., насколько она «случайная»? Для меня очевидно, что характеристики коллекции материалов, полученных в конкретном районе города (в данном случае – на площади не более 0,15% от общей территории городища¹⁹), находятся в прямой зависимости от его стратиграфии.

На раскопе «Верхний город» (не только на Центральном его участке, с которого была получена проанализированная выборка, но и на остальной его площади, которая приблизилась к 3000 м²) регулярный слой второй половины 5 в. до н.э. практически отсутствует. Слой этого периода представлен исключительно в объектах, заглубленных в более ранний слой и материк (обычные круглые ямы или прямоугольные котлованы, численность которых не очень велика²⁰). Отсутствие этих культурных отложений нельзя объяснить ничем иным, кроме как тем, что они были «уничтожены»²¹ на этом участке памятника в ходе перепланировочных работ накануне очередного строительного периода.

Еще не так давно это умозаключение самому мне не казалось столь очевидным. Я допускал вероятность, что примерно на протяжении

¹⁴ Monakhov, Kuznetsova 2017, 93.

¹⁵ Например, см. Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 262, прим. 36 (с литературой).

¹⁶ Незначительным подъемом третьей четверти 3 – первой четверти 2 вв. до н.э. здесь можно пренебречь.

¹⁷ Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 278, 280.

¹⁸ Кузнецова 2014, 190. Ср. Кузнецова 2013б, 219: выборка амфорных ножек 6–5 вв. до н.э. – 1937 экз.

¹⁹ Для сравнения: на поселении Волна 4 было исследовано раскопками до материка 3 га, что составляет 75–85,7% от общей площади памятника (3,5–4 га) (благодарю за эту информацию Н.И. Сударева). Разумеется, репрезентативность выборки, полученной на этом памятнике, не может идти в сравнение с фанагорийской, превосходя ее многократно.

²⁰ Завойкин, Кузнецов 2013.

²¹ Говоря об «уничтожении» культурных напластований, разумеется, мы подразумеваем лишь его перемещение за пределы исследованного раскопками участка. В периоды нормального функционирования коммунального хозяйства мусор вывозился на городские свалки (или же утилизировался на месте в специальных ямах). Когда же речь идет о работах по перепланировке площади перед новым этапом строительства, возможны были иные варианты. В случае с «Верхним городом», видимо, допустимо предполагать перемещение грунта на склоны верхней террасы городища. Именно это допущение позволяет объяснить сохранность нижней части (почти до 2 метров в высоту) древнейших оборонительных сооружений этого района, расположенных у самого обрыва плато. Построенные с уровня материка еще в третьей четверти 6 в. до н.э. они были разрушены около рубежа первой и второй четверти 5 в. до н.э. (Кузнецов 2017б). К северо-востоку от линии оборонительных стен наблюдалось резкое (под 40°) падение слоев в сторону склона (рис. 1). Таким образом, например, почти на уровне подошвы крепостных стен на примыкающей к ним с востока площади был расчищен развал амфор (уходящий за пределы восточного борта раскопа, кв. 82, шт. 17) последней четверти 5 в. до н.э. (рис. 2). А еще ниже и далее к СВ (кв. 82, шт. 20) – бронзовый обол ок. 54/53–51/50 гг. до н.э. (л.с. Голова Аполлона вправо; о.с. Орел на молниях влево, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ – SNG BM 945) (определение М.Г. Абрамзона).

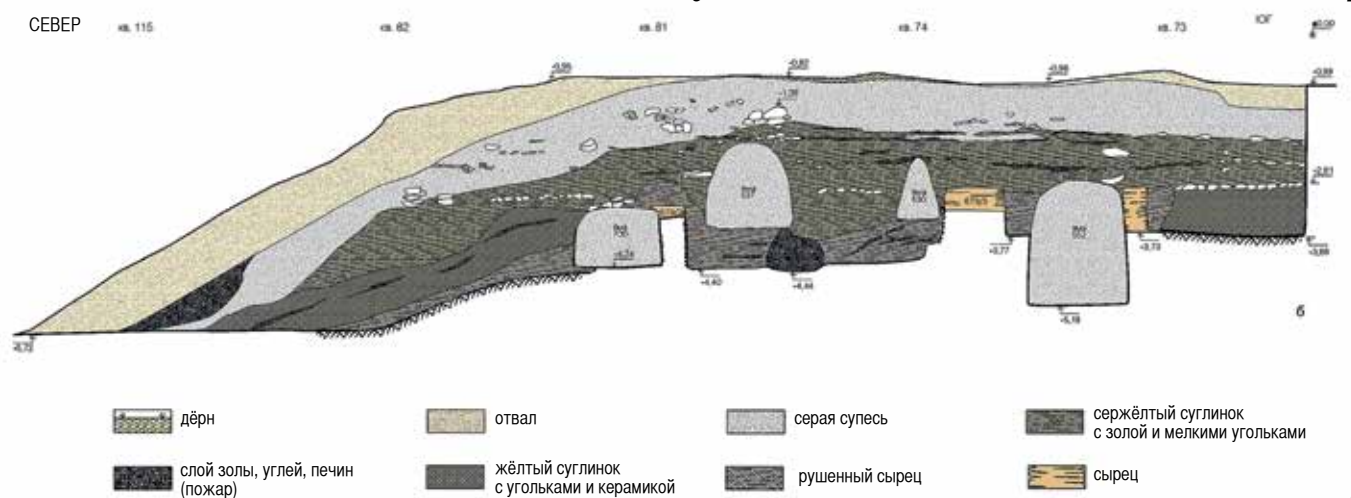
а

б

в

г

Рис. 1.
Восточный борт Северного участка
«Верхнего города»:
а – общий вид (с запада);

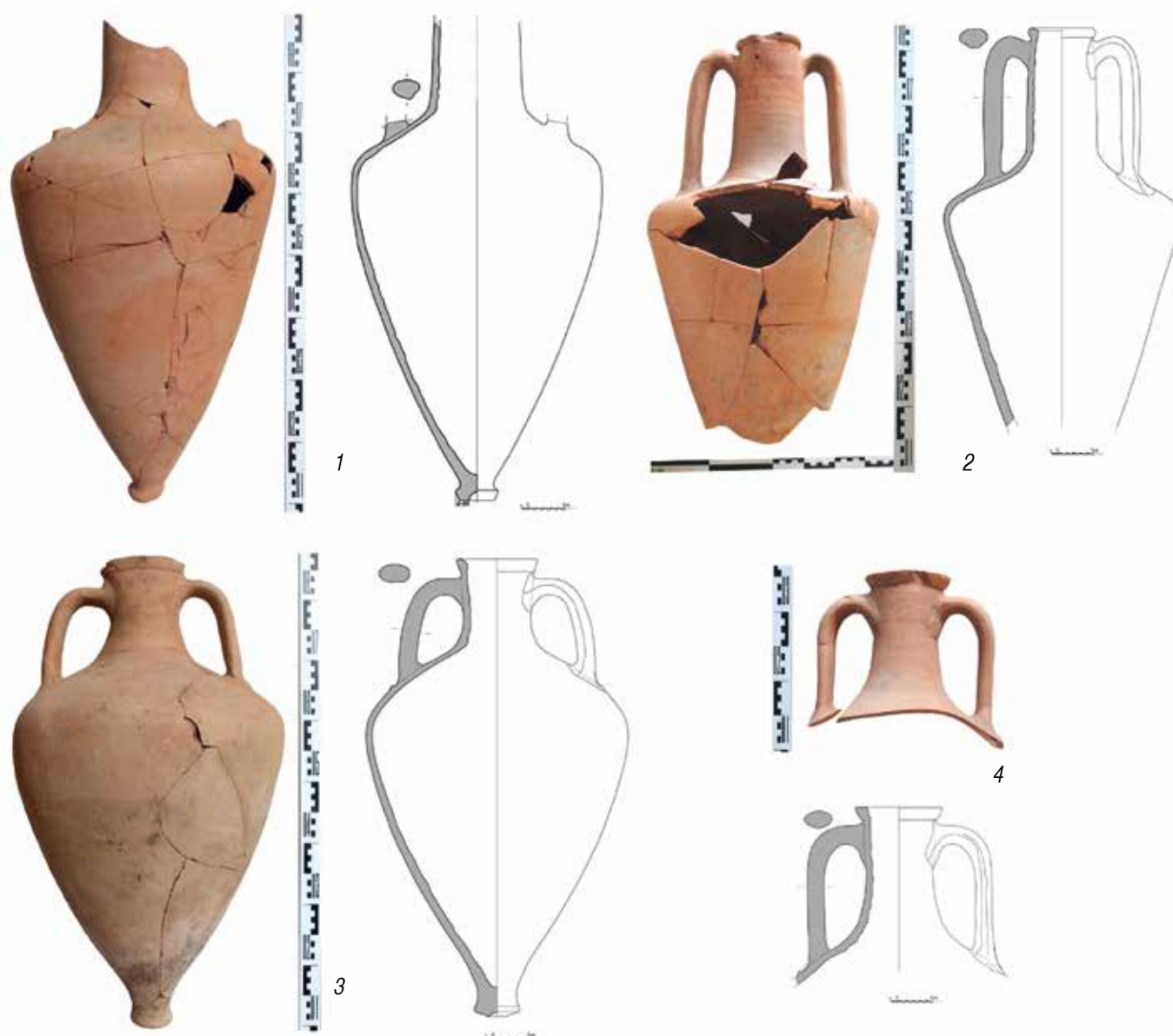
б – северная часть борта,
у склона верхней террасы
(стрелками обозначена поверхность
погребенного дерна, перекрытого

отвалами Новейшего времени);
в – северная часть борта и остатки
сырцовых оборонительных стен (679);
г – профиль

полувека, – после того, как все постройки акрополя были единовременно разрушены в середине 5 в. до н.э.²², – этот общественный центр города (или его участок) лежал в запустении, здесь лишь протекали, не очень интенсивно, какие-то формы хозяйственной деятельности.²³ Сильно смущало то обстоятельство, что в то же время на окраине города (раскоп «Южный город») жизнь протекала в обычных своих формах, притом весьма интенсивно²⁴, а где-то в 30-е годы 5 в. до н.э.

²³ Завойкин 2009, 128 слл.

²⁴ Об этом см. Завойкин 2004, passim.

внешний периметр Фанагории (по крайней мере ее южные районы) даже были обнесены крепостными стенами.²⁵

Однако, во-первых, следует учитывать, что на территории общественного центра (акрополя) полностью исключалась какая-либо деятельность частного характера. Все немногочисленные следы ее необходимо связывать с удовлетворением каких-то общественных нужд.²⁶ Во-вторых, важно принять во внимание тот факт, что формирование

Рис. 2.
Амфоры из развала на кв. 82, шт. 17,
к ВСВ от оборонительных стен (679):
1, 2 – хиосские с прямым горлом;
3 – фасосская с коническим туловом
(Монахов 2003, табл. 39. 4; II-A-1);
4 – горло фасосской биконической
амфоры (Монахов 2003, табл. 41. 5–7;
II-B-1)

²⁵ Из этого факта вовсе не следует, что в предшествующий период внешних стен город не имел. «Новые» стены были зафиксированы в юго-восточном углу городища, территория которого до второй четверти 5 в. до н.э. не входила в черту города. Поэтому

нельзя исключать того, что более ранняя линия городской обороны просто осталась за пределами раскопанной площади. Не хочется развивать эту тему дальше, но и вопрос о сохранности сырцовых стен тоже следует отметить, учитывая, в том числе, воз-

можность вторичного использования кирпича, особенно в экстраординарных ситуациях (например, ср. Thus. II. 75, 4).

²⁶ К сожалению, об их характере почти невозможно сказать что-либо определенное.

культурного слоя в городе происходит дискретно: в периоды нормальной жизнедеятельности в результате предпринимаемых в полисе мер по обеспечению благоустройства и санитарии культурный слой (т.е. в основном – мусорного характера) почти не «оседает» (исключение – следы планомерной строительной деятельности), а в периоды катастроф и разрушений построек он накапливается «скачком», быстро и интенсивно.²⁷ И, наконец, в-третьих, для допущения того, что полвека городской центр оставался «пустырем», когда сам город не испытывал серьезных затруднений, а скорее – интенсивно развивался, нужны более веские основания, чем отсутствие слоя соответствующего времени на отдельном его участке.²⁸

В этой связи имеет смысл обратиться к материалам раскопок Гермонассы. Здесь С.Ю. Монахов и Е.В. Кузнецова отмечают: «...коллекция из Гермонассы охватывает период только с середины VI в. по конец V в.». И далее: «К сожалению, отсутствие данных по развитию Гермонассы в IV в. не позволяет выявить какие бы то ни было общие или отличительные черты в развитии этой части Азиатского Боспора. Исследователи памятника отмечают лишь незначительность культурных напластований этого времени на изученных участках городища в сравнении с предшествующим столетием, однако делать из этого далеко идущие выводы невозможно».²⁹ Справедливое замечание.

Любопытно, что вслед за И.Б. Зеест исследователи памятника отмечают в качестве поры расцвета Гермонассы 6–5 вв. до н. э.³⁰ И этот тезис подтверждается ссылкой на особую мощность (до 2 м)³¹ культурного слоя, характер строительных остатков и находок, что, в известной мере, контрастирует со слоями последующего периода.³²

²⁷ Это же происходит и при перемещении разрушенного слоя на новое место перед тем, как начнется очередной этап строительства.

²⁸ В виде отступления стоит заострить внимание на том, что в случаях, когда подобного рода локальная стратиграфическая лакуна фиксируется на том или ином поселении, опрометчиво делать вывод о временном его запустении, если только такая ситуация не подтверждена для различных (более или менее удаленных друг от друга) участков памятника. Совсем другое дело, если синхронные стратиграфические лакуны были обнаружены на серии поселений. Так же и для материалов поверхностных сборов на памятниках: статистическая представительность нивелирует случайные отклонения от закономерности.

²⁹ Monakhov, Kuznetsova 2017, 83, 90, со ссылкой на: Финогенова 2010, 516.

³⁰ Блаватский 1985, 209–210. Это наблюдение послужило для исследователя дополнительным аргументом (наряду с другими) для обоснования тезиса

о происхождении боспорских Археанактидов именно из этого полиса. В частности, он пишет: «В противоположность отмеченному раннему расцвету Гермонассы в VI–V вв. до н.э., в Пантикапее VI и отчасти первой половины V в. до н.э. мы не наблюдаем аналогичного подъема... Ведь гораздо более вероятно приход к власти аристократического рода из полиса, находившегося в состоянии расцвета, чем из того, который достиг его значительно позднее». Мнение В.Д. Блаватского целиком разделила И.Б. Зеест (1974, 92).

Это весьма показательный пример того, сколь рискованно делать исторические обобщения, опираясь на ограниченные по масштабу археологические наблюдения. Ср. современное представление о динамике развития центрального района Пантикапея в архаическое – классическое время: Толстиков 2017, 69 слл.; Толстиков и др. 2017.

³¹ В том числе: слой первой половины 6 в. – 0,3–0,4 м («эмпориальный» период); слой второй половины 6 в. до н.э. – до 0,4 м (период «основания города

и первых десятилетий его истории»); напластования 6–5 и 5 вв. до н.э. «отличаются не только своей мощностью: в этих слоях встречено значительно больше архитектурных остатков» (Зеест 1974, 85–87, рис. 2).

³² См. Зеест 1974, 91: «Такое разнообразие импортной керамики, в том числе художественной керамики, в слоях VI–V и V вв. до н.э. необычно для других боспорских городов, даже для Пантикапея и Фанагории». А.К. Коровина (2002, 34 слл., 48–49) связывает разрушение «монументальных» построек в третьей четверти 5 в. до н.э. со сменой династий на Боспоре в 438/7 г. до н.э. Ср. Финогенова 2010, 516: «С приходом к власти династии Спартокидов статус города меняется. Во второй половине V в. до н.э. были разрушены монументальные сооружения. Говорить об экономическом упадке города вряд ли справедливо, но культурные слои IV–III вв. до н.э. значительно уступают напластованиям предыдущего периода, несмотря на то, что Гермонасса продолжает быть богатым городом».

Данное противопоставление позволило И.Б. Зеест написать, что «...именно в IV–III в. до н.э. ... в Гермонассе впервые наметилась тенденция к спаду городской жизни».³³ Это обстоятельство исследовательница объясняла повышением роли в посреднической торговле восточного соседа Гермонассы – Фанагории, выгодно расположенной в устье главной протоки Гипаниса (Антикита).³⁴ Однако если следовать оговоренным выше принципам формирования культурного слоя, то соотношение слоев 6–5 и 4 вв. до н.э. и выявленные их характеристики, скорее, следует интерпретировать противоположным образом: после времени нестабильности и разрушений наступает пора спокойствия и благополучия.

Вернемся к Фанагории. Так или иначе, отсутствие выраженного слоя второй половины 5 в. до н.э. на раскопе «Верхний город», безусловно, накладывает свой «отпечаток» на статистическую картину распределения разновременных фрагментов амфорной тары, искажая ее существенным образом.³⁵ Верхняя хронологическая грань этой полувековой лакуны, по всей видимости, должна рассматриваться в качестве *terminus post quem* для начала нового периода истории застройки данного района города. Далее, очевидно, что, если бы выборка строилась на материалах раскопок «Южного города» (что, к сожалению, невозможно), полученная картина торговых связей города получилась бы принципиально отличной.

³³ Зеест 1974, 92.

³⁴ Относительно этой «протоки» см. Гарбузов 2016а, 34 слл.

³⁵ В этой связи уместно процитировать вывод в статье одного из авторов публикации, давшей повод поговорить о роли Фанагории в распределении импорта на Азиатском Боспоре. «Можно сделать осторожное предположение, что и результаты анализа массового материала несут на себе отпечаток специфики городского района, где были сосредоточены, как предполагают, постройки общественного характера. В подобном случае фиксируемый спад импорта второй половины (в первую очередь, третьей четверти) V в., возможно, объясняется не экономическим кризисом города и не сложностью военно-политической обстановки в регионе, а особенностями имеющейся выборки фрагментов керамической тары» (Кузнецова 2013б, 222). Жаль, что это справедливое суждение не было принято во внимание авторами в статье 2017 года.

Необходимо принимать во внимание и то, что слои на верхней террасе Фанагории залегают не строго горизонтально. Если даже не говорить о локальных понижениях и повышениях слоев, то следует все же отметить общий наклон поверхности материка с ЮЮВ на ССЗ в районе раскопа «Верхний город». Вследствие этого при горизонтальной нивелировке древней поверхности перед строительством новых зданий происходила неравномерная по мощности подрезка нижележащего слоя. Вследствие этого его сохранность (толщина) с южной стороны значительно уступала толщине того же слоя на севере. Наиболее наглядный пример наблюдается у южного борта Западного участка раскопа (рис. 3), где можно видеть залегание фундаментов стен дворцового комплекса времени Митридата Евпатора, погибшего в пожаре 63 г. до н.э., непосредственно в верхней части слоя разрушения многокомнатной общественной постройки (464), погибшей еще во второй четверти 5 в. до н.э.

Рис. 3.
Южный борт Западного участка
«Верхнего города»:
слой разрушения общественного
здания 464 (конец 6 – первая половина
5 вв. до н.э.) перекрыт остатками
дворцовой постройки 85,
погибшей в 63 г. до н.э.
(стрелками отмечен слой пожарища)

Рис. 4.
Общий вид центрального участка раскопа «Верхний город» с ЮЗ на уровне материка.
В центральной части – остатки юго-восточного угла здания 144 (ниже разобранного юго-западного угла здания видны котлованы 290А, Б и 274, которые были им перекрыты)

Иначе говоря, здесь стратиграфическая (= хронологическая) лакуна достигает около трех с половиной веков.

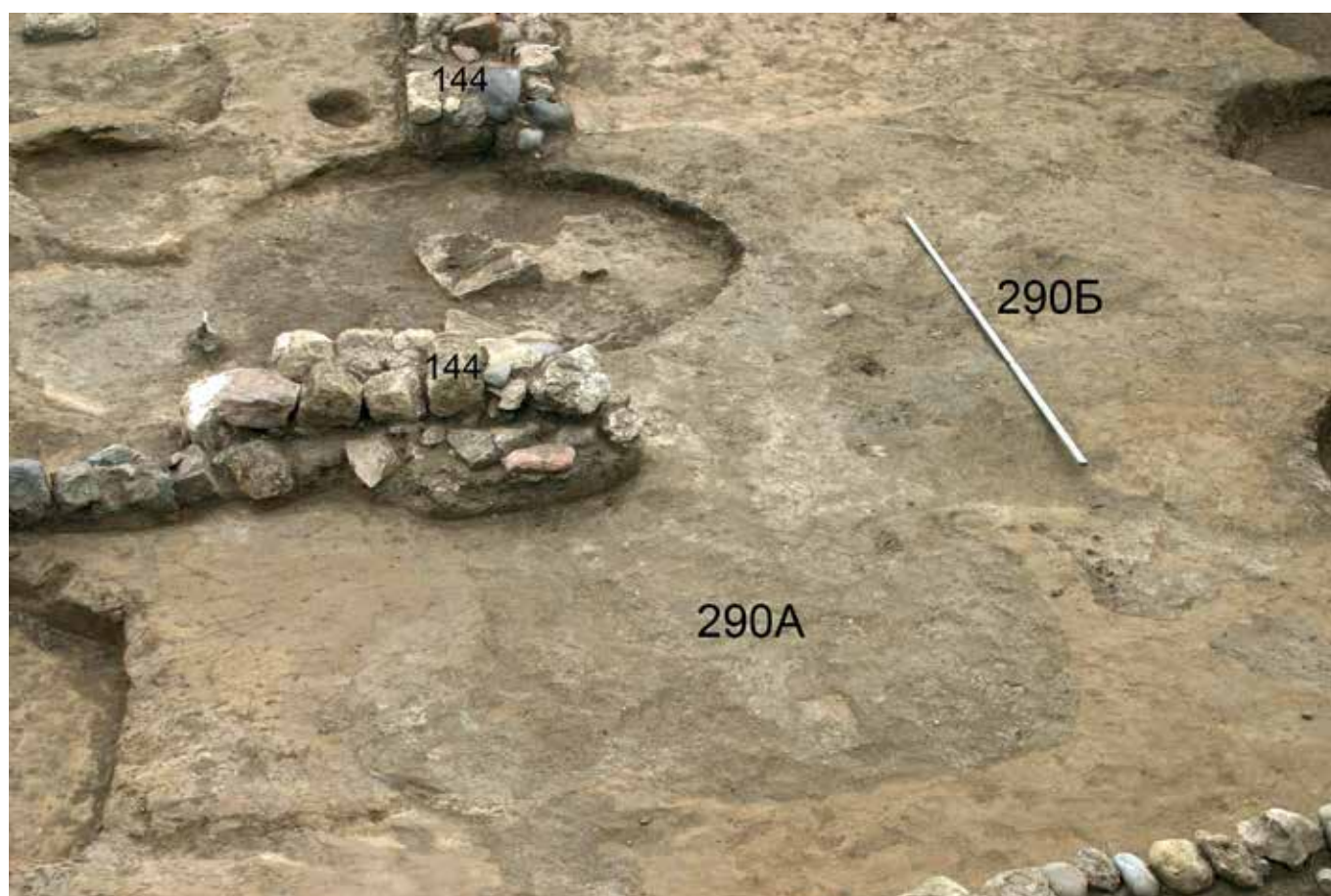
Далее к северу от этого участка, между слоем разрушения большой общественной постройки (294), тоже погибшей в пожаре второй четверти 5 в. до н.э., и слоем уничтоженной пожаром 63 г. до н.э. дворцовой постройки сохранились остатки архитектурного комплекса первой половины 4 в. до н.э., центральным элементом которого было монументальное здание (460), которое было разрушено в пожаре 50-х годов этого столетия.³⁶

Приведу еще один пример, иллюстрирующий чрезвычайную сложность стратиграфической картины, в данном случае – на Центральном участке раскопа, откуда и происходит выборка материала, привлеченного для изучения динамики торговых связей Фанагории. В самом центре этого участка располагаются остатки заглубленной относительно древней дневной поверхности середины 4 в. до н.э. части здания (144).³⁷ Для строительства подвальной части здания был вырыт обширный прямоугольный котлован (более 130 м²)³⁸, вдоль бортов которого были возведены из камней известняка стены (рис. 4): фундамент южной стены несколько углублен относительно поверхности материкового песка (рис. 5), а фундамент северной стены стоит на слое первой половины 5 в. до н.э. Соответственно, большой объем раннего слоя в середине

³⁶ Завойкин 2017б, 101 слл., рис. 4, 5.

³⁷ См. там же, 115 и прим. 30 (= Кузнецов 2011, 120-121).

³⁸ Кузнецов 2010, 445.

4 в. до н.э.³⁹ был извлечен и куда-то перемещен, а заполнение внутреннего пространства этого здания относится уже ко времени его разрушения.

К сожалению, в процессе раскопок здания 144 (2003–2005 гг.) еще не было очевидным, что мы столкнулись с «подвалом», и его раскопки велись так же, как наземных стен. Следствием этого стало затруднение

Рис. 5.
Юго-западный угол здания 144
и пятна заполнения котлованов
290 А и Б

³⁹ Датировка строительства общественного здания 144 базируется на двух косвенных основаниях. Во-первых, в расчет принимается датировка находок из заполнения ямы 231, расположенной в 1,04 м от восточной стены здания, верхняя часть которой была забутована известняковыми отесками (рис. 6), с большой вероятностью происходящими от обработки камней для кладок этого сооружения. Таким образом, датировка позднейших находок из ямы 231 (вторая четверть 4 в. до н.э.) может служить *terminus post quem* для определения времени строительства здания. Засыпка другой ямы (226), располагавшейся в 5,40 м к ЮЮЗ от первой, благодаря большому числу найденных в ней

амфорных клейм может быть датирована более точно – первой половиной 50-х годов 4 в. до н.э. (Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 294–302). В последующие годы раскопок было исследовано еще несколько углубленных объектов, датировка которых не выходит за пределы первой половины 4 в. до н.э., что подтверждает реальность периода (вероятно, непродолжительного), когда на территории общественного центра, каким являлся «Верхний город», протекали некие формы хозяйственно-бытовой жизни, оставившей после себя ямы.

Во-вторых, необходимо учитывать особенности планиграфические. Стены здания 144 ориентированы строго по сторонам света, в то время как прак-

тически все более ранние постройки демонстрируют отклонение по оси север – юг к западу (реже – к востоку, только здание 464) (Kuznetsov, Zavoikin 2014, 36–37, fig. 6). В том числе, сохраняет традиционную ориентировку общественное здание 460, которое располагалось в 4,5 м к востоку от здания 144. Эта постройка, ориентированная входом к востоку (перед которым располагалась замощенная площадь), погибает, как было сказано, в сильном пожаре в 50-х годах 4 в. до н.э. (Завойкин 2017б, 120, прим. 46, 138).

С учетом указанных обстоятельств перепланировку этого района города и строительство здания 144 следует датировать не ранее середины 4 в. до н.э.

Рис. 6.
Верхняя часть ямы 231,
стрелкой отмечен слой ее заполнения
строительными отесками

в определении даты гибели постройки, с одной стороны, и отнесение находок из нее к слою, с другой.

О «чистом» слое 3–2 вв. до н.э. на раскопе «Верхний город» говорить не приходится. По сути, нет возможности с уверенностью выделить хотя бы один строительный комплекс, относящийся именно к этому периоду истории. Даже единичных находок эллинистического времени здесь сравнительно немного. И вновь приходится предполагать, что слой и постройки данного времени на акрополе Фанагории были уничтожены перед тем, как началось возведение на огромной площади дворцовой постройки (85)⁴⁰ в конце 2 или начале 1 вв. до н.э.

Я уже не говорю об огромном количестве поздних ям (главным образом римского и византийского времени), которые пронизывали во всех местах площадь Центрального участка раскопа «Верхний город». Естественно, что далеко не все они фиксировались с уровня их реального устья. Соответственно, «примесь» из поздних комплексов была практически неизбежной. Притом речь идет отнюдь не только о заведомо более позднем материале, наряду с которым в поздних ямах практически всегда (иногда в немалом количестве) присутствовали находки, которые попали в заполнение ям из обрушения их бортов на уровне нижней границы прорезанного культурного слоя и материкового песка, в который эти ямы были заглублены.

Даже из этого краткого и схематичного стратиграфического «очерка» очевидно, сколь сложна для осмысления репрезентативность выборки керамического материала (фрагментов амфор), которые были использованы для анализа динамики и состава торговых связей Фанагории в 6–3 вв. до н.э. А это, в свою очередь, заставляет задуматься о том, в какой мере выводы, полученные исследователями, адекватно отражают реальное место Фанагории в обороте импортных товаров, привозимых в амфорах, на Азиатском Боспоре.

⁴⁰ Открытая раскопками часть этого здания, исследованная в 1999 г. на Центральном участке, превышала 400 м², а после того, как было открыто продолжение постройки на Западном участке, ее площадь составила не менее 800 м², при том, что неустановленная часть комплекса осталась за пределами раскопа (см. Абрамзон, Кузнецов 2015, 41–42).

Затрагивая эту тему, невозможно игнорировать такой важный источник, как декреты правителей Боспора (от Левкона I до Спартока III) в честь *инополитов*, в которых наряду с различными прочими привилегиями в обязательном порядке упомянуто предоставление им права беспошлинной торговли во время войны и мира «на всем Боспоре». Не удивительно, что в подавляющем числе случаев находки плит (их фрагментов), на которых декреты были вырезаны, происходят из Пантикапея⁴¹, столицы Спартокидов, крупнейшего города Боспора и центра международной торговли. Помимо их, фрагменты декретов были найдены пока только еще в двух городах: Фанагории (3)⁴² и Горгиппии (1).⁴³ Разумеется, количественное соотношение находок декретов в разных центрах не может быть оценено как статистически адекватное, тем более, что, надо думать, стелы с волеизъявлением боспорских правителей за пределами Пантикапея представляли собой копии декретов, опубликованных прежде всего в столице.⁴⁴ Но все-таки можно утверждать с большой долей уверенности, что «второе место» в этом перечне находок из Фанагории в определенной мере отражает реальный статус этого города в международной торговле Боспора.⁴⁵

Подведем итоги. Материалы археологических раскопок Фанагории наглядно демонстрируют, исключительную активность этого крупнейшего центра Азиатского Боспора в международной торговле, в том числе товарами, которые транспортировались из Средиземноморья и Южного Понта в керамической таре. По богатству, разнообразию состава и количественной представительности находок в этой части региона, пожалуй, с Фанагорией не может поспорить какой-нибудь другой город⁴⁶ или поселение.

Трудно представить, чтобы доставляемые сюда заморские продукты потреблялись исключительно населением самой Фанагории, включая ту ее часть, которая проживала на сельской территории полиса. Если в 6–5 вв. до н.э. другие полисы Таманского полуострова и Горгиппия, очевидно, снабжались импортными товарами морским путем, «самостоятельно» (а обеспечение товарами поселений на их хоре велось, соответственно, через них), то нет уверенности в том, что аналогичным же образом дело обстояло после того, как все они вошли в состав державы Спартокидов. Тот факт, что центральная власть контролировала внешнюю торговлю и взимала пошлины на ввоз и вывоз на (из) Боспор(а), заставляет думать, что реализация этого права боспорских владык («κύριος» боспорского хлеба) предполагала жесткий контроль торговых контактов во всех пунктах или же централизацию внешнеторгового оборота.

В этой связи вновь вспомним слова Страбона (XI. 2, 10): «Столицей (μητρόπολις)⁴⁷ европейских боспорян служит Пантикапей, а азиатских – Фанагорий (ибо и так называется этот город); торговым пунктом (ἐμπόριον) для товаров, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской страны, служат, как кажется, Фанагория, а для доставляемых туда с моря (τῆς θαλάττης) – Пантикапей» (SC I, 133; перевод В.В. Латышева). Я намеренно процитировал этот отрывок целиком.

⁴¹ По калькуляции В.П. Яйленко (т.е. с учетом КБН 817, 819) – 14 экз.

⁴² 1) Яйленко 2001, 474–475 (1978 г.); 2) Яйленко 1984, 219 сл.; 2001, 479–483; ср. Шелов-Коведяев 1985, 59–60, прим. 18 (1976 г.); 3) не публиковалась (1983 г., случайная находка).

⁴³ КБН, Add. 4 (см.: Болтунова 1964, 136 сл.; Белова 1967, 65–66, прим. 17).

⁴⁴ Не исключено, что те из них, в которых предоставлялось право приобретения земли и жилого участка, специально были адресованы конкретному полису, в котором и была выставлена стела с декретом.

⁴⁵ В данной связи, конечно же, возникает вопрос и о Феодосии, где уже вскоре после ее присоединения к своей державе Левкон I обустроил порт, который «не уступает пантикапейскому» (Dem. XX. 33), из него, если верить Страбону (VII. 4, 6), Левкон однажды отправил 2 100 тыс. медимнов зерна на продажу. Связано ли отсутствие находок декретов из этого важного торгового центра с особым статусом полиса (см. Завойкин 2002), или же этот факт следует объяснять целиком степенью изученности памятника, – сказать невозможно.

⁴⁶ В принципе в период полисной автономии Кепы, Гермонасса или Патрей могли отличаться по этим показателям от Фанагории разве что в количественном отношении. Однако мы не можем реально сравнить между собой эти города в 6–5 вв. до н.э. по занимаемой ими площади или по демографическому потенциалу. Допустимо лишь предполагать, что в это время Фанагория превосходила другие центры.

⁴⁷ В переводе Г.А. Стратановского – «главный город».

Чаще первую часть предложения цитируют в основном в «политическом» контексте⁴⁸, вторую – когда рассматривают торгово-экономические⁴⁹ вопросы.

Если эту фразу понимать буквально, получается, что импортируемые из центров Средиземноморья товары доставлялись в порт Пантикапея (и уже оттуда они распределялись по территории Боспора), а товары с территории Азиатского Боспора и сопредельных варварских земель концентрировались в Фанагории (по крайней мере их часть была предназначена для вывоза за пределы государства Спартокидов). Поверить в реальность того, что все пришедшие в Пантикапей суда полностью освобождали трюмы от товара (т.е. его распродавали), а уже затем порожними шли в порты Феодосии⁵⁰ или Фанагории, чтобы загрузиться товаром, предназначенным на вывоз, конечно же невозможно. Хотя бы уже потому, что лишняя перегрузка товара и дальнейшая его транспортировка повлекли бы существенные дополнительные расходы⁵¹, а отгрузка экспортной продукции в других портах потребовала бы таможенного контроля⁵² ничуть не меньшего, чем выгрузка импортной в столичном порту. Если же принять в расчет срок окончания сравнительно короткой навигации на Черном море (до начала сентября) и период завершения заготовки зерновых нового урожая (конец июля – начало августа), подлежащих экспорту в Средиземноморье⁵³, становится очевидным, что такого рода понимание источника просто не реалистично.

По-видимому, у Страбона (его источника) речь идет лишь о двух наиболее значительных центрах Боспора, через которые проходили основные товарные и финансовые потоки. Можно предполагать, что экспортно-импортные потоки проходили и через Горгиппию (в противном случае, какой смысл было выставлять и здесь копии декретов боспорских правителей с правом «ввоза и вывоза всех товаров» – КБН, Add. 4),

⁴⁸ Например, см. Жебелев 1953, 62: «Страбоновский термин *μητρόπολις* обычно переводится как “столица”. По существу так и было на самом деле; но страбоновское *μητρόπολις* может иметь и техническое, правовое значение и указывать, что прочие города на обоих берегах Боспора, перечисляемые и Страбоном, и авторами периплов, и Птолемеем, были колониями, одни – Пантикапея, другие – Фанагории».

⁴⁹ Например, см.: Зеест 1951, 107, 118; Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 262.

⁵⁰ См. Dem. XXXV. 31–32, 34, 35, где говорится о судне, потерпевшем крушение на пути из Пантикапея в Феодосию, на котором «были и соленая рыба, и косское вино, и кое-что другое, и все это,

утверждали они, в качестве обратного груза они собирались доставить в Афины, если бы с кораблем не случилось беды. То, что они рассказывали, звучало так. Однако стоит послушать, чтобы увидеть мерзкую сущность и лживость этих людей... Гиппий, сын Антениппа, из Галикарнаса свидетельствует... когда судно направлялось из Феодосии в Пантикапей, Аполлдор погрузил на него одну или две кипы шерсти, одиннадцать или двенадцать кувшинов соленой рыбы и две или три связки козьих шкур, а больше ничего... А вы, граждане судьи... знаете ли вы или слышали когда, что кто-то, занимаясь морской торговлей, ввозит вино в Афины из Понта, да к тому же косское» (перевод дан по: Демосфен. Речи. В трех томах. Ред. Е.С. Голубцова,

Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. Т. I. Москва, 1994).

⁵¹ Еще труднее поверить в то, что транспортировка сколько-нибудь значительной части импортных товаров, перевозимых в амфорах, могла «осуществляться непосредственно из Пантикапея через переправу, Фонталовскую (т.е. сухопутным путем. – А.З.) и далее напрямую в Прикубанье» (Кузнецова 2013а, 22).

⁵² См. Маринович 1998, 15. В частности, в речи Демосфена против Формиона сообщается, что обманщик «неминуемо был бы изобличен во лжи на основании... таможенной записи на Боспоре у сборщиков портовых пошлин” ...» (Dem. XXXIV. 34).

⁵³ См. Гарбузов 2016б, 191–192, рис. 3.

и через Феодосию (по крайней мере экспорт огромных объемов зерна через порт этого города подтвержден письменными источниками).

Если еще сравнительно недавно исследователи объясняли богатство Фанагории ее удачным с географической точки зрения положением, близ одного из устьев Гипаниса (Антикита), то теперь, когда твердо установлено, что так называемой Шимарданской протоки в интересующее нас время не существовало⁵⁴, объяснение процветанию этого полиса надо искать в иной области. Не исключено, что во времена Спартокидов (как и позднее) Фанагория уже была административным центром той части Азиатского Боспора, которая в надписях первых веков н.э. называется «Островом»⁵⁵, и в ее порту функционировал филиал государственной таможенной службы, контролировавшей доставку товаров из-за рубежей Боспора, равно как и отправку товаров, которые шли на экспорт.

Закончу свою работу обширной цитатой из статьи, подготовленной коллективом авторов, но приведенные ниже строки принадлежат Г.А. Кошеленко, научной интуиции и прозорливости которого мне и хочется отдать должное: «Страбон (XI. 2. 10) сообщает о трех эмпориях: Пантикапее, Фанагории и Танаисе. Особенно интересна его информация о Фанагории... Текст (...) цитируется обычно в переводе Г.А. Стратановского... К сожалению, в данном переводе упущен важный нюанс, а именно термин “эмпорий”. Эмпорий означал не просто “порт”, “гавань”, “торжище” и т.д. В этом термине была заложена информация о государственном институте – важнейшем элементе пограничной и особенно таможенной инфраструктуры.⁵⁶ Эмпорий (лучший пример – Пирей) представлял собой порт, только в границах которого и осуществлялись легальные операции с иноземными товарами: купцы получали право на их продажу и, естественно, платили пошлину... Поэтому можно полагать, что основной поток товаров с Боспора к местным племенам и обратно проходил именно через Фанагорию. Пошлины и портовые сборы были слишком важной статьёй дохода, чтобы распылять торговые потоки. Эффективный контроль легче было осуществлять в одном порту, чем во многих».⁵⁷

⁵⁴ Гарбузов 2016а, 34 слл.

⁵⁵ КБН 40, 697, 982, 1000; Кузнецов 2007, 227–238.

⁵⁶ Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, прим. 189 (с литературой).

⁵⁷ Там же, 292–293.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории* (Фанагория 3). Москва.
- Белова Н.С. 1967. Новая надпись из Гермонассы, *ВДИ* 1, 60–68.
- Блаватский В.Д. 1985. О происхождении боспорских Археанактидов (= Blawatsky W.D. 1970. Zur Herkunft der Bosporanischen Archaiantiden, *Klio* 53, 33–36), in: В.Д. Блаватский, *Античная археология и история*. Москва.
- Болтунова А.И. 1964. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора, *ВДИ* 3, 136–149.
- Гарбузов Г.П. 2016а. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории, in: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4). Москва, 34–45.
- Гарбузов Г.П. 2016б. Корабли с грузом из Понта, *ДБ* 20, 177–198.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2009. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации, *ДБ* 13, 141–176.

- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2010. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э., *ДБ* 14, 105–130.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2011. Освоение греками земель Таманского полуострова в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э., *АМА* 15, 194–223.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Строкин В.Л., Сударев Н.И. 2011. Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н.э., *ДБ* 15, 90–173.
- Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2012. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI – V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.), *ДБ* 16, 114–150.
- Завойкин А.А. 2002. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов, *ДБ* 5, 95–106.
- Завойкин А.А. 2004. *Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Южного города»)* (ДБ Suppl. I). Москва.
- Завойкин А.А. 2009. Фанагория во 2-й половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам «Верхнего города», 2004–2008 гг.), in: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 2009, 128–131.
- Завойкин А.А. 2017а. Некоторые проблемы изучения торговли в амфорной таре, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения* (Боспорские чтения XVIII). Керчь, 133–150.
- Завойкин А.А. 2017б. Общественное здание 4 в. до н.э. на акрополе Фанагории, in: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3* (Фанагория 6). Москва, 101–141.
- Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н.э. (проблемы периодизации и урбанистики), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 182–189.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006а. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I, *ДБ* 9, 101–152.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2006б. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. II, *ДБ* 10, 263–304.
- Зеест И.Б. 1951. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, in: В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху I* (МИА 19), 107–118.
- Зеест И.Б. 1974. Возникновение и первый расцвет Гермонассы, *СА* 4, 82–97.
- Коровина А.К. 2002. *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. Москва.
- Кошеленко, Малышев, Улитин 2010. Торговля, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 256–289.
- Кузнецов В.Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город»), in: *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований* (Методика полевых археологических исследований 4). Москва, 117–130.
- Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 227–243.
- Кузнецов В.Д. 2010. Фанагория – столица Азиатского Боспора, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 431–469.
- Кузнецов В.Д. 2017а. Древнеперсидская надпись из Фанагории, in: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3* (Фанагория 6). Москва, 160–185.
- Кузнецов В.Д. 2017б. Оборонительные сооружения Фанагории, *КСИА* 249 (в печати).
- Кузнецова Е.В. 2005. Методика изучения античной торговли (на примере керамического комплекса Фанагорийского городища), *Antiquitas luventae* 1. Саратов, 159–172.
- Кузнецова Е.В. 2013а. *Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI–III вв. до н.э. (по данным керамической тары)*. Автореферат дисс. к.и.н. Воронеж.
- Кузнецова Е.В. 2013б. К вопросу о торговых связях Фанагории в конце VI–V вв. до н.э., in: *Шестая международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 219–223.
- Кузнецова Е.В. 2014. Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н.э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения, *Stratum plus* 3, 187–194.
- Маринович Л.П. 1998. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена»), *ПИФК VI*, 4–30.

- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва–Саратов.
- Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Завойкин А.А. Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.), *АМА XII*, 294–312.
- Толстиков В.П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея, in: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства* (Каталог выставки). Москва, 69–83.
- Толстиков В.П., Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А., Самар О.Ю., Тугушева О.В. 2017. *Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу*. Москва.
- Финогенова С.И. 2010. Гермонасса, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани I*. Москва, 510–528.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. Новые боспорские декреты, *ВДИ* 1, 57–72.
- Яйленко В.П. 1984. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора, in: *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология*. Москва, 210–223.
- Яйленко В. П. 2001. Вторая фанагорийская проксения, *ДБ* 4, 474–486.
- Kuznetsov V., Zavoikin A. 2014. On the Archaeological Topography of Phanagoria, in: N. Povalahev, V. Kuznetsov (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus...* (Altertümer Phanagoreias 3). Göttingen, 29–52.
- Monakhov S.Iu., Kuznetsova E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period, in: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge, 59–99, 294–298.

Н.В. ЗАВОЙКИНА

НОВАЯ ПОСВЯТИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ ФАНАГОРИИ

В 2011 г. в ходе археологических исследований «Верхнего города» Фанагории в хозяйственной яме хазарского времени было обнаружено четыре мраморных фрагмента с надписью (рис. 1, 3). Три небольших мраморных куски складываются в один фрагмент, и образуют левую часть надписи. Их суммарная высота – 10 см, суммарная длина – 22 см, толщина по правому краю внизу – 7 см. Четвертый фрагмент, самый крупный из имеющихся, не стыкуется с остальными и принадлежит правой части надписи. Его размеры: высота – 8,5–9 см, толщина – 5,5–7,5 см (нижняя часть), длина по лицевой стороне – 17,5 см. Все мраморные фрагменты обколоты с боковых и нижней сторон. Изогнутая по окружности форма мраморных фрагментов, закругленный бортик верхнего фрагмента правой части и покатая обработанная внутренняя поверхность у всех четырех частей (рис. 2, 3) указывают, что изначально надпись была вырезана на мраморном сосуде в форме чаши (τὸ περρραντήριον).¹

В 6–5 вв. до н.э. сформировался основной тип *периррантериев*, который использовался до конца античной эпохи: он представляет собой мраморный бассейн-чашу, покоящуюся на центральном основании в форме кариатиды или на плоской подставке.² В материковой Греции (Афины, Элевсин, Олимпия, Лаврион и пр.), как правило, основанием периррантериев выступала задрапированная в одежду женская фигура.³ Периррантерии на подставках упоминаются неоднократно в делосских храмовых отчетах эллинистического времени.⁴ Среди сакральных памятников Боспора известны периррантерии из Горгиппии. Они представляют массивные мраморные чаши с прямоугольным бортиком и с высоким (до 1 м) туловом на плоском поддоне (рис. 4).⁵ Мраморные периррантерии предназначались для совершения ритуального омовения перед входом на сакральную территорию, будь то городской акрополь или теменос какого-либо божества.⁶ Поэтому периррантерии располагались с внешней стороны пропилей и пилонов. Они заполнялись водой, *хернипс* (χέρνιψ), которую брали из священных источников или из моря, поскольку в представлениях греков соленая морская вода была воплощением эфира (αἰθήρ). Эти культовые чаши найдены в святилищах Лаконии (Олимпия), Аттики, Пергама, Родоса, Сирии, Кипра.⁷ Периррантерии упоминаются в надписях из Аттики (IG 2², 1641.38), Делоса (IG XI, 2, 161, 164, 199), Дельф (SEG 253, 2.10), Пергама (IPergamon 336, римское время). Известны посвятельные надписи на периррантериях.⁸ Так, массивная культовая чаша с посвящением Оксу происходит из храма бога Окса, владыки одноименной реки.⁹

¹ Ziehen 1937, cols. 856–857; LSJ, περρραν-; www. Hellenicgods.org / perirrhanterion.

² Fullerton 1986, 207.

³ Ibid., 207–217.

⁴ περρραντήριον ὑπόστατον (IG XI, 2, 161, 164, 199).

⁵ Благодарю А.М. Новичихина, зам. директора по научной работе Анапского историко-археологического музея-заповедника, за предоставленные фотографии из фотоархива музея.

⁶ Ziehen 1937, cols. 856–857; Ginouvès 1962, 299–310.

⁷ Fullerton, 207–211.

⁸ Значительно число примеров периррантериев с посвятельными надписями происходит из раскопок Афинского акрополя, см. Raubitschek 1949, 370–413.

⁹ Коровчинский 2007, 6.

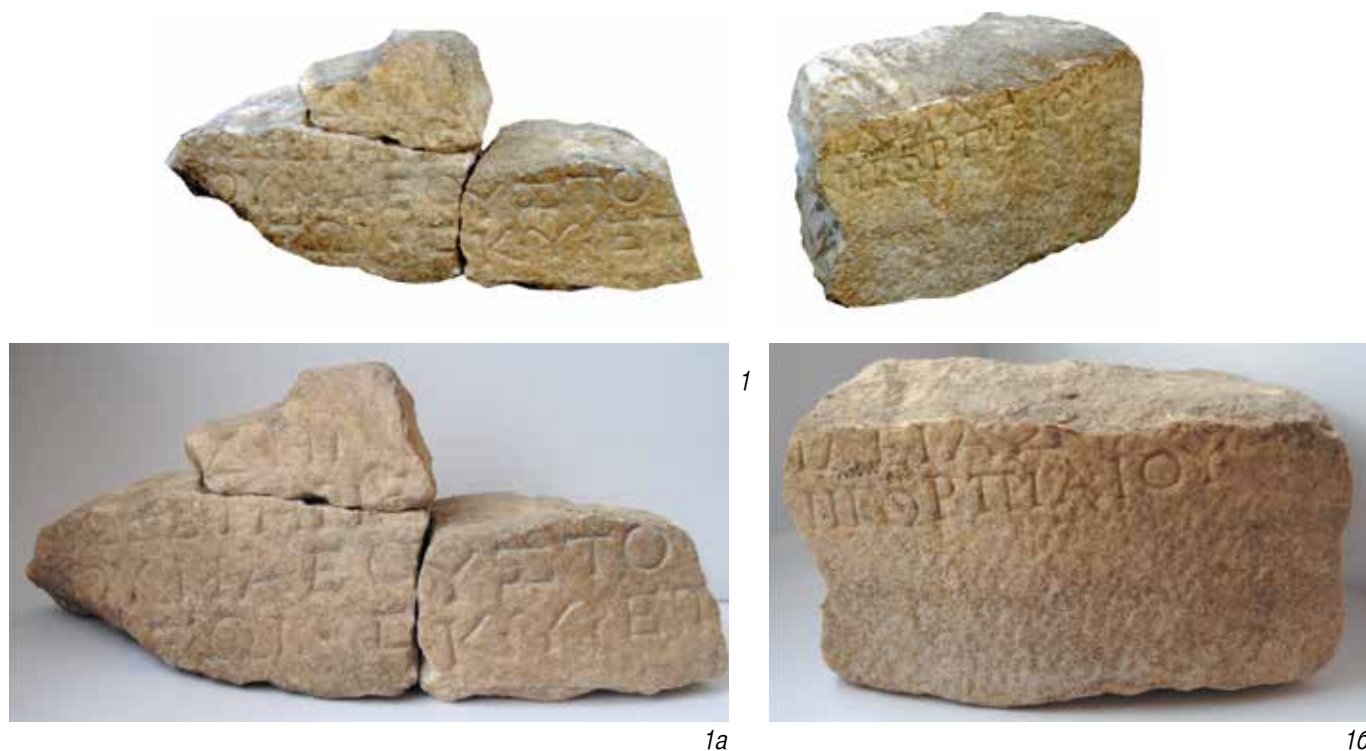

Рис. 1.
Фрагменты периррантерия с надписью

Рис. 2.
Фрагменты периррантерия.
Вид с тыльной стороны

Многочисленные находки на афинском акрополе показывают, что посвящения вырезались на бортике мраморных бассейнов периррантериев, а не на их туловах. Именно такого рода расположение надписи известно на периррантерии из Горгииппии: на бортике сохранились остатки надписи 2 в. н.э., которая располагалась по всей окружности верхней плоскости бортика (рис. 4). Расположение новой надписи из Фанагории отличается от известных посвящений – она вырезана на внешней стороне тулова сосуда, чуть ниже края его закругленного бортика (рис. 1, 3).

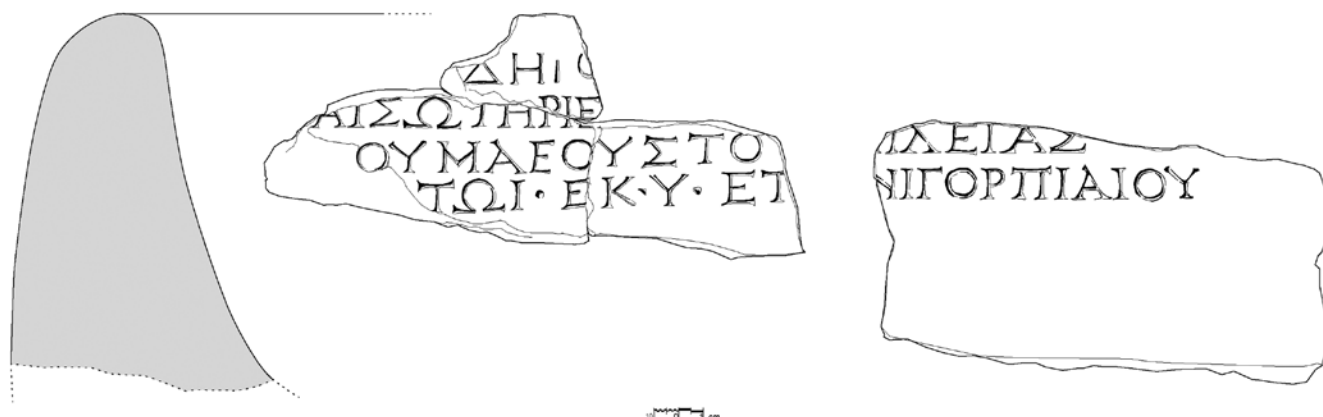

Рис. 3.
Профиль верхней части чаши
периррантерия и прорисовка надписи

Сама надпись сохранилась фрагментарно:

1. ΔΗΙ Ο -?-. ...
2. ¹- ΑΙΣΩΤΗΡΙΕ ¹⁴⁻¹⁸-
3. ³- ΟΥΜΑΕΟΥΣΤΟ ¹⁰- ΙΛΕΙΑΣ
4. ²- ΤΩΙ ΕΚ·Υ· ΕΤ ¹⁰- ΝΙΓΟΡΠΙΑΙΟΥ

Третья и четвертая строки надписи заканчиваются целыми словами без переносов. В начале 4-й стк. уничтожены две первые буквы датировочной формулы (предлог ἐν, который уверенно восстанавливается, см. ниже). Сказанное дает основание считать, что 2-я и 3-я строки надписи начинались с целых слов, от которых в начале 2 стк. утрачена одна буква, а в начале 3 стк. – не более трех букв. Тип сосуда позволяет думать, что надпись носит посвятельный характер. Вотивные надписи имели довольно стандартную структуру, которая незначительно варьировалась, например, в зависимости от платежеспособности заказчика.¹⁰ Формуляр этих надписей содержит несколько основных элементов: имя божества, которое сопровождалось общегреческими или местным эпитетами; полное имя донатора, название его государственной должности и/или звания в руководстве частного сообщества (если таковые имелись), указание на причину вотивного приношения.¹¹ Типичной формой для вотивных надписей является постановка имени посвятителя в номинативе, а имя божества – в дативе.¹² В вотивных надписях используется, как правило, глагол ἀνίστημι в форме ἀνέθηκεν.¹³ Нередко сказуемое только подразумевалось.¹⁴

В 1-й стк. новой надписи после скола сохранились буквы ΔΗΙ. Перед дельтой идет пустое поле, которое указывает, что каких-либо букв перед ней не было. После некоторого отступа от ΔΗΙ виден *омикрон*, частично утраченный справа из-за скола. Слово Δῆι является одной из форм написания в первые века лексемы Δί, dat. sing. от Ζεῦς. Появление формы Δῆι связано с распространением итацизма в боспорских надписях первых веков, который является одной из характерных черт эллинского *койне* греко-римской эпохи.¹⁵ В качестве иллюстрации упомянем такие примеры, как употребление формы Δήος вместо Δίος,

¹⁰ О структуре вотивных надписей см.: Guarducci 1975, 8–11; McLean 2002, 246–257.

¹¹ КБН 6, 10, 11, 29, 30, 31, 36, 942, 1037, 1042, 1043, 1044 и пр.

¹² Guarducci 1975, 8–9; McLean 2002, 247–249.

¹³ КБН 25, 27, 1037, 1038, 1037, 1043, 1044, 1111, 1116; McLean 2002, 253–254.

¹⁴ КБН 33, 34, 36, 1039; Guarducci 1975, 9.

¹⁵ В древнегреческой фонетике явление итацизма выражается в передаче долгого звука е буквой йот и передача долгого i буквой этой (КБН 1965, 800, п. 2.9, 10). В первые века происходил процесс трансформации эллинского койне греко-римской эпохи в среднегреческий, в результате этого некоторые привычные формы или явления в фонетике, морфологии, синтаксисе заменялись новыми или вовсе отмирали (Тохтасьев 2011, 678–680).

Рис. 4.
Культовая чаша из Горгииппии
(КМ-10350). Виды сбоку и сверху

месяц Дий (КБН 100, 221 г.), или Ἀρίτη, Арита, вместо Ἀρήτη, Арета (КБН 583).

Во 2-й стк. вычитывается слово σωτήρι. Верхушки *сигмы*, *тау* и *эты* уничтожены разломом мрамора, но буквы видны хорошо. Эпитетом Σωτήρ наделялся, как правило, Зевс.¹⁶ Боспорские надписи показывают, что культ Зевса Сотера получил распространение в городах царства с конца 5 в. до н.э.¹⁷ В первые века этот культ пользовался популярностью в Пантикапее, Горгииппии, и, возможно, Мирмекии.¹⁸ Падежная форма имени Зевса в 1 стк., поставленного в *dat. sing.*, совпадает с падежом слова σωτήρι. Это позволяет предполагать, что эпитет Σωτήρ, несмотря на его расположение в начале 2-й строки, относится к Зевсу. Сохранившиеся в начале 2-й стк. буквы -αι перед σωτήρι, по всей видимости, принадлежат союзу [κ]αί, который должен соединять эпитеты Зевса в разных строках надписи. Расположение

¹⁶ Сотерические функции присущи и другим божествам древнегреческого пантеона. Так, эпитетом «спасительница» могла наделяться Гера (КБН 76, 82 г. н.э.; КБН 36, 275–278 гг.); Асклепий (КБН 957, 2 в. н.э.).

¹⁷ Толстой 1953, 100, № 161; Болтунова 1966, 29–35.

¹⁸ КБН 26, 76, 868; Блаватская 1965, 198.

эпитетов божества в разных строках надписи, соединенных союзом καί, встречается, например, в посвящении Асклепию Сотеру из округа Пантикапея: Θεῷ Ἀσκληπιῷ Σωτ[ῆρι] | καὶ εὐεργέτη... (КБН 957).¹⁹ После Δῆι сохранилась, как отмечалось, левая часть *омикрон*, который относится к первому из эпитетов Зевса в надписи. Таких эпитетов, начинающихся на *омикрон*, известно некоторое количество. Однако, согласно словарю К. Брухмана, эпиклеса Зевса Σωτήρ сочетается в античных текстах только с эпитетом Οὐράνιος.²⁰ Этот вывод подкрепляется прямой аналогией из посвяtitельной надписи боспорских *аристопилитов* из Пантикапея (КБН 36, 4–5 стк.; 275–278 гг.): «...θεοῖς ἐπουραν[ί]οις Διὶ Σωτῆρι καὶ Ἴηρᾷ Σωτεῖρα...», где ἐπουρανίους – красис выражения ἐπὶ Οὐρανίους. Итак, отдаем предпочтение версии, что первая эпиклеса Зевса в надписи была, по всей видимости, Οὐράνιος.

Вырезанная после σωτῆρι *эпсилон* относится уже к новому слову в надписи. Длина 3–4 строк показывает, что во 2-й стк. после σωτῆρι могло быть вырезано не менее 14 букв. После имени божества в votивных надписях указывается причина совершения посвяtitельного дара и, нередко, название предмета или строения, которое посвящается ему.²¹ В боспорских посвяtitельных надписях встречается несколько подходящих вариантов для восстановления слова на ε-: 1) εὐχὴν или ἐπὶ τὴν εὐχὴν (по обету); 2) εὐξάμενος (согласно данному обету) от гл. εὐχομαι – εὐξάμενος ἀνέθηκα, εὐξάμενος τὸν ναόν.²² Исходя из этого, можно предложить два варианта реконструкции. Первый – чтение ἐπὶ τὴν εὐχὴν, поскольку располагаем аналогией из посвящения фиасотов 86 г. Зевсу и Гере Спасителям из Пантикапея (КБН 76, 7–8). Однако это чтение имеет один недостаток – оно коротковато для заполнения утраченной части. Расположение букв в строках новой надписи показывает, что резчик стремился к соблюдению красоты и симметрии. Большого доверия заслуживает второй вариант восстановления: ε[ὐξάμενου ἀνέθηκεν]. Оно практически полностью заполняет лауну. Это выражение, отмеченное в надписи КБН 35 (Пантикапей), пользовалось популярностью и неоднократно встречается в многочисленных votивных надписях.²³

В 3-й стк. надежно читается отчество посвяtitеля – Μαέους, gen. sing. имени Μάης. Это имя получило распространение в 1–2 вв. н.э. и хорошо представлено в надписях Пантикапея и Танаиса.²⁴ Имя Маей в антропонимии Фанагории встречается впервые. От имени донатора сохранилось окончание gen. sing. -του. Контур *тау* сохранился в толще мрамора, хотя скол и срезал тонкую заглаженную лицевую поверхность камня.²⁵ Учитывая то, что скол уничтожил от начала 3-й строки не более 3 букв, имя посвяtitеля не превышало 6 знаков.²⁶ Можно предложить [Μασ]τοῦ как один из вариантов восстановления его имени, которое восходит к имени Μαστοῦς (= Μασθοῦς). Оно пользовалось популярностью в первые века н.э. среди населения боспорских городов, его носили даже некоторые важные чиновники во 2 в. н.э.²⁷ В антропонимии Фанагории имя Маст засвидетельствовано пока только у хозяина ткацкой мастерской в 3 в. н.э.²⁸

¹⁹ Это одно из немногих хорошо сохранившихся боспорских посвящений вырезано на столешнице мраморного стола, посвященного Стратодемом, сыном Менестрата, как полагал В.Ф. Гайдукевич, в святилище Асклепия, располагавшееся на Темир-горе, недалеко от Пантикапея (Гайдукевич 1949, 170–172).

²⁰ Bruchmann 1893, 136: οὐράνιος, 140: σωτῆρ.

²¹ Ср. КБН 1115 (110 г.), КБН 64.

²² КБН 35, 64, 1048, 1115 и пр.

²³ Например: Аттика (IG II² 4374, 4376, 4429, 4400, 4554, 4589, 4598, 4606 и пр.); Фессалия (SEG 34: 485; SEG 42: 508); Македония (IGBG V 5902, EAM 100a).

²⁴ Генетивные формы – Μαέους, Μαέως, Μαέοους, КБН 621, 623, 750; номинатив – Μάης, КБН 83, 457, 546, 620, 621, 1242, 1283.

²⁵ Ни фотография надписи, ни ее рисунок не передают изображения этой буквы.

²⁶ Поскольку слова в конце 3 и 4 строк вырезаны без переноса, а 2-я стк. начинается с полного слова, уместно допустить, что и 3-я стк. надписи начиналась с целого слова.

²⁷ В боспорских надписях оно встречено более 35 раз (КБН 1965, 882). Наибольшее число носителей имени Маст проживало в первые века в Пантикапее и его округе, а также в Танаисе. Единичные случаи употребления этого имени отмечены в Гермонассе (КБН 1145) и Горгиипии (КБН 1179).

²⁸ Завойкина 2013б, 1, просопография, № 83.

После имени предполагаемого Маста, сына Маея, сохранились буквы «ТО-¹⁰-ΙΛΕΙΑΣ». В боспорских документах первых веков должность или звание обычно располагаются после личного имени его обладателей.²⁹ Несмотря на лакуну, сохранившиеся буквы позволяют уверенно восстанавливать το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας. В Фанагории должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας известна по надгробию 306 г. (КБН 1051).³⁰ Исследователи сходятся во мнении, что ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – это одна из высших должностей в царской администрации Боспора первых веков, и суть этой должности скрывается в слове ἡ βασιλεία, которое трактуется как «царство», «царская резиденция» (LSJ, s.v.). Эта должность не была пожизненной: известно несколько чиновников в должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, которые упоминаются в документах крупнейших городов царства – Пантикапее, Фанагории, Горгиппии, Танаисе в 2 – начале 4 вв.³¹ Но на этом единство взглядов заканчивается.

Л. Стефани видел в ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας наместника азиатской части Боспора, а В.В. Латышев рассматривал эту должность в качестве наместника европейской части государства.³² Против трактовок Стефани и Латышева вступил С.А. Жебелев. Он резонно отметил, что мнение Латышева опровергают надпись КБН 36, в которой назван чиновник, совмещавший две должности: ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας καὶ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, и надписи КБН 34, 1130, упоминающие чиновника в должности ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας.³³ Феодосия принадлежала к европейской части Боспора и остается непонятным принцип и причины ее выделение из-под юрисдикции ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας в том случае, если он наместник всей европейской части царства. Таким же образом, упоминания в надписях первых веков наместника Горгиппийской области (КБН 1115, 1119, 1129, 1134 и пр.) и наместника острова (КБН 40, 697, 982, 1000) – по всей видимости, совр. Таманский полуостров – на азиатской части Боспора не дают основание для поддержки гипотезы Стефани. С.А. Жебелев считал, что ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας именовался наместник царской резиденции, то есть Пантикапея.³⁴ Исследователь обосновывал свое предположение ссылками на употребление слова ἡ βασιλεία в декрете в честь Диофанта из Херсонеса (SIG³ 709)³⁵ и декрете в честь Акориона из Дионисополя (Syll.³ 402).³⁶ Данные аналогии не вызывают сомнений и позволяют принять перевод ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας как «наместник царской резиденции», но с учетом современных мнений об обязанностях этого чиновника (см. ниже).

Упоминание в Горгиппии в последней четверти 2 – первой трети 3 вв. н.э. ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας (КБН 1134.1; КБН 1120 – название этой должности восстанавливается: πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας)) навело С.А. Жебелева на предположение, что «в Пантикапее как царской резиденции у градоначальника были помощники».³⁷ В.Ф. Гайдукевич предположил, не приведя, однако, веских аргументов в поддержку своего мнения, что ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – это чиновник для выполнения особых поручений царя.³⁸ В «Корпусе боспорских надписей» принята интерпретация С.А. Жебелева (КБН 58, 1051, 1120.5, 1134.1, 1237, 1249).

²⁹ Завойкина 2013а, 258 (надписи частных сообществ); почетные надписи: КБН 40, 45, 49, 53, 58 и др.

³⁰ Об отнесении надгробия КБН 1051 к лапидарию Фанагории, а не Гермонассы, см. Завойкина 2013б, 1, просопография, № 11, 82.

³¹ Болтунова 1958, 114. В надписях Танаиса упоминаются только бывшие οἱ ἐπὶ τῆς βασιλείας (КБН 1237, 1249).

³² Латышев 1909, 124; Болтунова 1958, 113–114.

³³ Жебелев 1953, 210.

³⁴ Там же.

³⁵ Диофант отправил Савмака в царскую резиденцию Митридата в Пантикапее (εἰς τὴν βασιλείαν).

³⁶ Акорион ἐν τῇ πρώτῃ καὶ μεγίστῃ βασιλείᾳ τὰ βέλτιστα κατεργάζεται.

³⁷ Жебелев 1953, 211.

³⁸ Болтунова 1958, 113–114; КБН, comment. ad 58, 1120.

А.И. Болтунова согласилась с выводами Жебелева относительно несостоятельности интерпретаций $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$, предложенных Стефани и Латышевым. Однако она не приняла трактовку исследователя, согласно которой $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ – это царский наместник Пантикапея.³⁹ Исследовательница развила идею Жебелева о значении слова $\eta \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ и, на мой взгляд, обоснованно полагала, что важные чиновники в звании $\acute{o}\iota \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ проживали в тех городах, из которых происходят надписи с упоминанием их имен. В результате она сформулировала гипотезу, что они управляли землями, доходы с которых составляли личную собственность царя и предложила перевод $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ как «начальник царской области».⁴⁰ Эта точка зрения была принята при разработке гипотезы о «царской хоре» Боспора и системе управления ею.⁴¹ Предполагается, что под $\eta \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ скрывается определение царских земельных владений на европейском и азиатском Боспоре.⁴² В результате было предложено рассматривать $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ как чиновника, управляющего царскими землями, которые располагались в разных частях царства. Такая трактовка подразумевает и управление расположенным на них царским имуществом (движимым и недвижимым).⁴³

Итак, единства во взглядах на обязанности и значение должностного лица, обозначаемого в боспорских надписях как $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$, нет, и пока оно не может быть достигнуто. Надписи фиксируют только наличие этой должности в царской администрации во 2 – начале 4 вв., но не раскрывают ее функциональное содержание.⁴⁴ Хотя исследователи не могут сойтись во мнении, что скрывается под термином $\eta \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$ – царская резиденция, царская область или царские земли, прогресс в интерпретации должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ очевиден. Можно считать вполне обоснованной гипотезу, что чиновники в звании $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ управляли царскими землями, расположенными, как показывают надписи, в Горгиппийской области, Островном наместничестве, регионе Танаиса.⁴⁵ По всей видимости, в каждом регионе на «царской хоре» располагалась резиденция правителя, $\eta \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha$, которая стала смысловой частью названия должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$. Исходя из сказанного, я использую перевод $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ как «наместник царской резиденции», предложенный еще С.А. Жебелевым, но с учетом трактовок этой должности, предложенных А.И. Болтуновой и С.Ю. Сапрыкиным.

Возвращаясь к новой votивной надписи из Фанагории отмечу, что документы подобного рода, как правило, содержат имена донаторов в номинативе⁴⁶, а в нашей надписи оно вырезано в генитиве. Здесь можно было бы усмотреть ошибочную альтернативу падежей, получившую распространение в надписях первых веков.⁴⁷ На такую возможность как будто указывают генетивная форма названия месяца Горпиея, $\Gamma\omicron\rho\pi\iota\alpha\acute{\iota}\omicron\upsilon$, вырезанного в конце надписи, вместо требуемого здесь датива. Но скорее всего, генитив имени дедиканта в надписи выполняет функцию gen. object. и предполагает эллипс таких терминов как $\tau\omicron \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$ или $\tau\omicron \delta\omicron\upsilon\rho\omicron\nu$.⁴⁸

³⁹ Болтунова 1958, 114–116; КБН, comment. ad 58, 1120.

⁴⁰ Болтунова 1958, 115, 116; КБН, comment. ad 58, 1120.

⁴¹ Сапрыкин 1996, 280–281; 2002a, 179.

⁴² Болтунова 1958, 113–116; 1968, 75; Сапрыкин 2002b, 213.

⁴³ Особняком стоит версия В.А. Горончаровского, к сожалению, почти никак не обоснованная, что $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ – это начальник царских войск столицы и прилегающих областей (см. Виноградов, Горончаровский 2008, 151).

⁴⁴ См. табл. 1.

⁴⁵ Надписи с упоминанием $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ в городах европейской части Боспорского царства пока не найдены.

⁴⁶ КБН 30, 31, 33, 35, 868, 971, 972 и пр.

⁴⁷ Ворошилова, Завойкина 2016, 29.

⁴⁸ McLean 2002, 247.

В 4-й стк. сохранились фрагменты календарной даты: ...ΤΩΙ Ε.Κ.Υ. ΕΤ -¹⁰ - ΝΙ ΓΟΡΠΙΑΙΟΥ. Скол между фонемами ετ- и -νι уничтожил около 10 букв. Предлагаем дополнить дату как: [ἐν] τῷ Ε Κ Υ´ ἔτ[εῖ καὶ μην]ὶ Γορπιαίου – в 425 г. б.э. и месяце Горпиае. В переводе на современное летосчисление эта дата соответствует середине лета 128 г. Аналогии предлагаемой реконструкции встречаем в надписях 23 г. и 117 г. из Пантикапея (КБН 39, 44), в надписи 234 г. из Китея (КБН 942.5), в надписи 123 г. из Фанагории (КБН 975). Обращает внимание несогласованность в падежных окончаниях в выражении «...μηνὶ Γορπιαίου». Это явление было распространено в боспорских надписях 2–3 вв. н.э. Аналогичную ошибку встречаем, например, в посвяtitельной надписи 110 г. из Горгиппии (КБН 1115.10–11).⁴⁹

В итоге, получаем следующую реконструкцию:

1. Δῆι Ο[ὐρανίῳ]
2. [κ]αὶ Σωτῆρι ἐ[ὐ]ξαμένον ἀνέθηκεν?
3. [Μασ?]τοῦ Μαέου το[ῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας]
4. [ἐν] τῷ Ε Κ Υ´ ἔτ[εῖ καὶ μην]ὶ Γορπιαίου

Перевод: «Зевсу Уранию и Сотеру согласно обету посвящено (в дар) от (Мас?)та сына Маея, наместника царской резиденции, в 425 г. б.э. в месяце Горпиае».

Историческую значимость нового памятника еще предстоит оценить, но уже сейчас можно сказать следующее. Надпись на периррантерии свидетельствует о существовании храма Зевса Урания и Сотера в Фанагории. Согласно Павсанию, в городах Эллады храмы Зевса Сотера располагались в их центральной части или около гавани (Paus. II. 20, 6; II. 31, 10; III. 23, 10–11; IV. 31, 10; VIII. 30, 10). В регионе Боспорского царства впервые Зевс Сотер упоминается в посвяtitельной надписи на горле чернолакового сосуда конца 5 в. до н.э. из Пантикапея.⁵⁰ Из лапидарных надписей наиболее ранним является посвящение Зевсу Сотеру, [Δι Σ]ωτῆρι третьей четверти 3 в. до н.э. также из Пантикапея (КБН 26).⁵¹ О храмах и алтарях, посвященных Зевсу Сотеру, свидетельствуют надписи из разных боспорских городов. В письмах Аспурга горгиппийцам в 1-й стк. упоминается: ... [ἰδ]ρύσαντο Δι Σωτῆρι.⁵² Надписи КБН 76 и 36 свидетельствуют о существовании, видимо, в центральной части Пантикапея храма Зевса, где он почитался как Ураний и Сотер наряду с Герой. К лапидарию Пантикапея принадлежит обломок украшенного овами карниза с фрагментированной надписью [Σω]τῆρος, который, по мнению А.И. Болтуновой, является частью надписи на карнизе храма Зевса Сотера.⁵³ Таким образом, в трех боспорских городах – Пантикапее, Фанагории, Горгиппии – в первые века н.э. действовали храмы Зевса. В боспорских столицах Зевс почитался с эпитетами Ураний и Сотер.

Периррантерий преподнесен в дар царским чиновником в фанагорийский храм в 128 г., когда на Боспоре правил царь Котис II (123–132 гг.). Из датированных документов с именем этого царя известна пока одна надпись удовлетворительной сохранности. Она поставлена в 420 г. б.э.

⁴⁹ Об альтернатиции падежей в боспорских надписях первых веков н.э. см.: Ходорковская 1966, 474–476; Тохтасьев 2011, 679.

⁵⁰ Толстой 1953, 100, № 163.

⁵¹ По палеографическим особенностям надпись датируется 3 в. до н.э., а не концом 3 – первой половиной 2 вв. до н.э., как предлагают авторы КБН (ср. Белова 1984, 84). В.П. Яйленко уточнил датировку – в пределах третьей четверти 3 в. до н.э.

⁵² Блаватская 1965, 198, 200.

⁵³ Болтунова 1966, 34; 1977, 176–178.

(= 123 г.) и сообщает о военной победе Котиса II над скифами на европейской стороне Боспора (КБН 33). Содержание надписи согласуется с изображениями военной победы царя на боспорских монетах этого года.⁵⁴ Интересно отметить, что медные монеты Котиса II 426 г. б.э. = 129 г. содержат изображения военных трофеев и пленных. Подобные хронологические совпадения в разных источниках наводят на предположение о причинах данного (Мас)том, сыном Маея, обета Зевсу. По-видимому, посвящение мраморной чаши Зевсу следует связывать с какой-то военной победой царя незадолго до лета 128 г.

Досье боспорских чиновников первых веков пополнилось новым именем царского наместника в должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$. Теперь известны имена семи боспорских чиновников в этой должности. Надписи, в которых они упоминаются, происходят из Пантикапея, Фанагории, Горгиппии, Танаиса (табл. 1). Наместник царской резиденции засвидетельствован теперь и в Фанагории, которая располагалась на острове и была центром «островного наместничества».⁵⁵ Оно управлялось царским чиновником в должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \nu\eta\sigma\omicron\upsilon$ (= нессарх).⁵⁶ Исходя из упомянутого выше мнения А.И. Болтуновой, поддержанного и развитого С.Ю. Сапрыкиным, об обязанностях чиновника в должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$, представляется возможным высказать следующее предположение. В Фанагории представлена схема административного управления «царский наместник острова – наместник царской резиденции», которая обнаруживает аналогию в Горгиппии, бывшей центром другого административно-территориального округа Боспорского царства. В этом регионе высший эшелон власти представлен царским наместником Горгиппийской области ($\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \Gamma\omicron\rho\gamma\iota\pi\pi\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$) и наместником царской резиденции ($\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$) (КБН 1115, 1119, 1134 и др.). Отмеченная структура позволяет предполагать, что эти царские чиновники высшего ранга принадлежали к разным государственным ведомствам: к ведомству, условно говоря, управления царским имуществом принадлежат $o\acute{\iota} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$, а к ведомству территориально-административного управления царства – наместники Острова, Горгиппийской области, Феодосии и области аспургин (КБН 1130, 1246, 1248, 36)⁵⁷.

⁵⁴ Завойкина 2013а, 149.

⁵⁵ Гайдукевич 1949, 343; Кузнецов 2007, 238; Завойкина 2013а, 158–159; Завойкин 2017, 147–163.

⁵⁶ Кузнецов 2007, надпись № 1.

⁵⁷ О территориально-административном делении Боспорского царства, предположительно, с эпохи Аспурга: Сапрыкин 2002б, 213–214.

Таблица 1. Список боспорских чиновников в должности $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (в хронологическом порядке)

Личное имя	Город	Комментарий	Дата, тип надписи, место издания
1. Οὐλπιος Παρθενокλῆς, $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$	Пантикапей		Конец 1 – начало 2 вв. Надпись о строительстве семейного склепа (КБН 628)
2. [Μασ?]τοῦς Μαέου, $\acute{o} \epsilon\pi\iota \tau\eta\varsigma \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$	Фанагория		128 г. Посвятительная надпись на периррантерии

3. Ἀθηνόδωρος Σελεύκου, πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας	Горгиппия	Афенодор являлся одновременно жрецом фиаса навклеров	174–211 гг. Посвящение фиаса навклеров (КБН 1134)
4. Ἰούλιος Δ[ι]όνου, πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας (бывший наместник царской резиденции)	Танаис	В КБН имя оставлено без дополнения, хотя пропуск 1 буквы позволяет дополнить его как Δ[ι]όνου. Имя Διονῦς известно в городах западного Понта (LGPN 4, s.v)	193 г. Посвятельная надпись (КБН 1237)
5. Ἰούλιος Ρόδων, πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας (бывший наместник царской резиденции)	Танаис		193 г. Посвятельная надпись (КБН 1237)
6. Μενέστρατος Γ[ο]σ[ε]μφλί[ου] Совмещал должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας и ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας	Пантикапей		275–278 гг. Посвящение аристопилитов (КБН 36, 14–15)
7. Μάρκος Αὐρήλιος Ἀνδρόνεικος Πάππου, ὁ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας	Фанагория (Агриппия)	Марк Аврелий Андроник был погребен вместе с сыном в 306 г. в Агриппии	306 г. Надгробие (КБН 1051) ⁵⁸

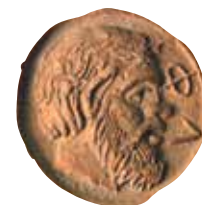
ЛИТЕРАТУРА

- Белова Н.С. 1984. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э., *ВДИ* 2, 78–86.
- Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга, *СА* 2, 197–209.
- Болтунова А.И. 1958. Надпись под статуей из Горгиппии, *СА* XXVIII, 110–116.
- Болтунова А.И. 1968. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства, *Eirene* 7, 67–76.
- Болтунова А.И. 1966. О культе Зевса Сотера на Боспоре, in: А.И. Болтунова (ред.), *Культура античного мира*. Москва, 29–38.
- Болтунова А.И. 1986. Зевс Отчий и Зевс Спаситель, *ВДИ* 1, 176–183.
- Бонин А.В. 2014. «Неукрепленные батареи», *ДБ* 18, 73–87.
- Бонин А.В., Шаров О.В. 2016. Н.И. Сокольский и его батареи (от укреплений к поселениям), in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования* (Боспорские чтения XVII). Керчь, 57–62.
- Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2008. *Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)*. Санкт-Петербург.
- Ворошилова О.М., Завойкина Н.В. 2016. Надгробие фиасота Мокка, сына Левкия, из Фанагории, in: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 2* (Фанагория 4). Москва, 24–33.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва–Ленинград.
- Жебелев С.А. 1953. *Северное Причерноморье*. Москва–Ленинград.
- Завойкина Н.В. 2013а. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. Москва.
- Завойкина Н.В. 2013б. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики), in: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 1* (Фанагория 1). Москва, 240–313.
- Завойкин А.А. 2017. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (заметки по исторической географии Таманского полуострова), *ПИФК* 3, 147–163.
- Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 227–243.
- Коровчинский И. Н. 2007. *Культы эллинистической Бактрии (на материалах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум и храма Окса в Тахти-Сангине)*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва.
- Латышев В.В. 1909. *Понτικά*. Санкт-Петербург.
- Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство*. Москва.
- Сапрыкин С.Ю. 2002а. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва.
- Сапрыкин С.Ю. 2002б. Аспург, царь Боспора, *ДБ* 5, 207–223.
- Сапрыкин С.Ю. 2006. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства, in: Л.П. Маринович (ред.), *Античная цивилизация и варвары*. Москва, 171–242.
- Сокольский Н.И. 1976. *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. Москва.

⁵⁸ О принадлежности семьи Андроника к Фанагории (Агриппии) см. Завойкина 2013а, № 82.

- Толстой И.И. 1953. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Москва–Ленинград.
- Тохтасьев С.Р. 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 673–682.
- Ходорковская Б.Б. 1966. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей, in: *Вопросы античной литературы и классической филологии*. Москва, 466–480.
- Bruchmann C.F.H. 1893. *Epitheta Deorum quae apud poetas Graecos leguntur* (W.H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Supplementum I). Leipzig, 1884–1886.
- Guarducci M. 1975. *Epigrafia Greca. III. Epigrafi di caratteri privato*. Roma.
- Ginouvès R. 1962. *Balaneutikè. Recherches sur le bain dans l'antiquité grecque* (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome 200). Paris.
- Fullerton M.D. 1986. The Archaistic Perirrhanteria of Attica, *Hesperia* 55/2, 207–217.
- McLean B.H. 2002. *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C.–A.D.337)*. Ann Arbor.
- Raubitschek A.E. 1949. *Dedications from the Athenian Akropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries B.C.* Cambridge (Massachusetts).
- Ziehen L. 1937. Perirrhanterion, *RE* XIX, Sp. 856–857.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО СЕВЕРНОГО ПОНТА (ЭПОХА АРХАИКИ)

Некоторое время назад автором этих строк была опубликована статья, посвященная жилищам причерноморских эллинов архаического периода.¹ К этому моменту в литературе господствовала точка зрения о том, что в первоначальный период жизни греческих апойкий Понта основным типом жилища были заглубленные в грунт (полу)землянки. Причем этот вывод распространяется на все эллинские колонии региона. С.Д. Крыжицкий даже ввел по этому поводу термин – «дом колониста». Большинство исследователей приняли точку зрения, наиболее отчетливо сформулированную этим специалистом. Вернуться к рассмотрению этого вопроса меня заставляет то обстоятельство, что с течением времени ситуация с пониманием проблемы раннего греческого домостроительства в Северном Причерноморье несколько изменилась. Может быть будет правильнее сказать, что позиция исследователей эволюционирует в этом вопросе.

Прежде всего кратко напомним основные аргументы последователей гипотезы «земляночного домостроительства».² При раскопках наиболее ранних слоев античных городищ и поселений обычно не находят наземных домов, но только разнообразные конструкции, заглубленные в грунт (как правило, в материк). Большую их часть принимают за наиболее древний тип эллинского жилища. С.Д. Крыжицкий, объясняя, почему греки строили не характерные для своей культуры жилища, а землянки, пишет: «Земляночные дома представляли собой закономерную стадию в развитии греческой архитектуры в новых условиях юга Восточной Европы. Их появление объяснялось невысоким уровнем развития экономики основанных греками государств и неразвитостью базы строительного производства. Идея строительства заглубленных жилищ, нетипичная для греческой архитектуры, была заимствована у местных, по всей вероятности лесостепных, племен, поскольку оседлое варварское население в районах колонизации во второй половине VII–VI вв. до н.э. в Северном Причерноморье отсутствовало».³

Таким образом, на первоначальном этапе на северном Понте экономика эллинских апойкий находилась на столь низком уровне, что не было возможности строить наземные дома.⁴ К этому нужно добавить суровость климата, которая заставляла перенимать у местных варварских племен (причем почему-то у живущих в лесостепной зоне, т.е. далеко от морского побережья) традицию выкапывать жилища в земле. В таких условиях греческие переселенцы должны были жить в течение первых десятилетий (до 70–80 лет).⁵ И только после этого они начинали строить привычные для себя наземные дома.

¹ Кузнецов 1995, 99–126; см. также: Кузнецов 2013, 127–131.

² Напомним, что землянкой можно называть только временное жилище, заглубленное в грунт. Относить этот термин к конструкциям производственного или хозяйственного назначения нет никаких оснований. Ср.: «Первоначально основным типом жилища для переселенцев служили заглубленные ниже уровня материка, преимущественно круглые в плане примитивные постройки, получившие в литературе не очень удачное наименование «землянки» (Толстиков 2017, 259).

³ Крыжицкий 1993, 41.

⁴ Зубарь, Зинько 2006, 20.

⁵ Виноградов 2000, 231.

Эти утверждения вызывают определенные вопросы: 1) каковы доказательства того, что землянки были *закономерной* стадией в развитии *греческой* архитектуры?; 2) чем доказывается «невысокий уровень развития экономики» новых греческих государств и каким образом это влияло на сооружение жилых домов традиционного типа?; 3) чем подтверждается «неразвитость базы строительного производства»? Ни С.Д. Крыжицкий, ни сторонники его точки зрения не привели ни единого обоснованного доказательства своим положениям. Другими словами, все они могут быть названы голословными.

Одним из самых развернутых откликов на мою статью 1995 г. стала критика в книге В.М. Зубаря и В.Н. Зинько. В своей работе авторы ставят мне в вину то, что я не рассматриваю конкретный археологический материал, на основе которого должно предложить свое решение вопроса. Приведу длинную цитату: «Но методика, с помощью которой В.Д. Кузнецов пытается опровергнуть точку зрения С.Д. Крыжицкого, не выдерживает критики, в силу чего его основной вывод представляется неубедительным». Далее: С.Д. Крыжицкий и его сторонники «при моделировании раннего этапа жилищного строительства в Северном Причерноморье в первую очередь опирались на археологический материал, представленный не единичными комплексами, а достаточно многочисленными следами земляночного и полужемляночного строительства, зафиксированными в ряде пунктов Северного Причерноморья... Следовательно, для того, чтобы опровергнуть выводы С.Д. Крыжицкого и поддержавших его специалистов, наиболее целесообразно было бы рассмотреть конкретный археологический материал, которым оперирует противная сторона, и на базе такого критического разбора предложить свою интерпретацию раскопанных памятников. Но В.Д. Кузнецов не пошел по этому пути, а в качестве примера привел лишь ошибочную интерпретацию раскопанной в Мирмекии круглой в плане землянки, предложенную Ю.А. Виноградовым. Только этот факт из истории огромного археологического материала, которым оперировал С.Д. Крыжицкий, был поставлен В.Д. Кузнецовым во главу угла при доказательстве неубедительности концепции о полужемлянках и землянках как первых жилищах греческих переселенцев. Тем самым, критикуя С.Д. Крыжицкого, В.Д. Кузнецов пошел по ошибочному пути и конкретный анализ археологического материала из раскопок античных северопонтийских центров подменил гипотетическими положениями о назначении заглубленных в землю сооружений и о господстве на раннем этапе сырцового домостроительства, в пользу чего не привел достаточного количества убедительного фактического материала».⁶

Таким образом, аргументация В.Н. Зинько и В.М. Зубаря проста и понятна: если при раскопках находят только заглубленные структуры, то это означает, что никаких наземных жилых объектов и не было. А если этот так, то они и представляли единственный тип жилища, который был у греков. Чтобы опровергнуть такое предположение, необходимо рассмотреть археологический материал и доказать, что заглубленных структур не существовало. Но этого сделано не было,

⁶ Зубарь, Зинько 2006, 18.

следовательно точка зрения оппонентов С.Д. Крыжицкого неправомерна.

С.Д. Крыжицкий предложил археологам, которые привыкли мыслить предметно, простое и понятное объяснение того факта, что находят мало наземных домов – греки в силу специфики Понта (холодно) и в силу специфики времени (отсутствие экономических условий) жили в заглубленных в грунт жилищах-землянках.

Мне кажется, что слова о приоритете археологического материала являются ключевыми для характеристики позиции авторов книги. Другие же важные обстоятельства при оценке вопросов греческой архитектуры и урбанизма (культура, традиции, уровень строительного мастерства и др.), не имеют или имеют мало значения. По этой причине мои аргументы и не приняты во внимание, поскольку в таком случае «заштатается археологическая почва» под доказательствами. На этом основании предлагается идти по понятному пути – что найдено при раскопках, то и следует интерпретировать. Если же чего найдено не было, то этого и не существовало. По крайней мере, до тех пор, пока не будет найдено. Но даже если не принимать во внимание не археологические аргументы, то и здесь позиция В.М. Зубаря и В.Н. Зинько оказывается, с моей точки зрения, совершенно неубедительной. Поэтому, следуя их совету, поговорим об археологических фактах.

Начнем с «раскопанной в Мирмекии круглой в плане землянки». По мнению В.Н. Зинько и В.М. Зубаря, интерпретация ее Ю.А. Виноградовым ошибочна, поскольку речь идет о яме. Однако это противоречит точке зрения самого Ю.А. Виноградова, который написал по этому поводу: «... любой специалист, хотя бы раз в жизни раскапывавший полуземлянку, никогда не спутает ее ни с ямой, ни с подвалом».⁸ Очевидно, что кто-то из этих сторонников «земляночного домостроительства» неправ. Далее, в одной из недавних статей В.Н. Зинько приведена фотография «землянки» (№ 2) в Тиритаке, которая со всей очевидностью даже не «для любого специалиста, хотя бы раз в жизни раскапывавшего полуземлянку» показывает, что речь идет о трех хозяйственных ямах, прорезавших друг друга⁹ (рис. 1). Следует задать вопрос: если Ю.А. Виноградов ошибся, то почему В.Н. Зинько повторяет его ошибку?

Пойдем дальше. Реконструируя ранние типы жилища греческих первопоселенцев, некоторые археологи предлагают варианты, которые заставляют задуматься о существовании такого понятия как «здоровый смысл». В частности, полагают, что эллины могли жить даже не в землянках, а в шалашах (на протяжении десятилетий!), как показывают некоторые реконструкции (рис. 2). Такие «жилища» скорее подходят рыбакам, которые проводят ночь на берегу реки, а не достигшим больших высот в строительном искусстве эллинам. Вот что, например, пишет Д.Е. Чистов о ранних жилищах Березани: «Наиболее массовый тип полуземлянки – легкая постройка типа юрты или шалаша с конической кровлей, опиравшейся на центральный столб, ... представляет собой основной тип жилища первых двух четвертей VI в. до н.э.».¹⁰ Комментировать эти слова бессмысленно, поскольку при таком

⁷ Приведем пример из статьи Ю.А. Виноградова, характеризующий такой подход: «... Другие поселения (Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Тиритака и пр.), по мнению некоторых авторов, возникают во второй четверти VI в. до н.э. Основой для подобных выводов являются *разрозненные и немногочисленные* находки ранней греческой керамики из культурных напластований. Однако *такой методический прием весьма уязвим и не всегда правомерен*. Не вызывает сомнения, что принципиальное значение для определения времени возникновения того или иного поселения должны иметь не отдельные находки, а анализ остатков самого раннего культурного слоя, первых погребений и, разумеется, материалов строительных и хозяйственных комплексов». И несколькими строками ниже: «Но и эта позиция уязвима, поскольку базируется на достигнутом знании, ограничивая прогностическое значение. Имеющиеся на каждом из раскапываемых памятников наиболее ранние находки, пусть *немногочисленные и разрозненные*, всегда позволяют надеяться (курсив везде мой. – В.К.), что со временем... будут открыты и более ранние комплексы» (Виноградов 1995, 155–156; ср.: Буйских 2013, 56–58). Складывается впечатление, что автор не смог определить свою позицию по проблеме.

⁸ Виноградов 2000, 229.

⁹ Зинько 2013, 135, рис. 4.

¹⁰ Чистов 2017а, 139.

Рис. 1.
«Землянка № 2» в Тиритаке
(по: Зинько 2013, 135, рис. 4)

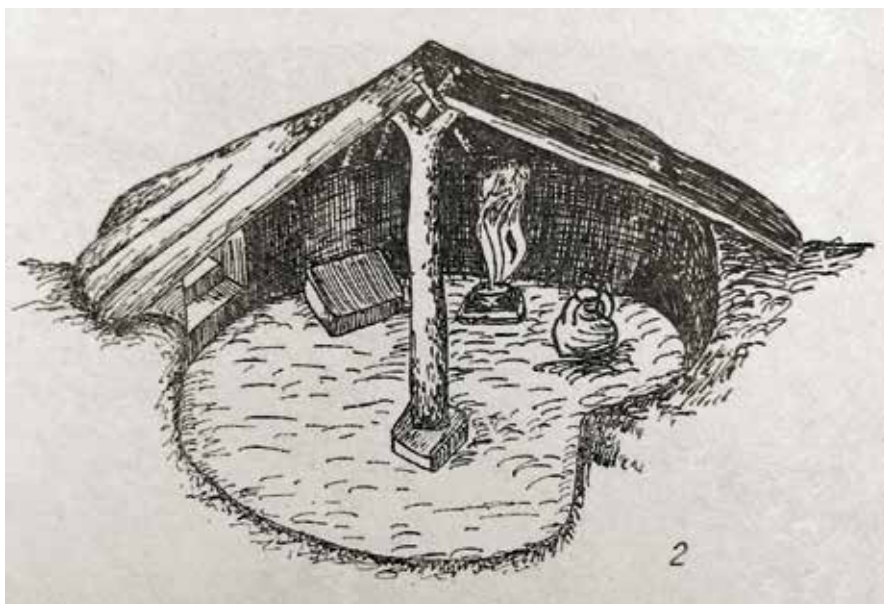

Рис. 2.
Древнегреческий «жилой дом»
в Ольвии (по: Крыжицкий 1993, 44,
рис. 17. 2)

знании об античной цивилизации можно «заставить» жить греков где угодно. Заметим только, что такого рода «реконструкции» основаны на интерпретации все тех же круглых в плане хозяйственных ям в качестве жилья. Отсюда и появляются все эти юрты и шалаши (рис. 3).

Нередко факты, противоречащие гипотезе о землянках как первых жилищах греков, остаются за рамками внимания исследователей. Например, Ю.А. Виноградов, говоря о городских стенах Мирмекия, считает совершенно нормальным то, «что поселение, состоявшее из комплекса грубых полуземлянок, было укреплено согласно греческим

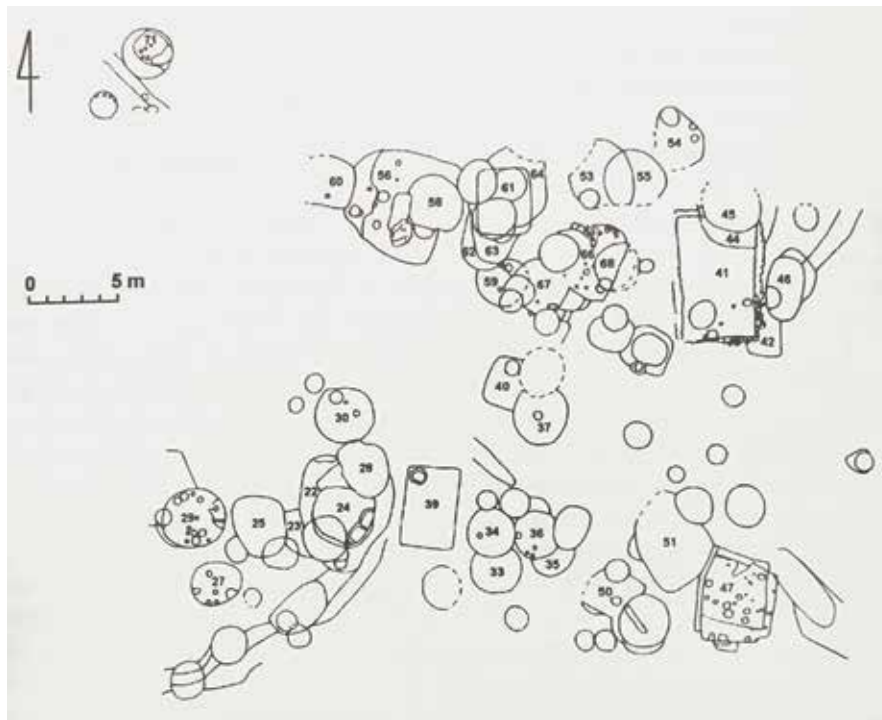

Рис. 3.
«Жилые землянки» на Березани
(по: Soloviyov 1999, 32, fig. 10)

традициям».¹¹ Из этого следует, что исследователи не могут преодолеть инерцию мышления и пытаются иногда найти подобного рода фактам весьма странные объяснения. Приведу еще пример. М.Ю. Вахтина пишет о том, что в Порфмии землянки не обнаружены. Причину исследовательница видит в следующем: «Возможно, это объясняется тем, что слой материковой глины на этом памятнике незначителен, а непосредственно под ним залегает природная скала, в которой достаточно трудно сделать углубление».¹² Другими словами, неистребимое желание греков жить в землянке сталкивается с непреодолимым природным препятствием в виде скалы. Тем не менее нужно отдать должное исследовательнице, поскольку она все же стремится трактовать новые факты более взвешенно. Она пишет: «Нетрудно заметить, что выявление архаических наземных сооружений подобного типа (как в Мирмекии. – В.К.) неизбежно вызовет у исследователей целый ряд дальнейших вопросов и, возможно, даже внесет некоторые коррективы в сложившиеся в отечественной науке представления о домостроительстве в боспорских греческих поселениях эпохи архаики». А на основе раскопок в Порфмии делает уже почти крамольный для сторонников «земляночного домостроительства» вывод: не исключено, что дома первых жителей этого города представляли собой наземные конструкции, со стенами из сырцовых кирпичей и фундаментом из мелких камней.¹³

Мне уже приходилось говорить о находках типичных для греков наземных домов, открытых в различных городах Северного Причерноморья.¹⁴ Может быть их обнаружено и не так много, как хотелось бы, что объясняется ограниченными возможностями в сфере исследования наиболее ранних слоев существования апойкий. Однако их наличие

¹¹ Виноградов 1995, 158.

¹² Вахтина 2009, 97.

¹³ Вахтина 2003, 48–49.

¹⁴ Кузнецов 1995, 109–110.

не должно оставаться за рамками нашего внимания. В последнее время ситуация в этом отношении заметно меняется – не просто увеличивается количество вновь открытых наземных домов самого раннего времени, но они теперь обнаруживаются в апойкиях, которые служили своего рода парадигмой для сторонников «земляночного домостроительства». Речь, в частности, идет о Пантикапее, в котором, как показывают новейшие исследования, жители с самого основания города строили наземные дома.¹⁵ Уже только на этом примере можно говорить о подрыве основания под гипотезой о «землянках» как первом типе греческого жилища. Весьма существенным представляется вывод автора раскопок в столице Боспора (В.П. Толстикова), который входит в противоречие с утверждениями о низком уровне состояния экономики в апойкиях, выглядевших по этой причине как варварские поселки: «... милетские колонисты, прибывшие на холм, именуемый сегодня “Гора Митридат”, будучи достаточно многочисленны, хорошо организованы, имели в своем составе умелых инженеров-фортификаторов и строителей-каменщиков».¹⁶

Добавим сюда и раскопки, которые осуществляются в Фанагории. В течение последних полутора десятков лет в историческом ядре этого города ведутся исследования слоя архаического времени на большой площади (чуть менее 3000 кв. м., а с учетом работ предыдущих лет – несколько более этой цифры). Раскопки доведены до материка пока не на всей площади, хотя и на большей ее части. Они показывают, что город с самого начала был застроен наземными жилыми домами, построенными из сырцовых кирпичей, как правило, без каменного основания. Помимо них открыты общественные здания – храмы и не идентифицированные в функциональном отношении постройки. Кроме этого, обнаружены фортификационные сооружения необычной формы: они представляют собой комплекс примыкающих друг к другу помещений, построенных по периметру холма. Толщина стен равна 1,1 м, время строительства приходится на третью четверть 6 в. до н.э. Скорее всего, оборонительные сооружения имели два строительных периода (исследования еще не завершены), первый из которых относится практически ко времени основания апойкии (около 540 г. до н.э.).

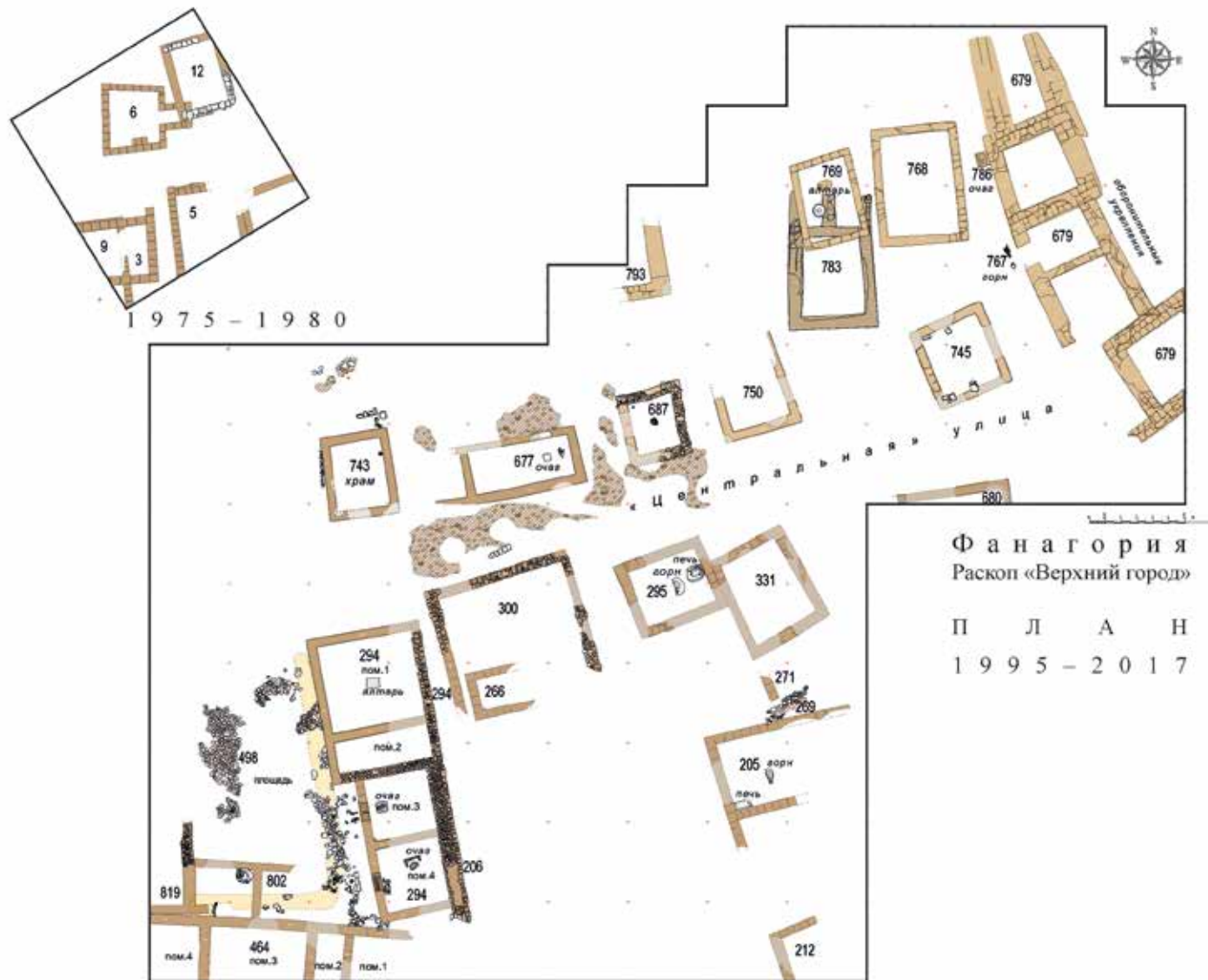
В итоге, мы имеем целый район древнейшего города, застроенный зданиями из сырцовых кирпичей, разделенный улицами и переулками (рис. 4). Исследования в Фанагории требуют ответа на очевидный вопрос: если «земляночное» домостроительство было необходимым этапом («закономерной стадией», по С.Д. Крыжицкому) в становлении архитектурного облика апойкий Северного Причерноморья, то почему исключением из этого правила становится большое количество этих самых апойкий, в том числе важнейшие из них – Пантикапей и Фанагория? К ним можно добавить Гермонассу¹⁷, Кепы, Порфмий, Нимфей и без сомнения другие поселения, в которых *сохранились* древнейшие слои и которые остаются еще недостаточно исследованными.

Хорошо известно, что наиболее ранние слои существования античных поселений сохраняются крайне плохо или не сохраняются вообще.

¹⁵ Асташова, Ломтадзе, Самар, Толстиков 2015, 97.

¹⁶ Толстиков 2017, 267.

¹⁷ «По-видимому, в ранний период существования города (Гермонассы. – В.К.) в нем были бедные жилые постройки из сырцового кирпича с каменными основаниями» (Финогенова 1999, 159). Автору этих строк приходилось видеть один из таких (и отнюдь не бедных) домов при посещении раскопок Гермонассы (начало 2000-х гг.). Он представлял собой здание из сырцовых кирпичей (высота до 14 рядов) на каменном фундаменте, построенном непосредственно над материком (благодарю С.И. Финогену за разрешение сослаться на этот пример).

Об этом пишут многие исследователи, причем не только работающие в Причерноморье.¹⁸ В такой ситуации, как правило, фиксируются только объекты, заглубленные в материк.¹⁹ При отсутствии над материком слоя соответствующего времени невозможно обнаружить и строительные объекты, ему принадлежащие. Приведем лишь один, но показательный пример. По результатам раскопок поселения Чертоватое 7 на хоре Ольвии авторы публикации приходят к выводу, что оно должно быть датировано последней четвертью 6 – первой четвертью 5 в. до н.э.²⁰ Однако оказывается при этом, что на этом однослойном, по их утверждению, археологическом памятнике обнаружены «жилища», заглубленные в материк, которые датируются третьей четвертью 6 в. до н.э. Следовательно, поселение не только было основано ранее указанного исследователями времени и было не однослойным, но на нем (точнее – на материке) не сохранился и древнейший слой. Вместе с этим слоем были уничтожены и наземные жилища, а не мифические землянки.²¹

Рис. 4.
План участка Фанагории 6 века до н.э.

¹⁸ Буйских 2004, 36–37; Толстиков 2001, 385; Morris 2002, 35.

¹⁹ Вот что пишет В.Н. Зинько о первом строительном периоде (565–560 – около 530 гг. до н.э.) в Тиритаке: «В целом горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми лишь с уровня предматерикового слоя» (курсив мой. – В.К.) (Зинько 2016, 182).

²⁰ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 26–28.

²¹ См. Завойкин 2015, 121–129.

Говоря о плохой сохранности слоев раннего времени, попробуем понять следующее: при его наличии, какова будет сохранность средне-статистического наземного здания? Как мы можем себе представить жилой дом 6 в. до н.э. в одном из городов Северного Причерноморья? Пусть это будет Фанагория, которую автор этих строк знает лучше других апоек. Возьмем в качестве примера дом № 6, открытый в 1978 г. Он состоял из наземного этажа и подвала, площадь каждого из которых равнялась 12,5 кв. м. Дом погиб в пожаре, стены обрушились и заполнили все пространство подвала.²² В результате зафиксированы только следующие факты: дом имел в плане форму трапеции, в подвале вели ступеньки, вырезанные в материке и замощенные сырцовыми кирпичами. На полу лежала сгоревшая до состояния обуглившихся досок и планок дверь. Она полностью сохранила свою трапециевидную форму²³: две распашные створки крепились к дверной раме сверху и снизу при помощи железных штырей, оставшихся *in situ*. В подвале находилась хиосская пухлогорлая амфора первой половины 5 в. до н.э., а также плетеная корзина, от которой сохранился отпечаток в песке.

Казалось бы, что в нашем распоряжении имеется не так уж и мало сведений об этом доме, особенно по сравнению с другими жилищами. Однако они касаются только подвала, поскольку жилое помещение оказалось полностью разрушенным. По этой причине о нем нет данных, прежде всего касающихся его наполнения (окна, мебель, посуда, ткани и другие предметы органического происхождения). Если попытаться посчитать в процентах оставшуюся от домохозяйства часть, то предполагаемый результат вряд ли превысит 5%. Если же мы возьмем в качестве примера другие дома, от которых сохранились лишь нижние части стен высотой в два-шесть рядов кирпичей, то эта цифра будет еще меньше – по самым оптимистическим подсчетам на уровне 1–2%.

Можно задать себе вполне риторический вопрос: какие же выводы можно сделать на основе таких скудных данных? Такой ответ, как «крайне ограниченные», будет выглядеть вполне реалистичным. Тем не менее, на этом уровне и приходится говорить о греческом домостроительстве архаического периода.

Сейчас уже можно считать, что гипотеза о «земляночном домостроительстве» постепенно сжимается, как шагреновая кожа. Отсутствие доказательств о неспособности греческих переселенцев строить привычные для их культуры наземные дома, но и прямое опровержение этого тезиса, дополняются постепенным отказом от прежних утверждений. Например, специалисты все более сомневаются в том, что греки жили в «земляночных» жилищах в течение 70–80 лет, сокращая этот период на разное количество лет.²⁴ К этому можно добавить то, что появляется все более выраженное стремление разделить «землянки» на жилые и производственно-хозяйственные. Можно полагать, что если эта тенденция продолжится, то они (т.е. «котлованы») все со временем перейдут в последнюю категорию. Любопытным мне представляется замечание, которое сделал С.Д. Крыжицкий в одной из своих последних книг. Он пришел к выводу, что над ольвийскими землянками

²² Отмечу попутно критику Д.Е. Чистова, который признает мою реконструкцию этого дома как имеющую «невысокую степень достоверности» по причине отсутствия аналогий (Чистов 2013, 598–599). Видимо, предложение автора считать юрту типичным древнегреческим жилищем имеет гораздо больше права на существование, поскольку должно находить множество аналогий в античной архитектуре. В моей реконструкции дома 6 спорным можно признать только восстановление лестницы, ведущей на наземный этаж – она могла быть, например, сложена из сырцовых кирпичей. Все остальные характерные для этого сооружения детали документированы в процессе раскопок.

²³ См. подробнее о дверях: Hellmann 1986, 237–247.

²⁴ «Однако, судя по археологическим комплексам, этот временной отрезок был несколько короче, где-то не более 50–60 лет, и завершился, когда подросли внуки первых колонистов» (Зинько 2006, 8; ср. Суриков 2015, 77–78). В своей недавно вышедшей книге по Тиритакке В.Н. Зинько демонстрирует в этом вопросе более осторожный подход. В частности, он пишет: «Поэтому нет оснований утверждать, что для апоек европейского Боспора землянки являлись наиболее распространенным типом жилья греческих эмигрантов. Можно лишь констатировать наличие довольно неприятных небольших построек, как наземных, так и несколько заглубленных в грунт» (Зинько 2014, 296).

должен был быть надземный этаж.²⁵ Здесь можно видеть эволюцию во взглядах одного из основных сторонников идеи «земляночного домостроительства». При этом не могу не заметить, что строительство стен наземного помещения над «землянкой», т.е. котлованом является предприятием крайне рискованным с точки зрения безопасности. Если же последний имел стены вдоль своих бортов, то тогда речь должна идти о (полу)подвале, а не о «землянке». В таком случае мы имеем обычный наземный дом с подвалом.

Вернемся еще раз к рассмотренной выше точке зрения о необходимости решать вопрос о ранних типах греческого жилища на основе, прежде всего, данных археологии. На протяжении многих десятилетий исследователи говорят о том, что историки и археологи работают как бы в разных плоскостях – первые крайне плохо знают археологические материалы (если знают вообще), вторые – письменные источники. Этот разрыв наносит большой ущерб продвижению наших знаний о многих сторонах жизни античного общества. Вполне естественной является мысль о том, что для решения той или иной проблемы материальной жизни этого общества нужно исследовать все доступные источники, ее касающиеся. Замыкание только на одной категории таких источников ведет к возникновению однобоких концепций и гипотез. Классическая археология, в отличие, например, от археологии бронзового века, не может не использовать письменные документы, в которых содержится огромный пласт сведений о тех или иных сторонах повседневной жизни эллинов. В противном случае мы рискуем не понять самые простые вещи.

Возьмем пример, касающийся нашей темы: если нам известна по письменным источникам производительность труда при изготовлении сырцовых кирпичей, а по результатам раскопок известно их количество, использованное при строительстве того или иного сооружения, то нетрудно высчитать время, необходимое для возведения этого здания.²⁶ А если при раскопках ранних слоев античных городов постоянно находят сырцовые кирпичи (в том числе и в «землянках»), то неизбежен вопрос – зачем было грекам жить в земляных «жилищах», если построить типичный для их культуры дом не составляло большого труда?²⁷ Этот пример можно усилить тем фактом, что с самого начала северочерноморские апойкии имели оборонительные укрепления, на сооружение которых необходимо было изготовить десятки, а часто и сотни тысяч сырцовых кирпичей.²⁸ Это один из самых трудозатратных видов работ. Отсюда закономерно возникает недоумение по поводу неразвитости экономической базы (см. выше), якобы препятствовавшей строительству домов греческого типа.

Один из примеров о соотношении письменного источника и археологии дает Березань. Как известно по сведениям письменной традиции, поселение на этом острове было основано около середины 7 в. до н.э. (647/6 гг.).²⁹ Тем не менее, некоторые специалисты полагают возможным игнорировать данные литературных источников и говорить о том, что Березань была основана на несколько десятилетий позже.

²⁵ Крыжицкий 2012, 29.

²⁶ Кузнецов 2015, 282–284.

²⁷ В одной из «полуземлянок» Березани были обнаружены сырцовые кирпичи. Комментарий автора раскопок: «Из этого следует, что хозяева полуземлянок... были хорошо знакомы с техникой сырцового строительства, однако, по каким-то причинам, не считали нужным возводить более долговременные наземные постройки из сырцового кирпича» (Чистов 2017а, 129).

²⁸ По предварительным подсчетам для сооружения оборонительных укреплений в Фанагории, которые окружали по периметру исторический центр города, потребовалось изготовить многие сотни тысяч сырцовых кирпичей.

²⁹ Виноградов 1989, 35. Здесь же автор, опираясь на статью Л.В. Копейкиной (1982, 31), пишет о находках не только керамики 7 в. до н.э., но и слоя этого времени.

Основанием для такого заключения служит отсутствие, по их мнению, слоя 7 в.³⁰ Напомним в связи с этим слова такого специалиста, как Ю.Г. Виноградов, давшего весьма уместный совет как раз по этому поводу: «Следовало бы не приводить показания древних авторов в согласие с археологией, а, наоборот, проверять, соответствуют ли ее данные сведениям письменных источников».³¹ Другими словами, игнорирование письменного источника совершенно недопустимо. Оно свидетельствует о недостаточном уровне профессионализма исследователя. Объяснение же того факта, что при раскопках Березани не находят слои времени основания поселения, заключается в их крайне плохой сохранности или полном уничтожении. Такое умозаключение подтверждается наличием ранней керамики, восходящей к второй четверти 7 столетия до н.э., которая подтверждает время появления апойкии, известное по письменным источникам.³²

Ситуация с Березанью не уникальна. Аналогии мы можем найти и в других городах, например, в Сибарисе, Кротоне, Метапonte, где наиболее ранние напластования оказались уничтоженными в результате строительных работ более позднего времени.³³

Отказ от использования письменных источников в классической археологии является добровольным и бессмысленным самоограничением при решении проблем материальной культуры античного общества. В конечном итоге оно приводит к созданию оторванных от реальности гипотез. Искусственность в обосновании таких гипотез иногда может доходить до абсурда.³⁴

Если для археологов существует проблема недостаточного знания письменных источников, то для историков нередко характерно лимитированные знания в области материальной культуры и несколько снисходительное отношение к археологии.

Обратимся к таким историкам, решившим внести свою лепту в решение вопроса об архитектуре и урбанистике античных городов Северного Причерноморья. Упомянем вначале некоторых специалистов за пределами России и Украины, на которых гипотеза о «земляночном домостроительстве» оказала влияние. Они восприняли ее как факт, находя объяснение, как обычно, в специфике северочерноморского региона. Среди этих исследователей можно назвать Г. Цецхладзе, Ж.-П. Мореля, П. Дюпона и некоторых других.³⁵ При этом никто из них не привел каких-либо дополнительных аргументов в уже существующее обоснование рассматриваемой гипотезы. Да и вряд ли можно было ожидать этого.

Среди отечественных специалистов на этом поле решил сыграть И.Е. Суриков. Им опубликовано две небольшие статьи на тему «земляночного домостроительства».³⁶ Принимая во внимание, что автор является историком высокого уровня, можно было ожидать профессионального подхода к проблеме. Он предполагает доскональное знание источника и литературы по теме. Что в результате получилось?

После прочтения статьи 2011 г. у читателя возникает странное чувство: ее автор, что называется, с места в карьер начинает дискуссию

³⁰ Solovyov 1999, 3 ff, 29; Соловьев 2005, 13–16; Чистов 2017а, 127. См. статью, в которой автор резко выступает против омоложения даты основания Березани: Мачинский 2011, 408–421.

³¹ Виноградов 1989, 34.

³² См. Буйских 2013, 56–59.

³³ Morgan, Hall 1996, 202–209.

³⁴ «В тех случаях, когда сооружение землянок было невозможно, строились нормальные дома. Только крайняя необходимость могла заставить первопоселенцев строить что-то помимо землянок» (Бутягин 1999, 115). Вряд ли здесь нужны комментарии, поскольку в этом утверждении все поставлено с ног на голову.

³⁵ Tsetskhladze 2004, 225–278; Dupont 2002, 285–299; Hellmann 2010, 35. См. дискуссию А.В. Буйских с участием П. Александреску и П. Дюпона (P. Alexandrescu, P. Dupont): Bujiskikh 2007, 509–510.

³⁶ Суриков 2011, 59–63; 2015, 75–82.

с А.А. Завойкиным, который не посвятил рассматриваемой проблеме специальных работ.³⁷ Этот весьма странный способ обсуждения проблемы приводит к предположению о том, что И.Е. Суриков просто продолжает в печати незаконченную устную дискуссию со своим оппонентом. Не приходится говорить о том, что в статье не приводится и не опровергается на необходимом научном уровне аргументация против «земляночного периода» в истории причерноморских античных городов.

В следующей по времени работе И.Е. Суриков дискутирует уже не только с А.А. Завойкиным, но и оказывает честь, вспоминая и пишущего эти строки. При этом, автор говорит о непримиримости моей точки зрения, но дискуссию – удивительным образом – почему-то ведет опять же с А.А. Завойкиным. Речь в таком случае уже не идет о том, чтобы опровергать именно мои аргументы, представленные в статье, которая противостоит общепринятой гипотезе о так называемых «землянках».³⁸ Какова же доказательная база в этой новой работе?

Она, по сути дела, повторяет уже хорошо известные аргументы: 1) факт нахождения «землянок» в различных городах Северного Причерноморья; 2) объяснение существования заглубленных в грунт «жилищ» кроется в том, что греки «только в третью очередь думали о комфорте частной жизни», поскольку на первом и втором местах стояли общественные здания и оборонительные сооружения³⁹; 3) важнейшую роль играли суровые климатические условия на Понте, которые было невозможно переносить из-за неприспособленности «нормального» греческого дома к длительным холодам; позднее же эллины акклиматизировались и стали сооружать эти самые «нормальные» дома. И как апофеоз – объяснение исключения Фанагории и Кеп (где не найдены «землянки») из общего правила: в этих городах дома строили из бревен!

Вряд ли есть необходимость объяснять прописные истины о греческом домостроительстве и отсутствии у эллинов «деревянного домостроительства».⁴⁰ Как нет смысла говорить не специалисту о том, что профессиональный анализ того или иного сообщения, например, Геродота должен базироваться на языке оригинала древнего автора, а не на основе русского перевода Г.А. Стратановского. Отметим только, что незнание источника (в данном случае археологического) ведет к появлению легковесных и основанных на собственных фантазиях предположений: дело в том, что в Фанагории исследовано значительное количество жилых домов греческого типа, построенных из *сырцовых кирпичей* и датирующихся *временем основания города*.

Теперь аргументы, приведенные выше. В отношении факта нахождения «землянок» в различных городах: повторим, что конструкции, заглубленные в грунт, совершенно не обязательно должны быть жилищами. Эволюция в понимании неоднозначности вопроса о заглубленных в грунт котлованах проявляется, в частности, в том (как уже говорилось), что все чаще археологи пытаются разделить их на жилые и производственные или хозяйственные. Причем критерии такого разделения часто крайне легковесные. Одним из таких критериев для признания «землянки» жилым комплексом является наличие очага или

³⁷ Завойкин 2009, 176–205.

³⁸ Кузнецов 1995.

³⁹ «Греки были людьми в целом не изнеженными ...; они вполне могли при необходимости на протяжении десятилетий мыкаться в условиях, которые нам не показались бы человеческими, – лишь бы с полисом было все в порядке...» (Суриков 2015, 77).

⁴⁰ Приведем для сведения И.Е. Сурикова несколько общих работ, которые помогут расширить кругозор в этом вопросе: Wycherley 1962; Martin 1965; Orlandos 1966–1968; Ginouvès, Martin 1985–1998; Müller-Wiener 1988; Hellmann 2002–2010; Morgan 2010; Malacrino 2010; Senseney 2011.

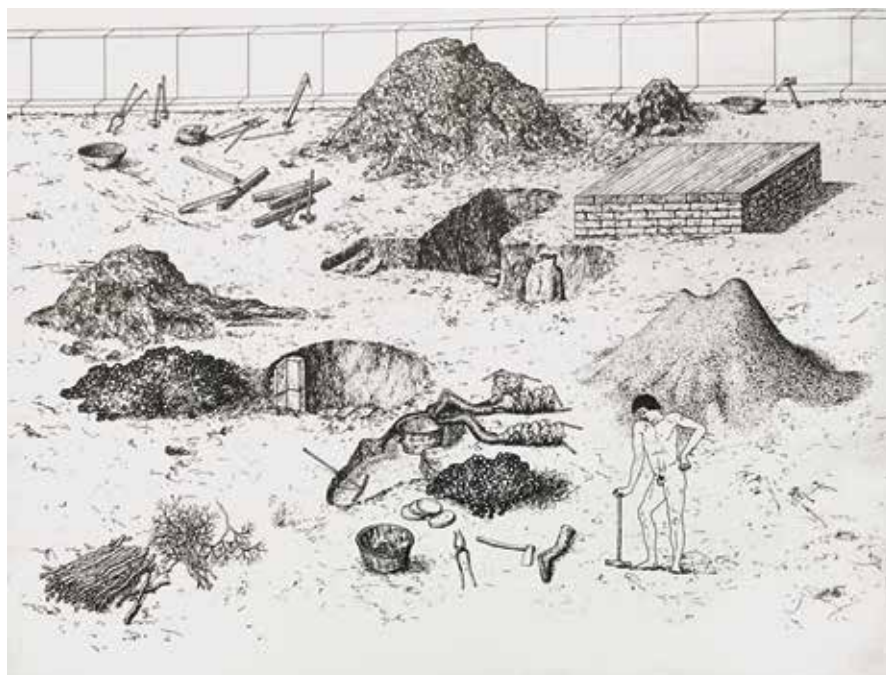

Рис. 5.
Мастерская Фидия в Олимпии
(по: Zimmer 1990, 51, Abb. 16).

печи. Приведем пример: на Березани в одной из «полуземлянок» открыта «глинобитная круглая купольная печь... По всей видимости, печь имела бытовую функцию (разновидность тандыра...) ...».⁴¹

У греков отсутствовали купольные печи для бытовых, в том числе кухонных целей. Тем более у них не было тандыров. Для этого у них использовались открытые очаги⁴², которые, кстати говоря, встречаются отнюдь не часто (речь не идет об очагах-гестиях).⁴³ В данном же случае можно говорить о производственной печи.⁴⁴ Кстати, открытые в различных частях античного мира ремесленные мастерские с печами (по преимуществу связанными с обработкой металлов) представляют собой различного рода углубления в грунте, которые при большом желании можно было бы считать жилыми, если не знать контекста находки.⁴⁵ Приведем, ради примера, известный рисунок, иллюстрирующий вид мастерской Фидия в Олимпии⁴⁶ (рис. 5). Здесь обнаружен котлован с ведущими в него ступенями, который, однако, является не мифической землянкой, но элементом бронзолитейной мастерской.⁴⁷ Что же касается купольных печей-горнов, то напомним, что такой тип хорошо известен (например, в Фанагории для самого раннего времени на сегодняшний день открыто три таких горна).⁴⁸

Таким образом, обнаружение заглубленных в грунт (прежде всего в материк) различных конструкций совершенно не является свидетельством того, что они выполняли роль жилища для эллинов. Всякого рода очаги-печи, полы, обмазки, приступки-«лежанки»⁴⁹ и т.п. не могут служить доказательством жилого назначения этих объектов.

Теперь еще об одном аргументе И.Е. Сурикова – своеобразной любви греков к спартанскому образу жизни. Очевидным является то, что большинство домов архаического времени были довольно скромными, в отличие от зданий общественного назначения.⁵⁰ Достаточно

⁴¹ Чистов 2011, 448.

⁴² Tsakirgis 2007, 226.

⁴³ Jameson 1990, 98.

⁴⁴ Например, см. Ziomecki 1975, 29, 43, 57, 65.

⁴⁵ См. подборку: Sanidas 2013, 42 ff; также см.: Mattush 1988, 228; Zimmer 1990, 117, Abb. 48, Taf. 4, 6–9.

⁴⁶ Zimmer 1990, 51, Abb. 16.

⁴⁷ Подробнее о такого рода ямах: Haynes 1992, 75 ff.

⁴⁸ Кузнецов, Завойкин 2010, 256–267.

⁴⁹ Удивительно, что, когда говорят о так называемых «лежанках», которые представляют собой небольшие приступки в грунте, никому не приходит в голову простая мысль о том, что такая своеобразная ступенька немедленно разрушится, если на нее встать ногами или, тем более, лечь. Хотя, если полежать на ней лет 70–80, то будет уже все равно.

⁵⁰ Hansen, Fischer-Hansen 1994, 84.

вспомнить для сравнения грандиозные храмы Великой Греции, построенные в 6 в. до н.э. Но именно такие непритязательные дома, характерные для начального этапа жизни апойкии, и находят при раскопках в различных частях ойкумены. В той же Фанагории встречаются жилища, построенные из сырцовых кирпичей (и даже на каменном фундаменте), имеющие площадь не более 10–15 кв. м. Это и есть те самые скромные частные дома, так контрастирующие с общественными зданиями. Однако не следует изображать эллинов полными дикарями, которые, если верить И.Е. Сурикову, чуть ли не целенаправленно стремились к нищенскому существованию, специально создавая себе как можно больше неудобств. Так и хочется представить себе, например, Сапфо, которая в тусклом свете лучины (то бишь лампы), освещавшей ее, видимо, убогое жилище, писала:

«Я же члены усталые
Расправлю на мягких подушках...»
Или:
«И как нежной рукой своей
Близ меня с ложа мягкого
За напитком ты сладким тянулася...»
(Fr. 46; 94.21, Campbell; пер. В.В. Вересаева).⁵¹

Если бы эти поэты «мыкались» в нечеловеческих условиях, без мягких подушек и удобного ложа, тот вряд ли у них была бы возможность написать эти строки – вся жизнь уходила бы на борьбу за существование. Говоря о скромном характере домов архаического времени, нужно понимать, что не все эти дома должны были представлять собой убогие хибары. Раскопки на некоторых поселениях Северного Причерноморья показывают, что в рассматриваемое время существовали и такие жилые дома, площадь которых достигала двух и более сотен метров.⁵² Другими словами, размеры дома и уровень комфорта в нем зависели от уровня благосостояния его хозяина.⁵³ Мысль совершенно естественная и доказывается всей историей человечества.

Итак, наши знания о жилых домах древней Греции происходят из двух источников – данных археологии (включая сведения о всех сторонах материальной культуры) и письменной традиции. При этом в отношении периода архаики последний источник практически является исключением. Для этого времени у нас имеются редкие сведения о домах богатых людей. Но даже если мы говорим о классическом периоде, гораздо лучше представленном обеими категориями данных, то ситуация выглядит немногим лучше⁵⁴, за исключением Афин: сведения нарративных источников в значительной степени происходят именно из этого города и отражают жизнь именно этого весьма специфического (по отношению к другим городам) полиса.⁵⁵ Что же касается данных археологии, то они крайне отрывочны, «разорваны» во времени и пространстве. Тем не менее можно говорить об отсутствии единого

⁵¹ Для более реалистичного понимания условий жизни в Греции можно обратить внимание на стихи и других поэтов архаического времени (выборка совершенно произвольная, всего лишь для примера):

Гиппонакт (6 в. до н.э.): «... Привольно жил когда-то он, тучнел в неге, | Из тонких рыб ел разносолы день целый; | Как евнух, откормился, как каплун жирный...» (Голосовкер 2006, 31; перевод Вяч. Иванова);

Феогид (6 в. до н.э.): «Мне бы хотелось в богатстве, вдали от забот неприятных | Жить, не печалась в душе, всякие беды забыв» (Голосовкер 2006, 84; перевод В. Вересаева); «Если же спросят тебя, хорошо ли живу, то скажи им: | Плохо – с богатым сравнить, с бедным сравнить – хорошо» (Голосовкер 2006, 87; перевод С. Апта).

⁵² Solovyov 1999, 70; Чистов 2017b, 25. В материковой Греции архаического времени переход к многоквартирным домам приходится на 7 в. до н.э. (Lang 2005, 14–19, 31, 32; Nevett 2010, 39).

⁵³ См. Lang 2005, 12. Изображения домов на вазах архаического времени показывают вполне добротные жилища (Jacket-Rimassa 2002, 117–122).

⁵⁴ Об эпиграфических источниках по вопросу см. Hellmann 1994, 131–146.

⁵⁵ Morgan 2010, 7. См. Brock, Hodkinson 2005, 1–31. Не случайно в книге Э. Козна «Афинская нация» одна из глав носит название «Anomalous Athens» (Cohen 2000, 11–48).

типа греческого дома, характерном для всех регионов античного мира данного времени. Кроме того, помимо жилого дома семьи полноправного гражданина (каким бы этот дом ни был) существовали и другие типы жилья, в которых жили, например, метеки и гости города.⁵⁶

В результате мы получаем две картины: одна нарисована историками, опирающимися на письменную традицию, другая – археологами, которые исследуют материальные остатки домов. К сожалению, соединить обе картины в одну крайне трудно. Приведу пример. Из литературных источников (в частности, аттических ораторов) известно, что греческий дом состоял из двух частей – женской и мужской половин. Однако раскопки, даже масштабные и в таком археологически неплохо сохранившемся городе, как Олинф, не дают возможности выделить их на плане, а часто и определить функциональное назначение комнат в доме. Или другой пример: в соответствии с письменными источниками афинского происхождения, очаг является важнейшим компонентом религиозной жизни домохозяйства. Однако при раскопках домов в Афинах найден только один такой очаг.⁵⁷

Все сказанное выше показывает, насколько сложен вопрос о греческом жилище архаического времени. Он усугубляется тем, что наиболее ранние слои существования того или иного города трудно достижимы и, как правило, имеют крайне плохую сохранность. Это создает почву для возникновения различного рода плохо обоснованных интерпретаций урбанистического облика вновь основанных апоекий. Со временем они утверждаются в качестве общепринятых точек зрения, как это произошло с так называемым «земляночным домостроительством».

Следующее объяснение такого домостроительства – суровый климат – также не ново.⁵⁸ Его часто используют для обоснования заглупленности первых жилищ. Однако одним из лучших строительных материалов является сырцовый кирпич: дом, построенный из него, зимой очень хорошо держит тепло, а летом – прохладу.⁵⁹ Кроме того, этот материал легко изготовить, и он очень пластичен. Объяснение же перехода от «землянок» к «нормальным» домам, которое И.Е. Суриков видит в «постепенной акклиматизации» греков, напоминает некую игру, в которой необходимо найти объяснение причин того, что задано в исходном условии. Дано: *греки жили в землянках*; задача: *найти объяснение этому явлению*. Результат поисков, скорее похожих на гадания: *причиной могли быть либо климат, либо неразвитость материальной базы, либо невысокий уровень экономики, либо все вместе*. Понятно при этом, что акклиматизация обязательно должна быть «постепенной» по причине неспособности греков к «длительным холодам»⁶⁰ и совпадать как раз с периодом существования «землянок».⁶¹ Холода, в свою очередь, обязательно должны быть длительными, иначе будет подорвано основание под открытым И.Е. Суриковым законом уже генетического характера – приспособиться к ним может только следующее за первопоселенцами поколение, т.е. их дети.⁶² Они и начинают уже жить как настоящие эллины, в «нормальных» домах, и желательное – на удивление всему эллинскому миру – в «бревенчатых срубных постройках».⁶³

⁵⁶ См. Nevett 1999, 4 ff.

⁵⁷ Morgan 2010, 9.

⁵⁸ Виноградов 2000, 231.

⁵⁹ Robinson, Graham 1938, 229 note 26.

⁶⁰ Курсив И.Е. Сурикова (2015, 78).

⁶¹ По поводу теплого климата зимой в Греции (конкретно на Лесбосе) вспомним Алкея:

«Дождит отец-Зевс с неба ненастного,
И ветер дует стужей Севера;
И стынут струйки дождевые,
И замерзают ручьи под выюгой.
Как быть зимой нам?

(κάβαλλε τὸν χεῖμα): «долой ненастье!»)

Слушай: огонь зажги

Да не жалея, в кубки глубокие

Лей хмель отрадней, да теплее

По уши в мягкую шерсть укройся»

(Fr. 338, Campbell; перевод Вяч. Иванова).

⁶² К счастью, этот закон остается неизвестным, например, для африканских студентов, проводящих зимы в Москве и других не самых теплых в отношении климата городах.

⁶³ Суриков 2015, 79.

Подводя итоги, отметим, что И.Е. Суриковым нарушен основной принцип работы историка – знание источника (в данном случае археологического) и литературы по вопросу (специально – по данному, а также общей – по древнегреческой архитектуре, строительным приемам и материалам и т.д.). Немаловажный вопрос состоит в том, почему профессиональный историк, позволил себе опуститься на уровень дилетанта? Складывается впечатление, что он внутренне убежден в том, что археология является не совсем полноценной наукой, что в ней можно игнорировать основные правила работы исследователя. Археология – это нечто второразрядное по сравнению с историей, а историк по определению выше археолога, *a priori* глубже знает предмет – античную цивилизацию. Археология – это своеобразный умственный отдых после тяжелого труда историка. Поэтому сложные для археологов вопросы историк решает быстро и легко. «Поселить» греков далекого Понта в «землянки» или в бревенчатые избы – это совершенно не значит наносить ущерб имиджу, например, Солона или аттических ораторов, а в целом – имиджу древнегреческой цивилизации: творчество упомянутых знаковых для древней Эллады личностей требует по-настоящему научного исследования. Другое дело Понт: он не просто далеко от Афин – это окраина, где возможны самые невероятные вещи.

У такого отношения к причерноморской археологии не может не быть гносеологических корней. И они, конечно, имеются. Попробуем их определить. Начать необходимо, как мне представляется, издавна. После большевистского переворота 1917 г. русская археологическая наука шаг за шагом стала отдаляться от науки мировой. Идеологические шоры сопровождалась ограничением и иногда почти полным прекращением научных связей с другими странами. Одним из следствий такого положения дел стало заметное сокращение потока научной литературы из-за границы. Со временем произошел почти полный разрыв рабочих связей с иностранными учеными. Советские историки и археологи стали «вариться в собственном соке». Не забудем и период «борьбы с космополитизмом», когда все иностранное, в том числе в науке, подвергалось преследованию.⁶⁴ В этих условиях не могла не появиться тенденция к замыканию, провинциализации классической археологии и антиковедения в целом.⁶⁵ С учетом отсутствия необходимой научной литературы, а также и проблем со знанием древних и современных иностранных языков (особенно после закрытия классических гимназий) можно говорить о значительном уровне изоляции этой отрасли советской археологической науки. Стало складываться мнение о том, что античная археология Северного Причерноморья имеет свою глубокую специфику по сравнению со средиземноморской. Для изучения «своей» античности нет специальной необходимости хорошо знать все, что находится за ее пределами. Следствием стало появление различного рода специфических гипотез и теорий, как, например, о греко-варварском характере Боспорского государства, что породило в свою очередь термин «боспорский феномен».⁶⁶ В этом же ряду находится и гипотеза о «земляночном периоде» в истории северопричерноморских городов.

⁶⁴ Когда я был студентом университета, будучи в гостях у В.Д. Блаватского (1976 г.), задал ему вопрос: почему в его книге «История античной расписной керамики», вышедшей из печати в 1953 г., так мало использовано иностранной литературы (57 отечественных против 16 иностранных изданий). Мне было сказано, что в соответствии с господствующей установкой книги иностранных ученых не должны были превалировать по количеству над советскими изданиями.

⁶⁵ Добавим к этому, что по некоторым подсчетам «75–80% статей по античной истории, археологии и классической филологии были написаны московскими и ленинградскими учеными» (Карпук, Кулишова 2015, 215). Это означает не только то, что в Москве и Ленинграде были сосредоточены основные научные силы, но и также лучшие библиотеки. При этом комплекция этих библиотек, их количество, а также удобство в пользовании ими были далеко не на самом высоком уровне.

⁶⁶ По поводу выражения «боспорский феномен» не могу не привести справедливые слова И.Е. Сурикова: «... обычно под «феноменальностью» Боспора подразумевают нечто иное: используют эту категорию в качестве своего рода «палочки-выручалочки». Предполагается, что Боспор не следовал общим закономерностям современного ему античного мира, что он шел своим «особым путем», что в этой области многое, если не все, было беспрецедентным» (Суриков 2014, 78).

Безусловно, ситуация с нашей наукой не всегда была одинаково негативной. Многие ученые стремились не отрываться от общемировой науки, всевозможными путями «добывать» необходимую для работы литературу.⁶⁷ В результате этого появлялись издания, которые вошли в золотой фонд науки.⁶⁸ Однако все же ее общий средний уровень оставался недостаточно высоким.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась: доступ к иностранной научной литературе перестал быть проблемой (не в последнюю очередь благодаря интернету), российские специалисты имеют возможность без ограничений посещать различные научные центры, участвовать в международных конференциях, свободно общаясь с коллегами из разных стран. Это приносит свои плоды, поднимая общий уровень нашей науки. Однако груз прошлого иногда проявляет себя в застывших во времени необоснованных гипотезах.

Интерпретация археологических материалов является делом отнюдь не простым – она многовариантна и зависит от многих факторов. Среди них ключевое место занимает археолог, исследователь этого материала. Для адекватной реконструкции полученных в результате раскопок данных такой исследователь должен обладать глубокими знаниями не только в области материальной культуры, но и в собственно истории данного общества, в письменной традиции и эпиграфике, религии, военном деле – во всех важнейших сферах жизни античной цивилизации. Не последнюю роль в расширении кругозора специалиста играет возможность быть в курсе современной научной литературы на основных европейских языках. В противном случае мы обречены на создание гипотез, оторванных от реалий античного общества.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть простую в сущности мысль: древнегреческие апойкии северочерноморского региона в принципиальном плане ничем не отличались от прочих городов, основанных в различных частях эллинской ойкумены в процессе греческой колонизации архаического периода. Очевидно, что на берегах Понта вновь основанные поселения не были очень богатыми по сравнению, например, с городами Великой Греции. Однако это совершенно не означает, что они жили по каким-то другим принципам и законам, поскольку речь идет об одной цивилизации, о едином культурном пространстве, в том числе в области материальной культуры. Неравномерность в развитии, которая была следствием различных обстоятельств (разница во времени основания, географические условия, близость к природным ресурсам, прогресс в экономике, «варварское» соседство и т.д.), естественно, сказывалась на общем, в том числе и архитектурном облике городов в различных частях античного мира. Однако высота, которой достигла эллинская цивилизация в целом, давала возможность ее представителям независимо от места жительства воплощать достижения этой культуры в материальной сфере, одной из которых было и домостроительство. Безусловно, греческие переселенцы с самого начального периода жизни в северопонтийском регионе жили в типичных для своего времени наземных домах, продолжая традиции своей исторической родины.

⁶⁷ Вспомню опять же В.Д. Блаватского, который рассказывал мне, что в ответ на серию «Excavations at Olynthus» он послал своему американскому коллеге «кубометры советских книг».

⁶⁸ Приведу в качестве примера книгу Н.И. Сокольского «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья» (Москва, 1972). Это очень важное, выполненное на высоком уровне исследование, в котором автор стремился не только использовать, насколько возможно максимально, иностранную литературу, но также и нарративные и эпиграфические источники.

ЛИТЕРАТУРА

- Буйских А.В. 2004. О керамических комплексах VI в. до н.э. из Ольвии, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы* (Боспорские чтения V), Керчь, 36–42.
- Буйских А.В. 2013. Самый ранний черепок: «бабушкин сервиз» или «год рождения» апойкии, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV), Керчь, 56–59.
- Бутягин А.М. 1999. Особенности домостроительства архаического Боспора, in: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург, 112–116.
- Вахтина М.Ю. 2003. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья* (Боспорские чтения IV), Керчь, 45–50.
- Вахтина М.Ю. 2009. Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор, *БИ* 22, 91–108.
- Виноградов Ю.А. 1995. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского, *ВДИ* 3, 152–160.
- Виноградов Ю.А. 2000. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского, in: *ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю.В. Андреева*. Санкт-Петербург, 227–232.
- Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование*. Москва.
- Голосовкер Я.Э. 2006. *Лирика Эллады. Книга вторая* (Антология античной лирики в русских переводах). Томск–Москва.
- Завойкин А.А. 2009. О «больших» и «малых» боспорских городах, *ДБ* 13, 176–205.
- Завойкин А.А. 2015. Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум* (Боспорские чтения XVI), Керчь, 121–129.
- Зинько В.Н. 2006. Хора полисов Боспора и кризисные ситуации VI–V вв. до н.э., *БИ* XI, 3–28.
- Зинько В.Н. 2013. Архаическая Тиритака на Боспоре Киммерийском, in: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, 132–141.
- Зинько В.Н. 2014. *Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э.* (БИ Suppl. 11). Симферополь–Керчь.
- Зинько В.Н. 2016. Архаическая Тиритака в исследованиях В.Ф. Гайдукевича и настоящего времени, in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Исследователи и исследования* (Боспорские чтения XVII), Керчь, 177–184.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. *Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории* (БИ XII). Симферополь–Керчь.
- Карпюк С.Г., Кулишова О.В. 2016. Хью Грэхем, «Индианский эксперимент» и советское антиковедение 50–60-х годов, *ВДИ* 3, 209–217.
- Копейкина Л.В. 1982. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о. Березань и ее значение для изучения раннего периода существования поселения, in: *Художественные изделия античных мастеров*. Ленинград, 6–35.
- Крыжицкий С.Д. 1993. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 2012. *Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях* (МАИЭТ Suppl. 11). Симферополь–Керчь.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. *Сельская округа Ольвии*. Киев.
- Кузнецов В.Д. 1995. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье, *БС* 6, 99–126.
- Кузнецов В.Д. 2013. Заметки по греческой колонизации, in: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, 127–131.
- Кузнецов В.Д. 2015. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории), *ПИФК* 1, 301–313.
- Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. 2010. О мастерских фанагорийских ювелиров второй

- половины VI в. до н.э., in: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы* (Боспорские чтения XI). Керчь, 256–267.
- Мачинский Д.А. 2011. Время основания поселения Борисфен на острове Березань и древнейшие этапы освоения эллинами северных берегов Понта, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 408–421.
- Соловьев С.Л. 2005. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье, in: *Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье* (Каталог выставки). Санкт-Петербург, 6–24.
- Суриков И.Е. 2011. Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинских традиций?, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 59–63.
- Суриков И.Е. 2014. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады»), in: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства* (Древнейшие государства Восточной Европы, 2012 год). Москва, 76–122.
- Суриков И.Е. 2015. Еще раз о «земляночном периоде» в ранней истории греческих колоний Северопричерноморского региона, in: *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности*. Москва, 75–82.
- Толстиков В.П. 2001. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований, *ДБ* 4, 385–426.
- Толстиков В.П. 2017. О времени основания и архитектурной среде раннего Пантикапея по материалам новейших раскопок, in: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ LXXXVIII). Санкт-Петербург, 259–269.
- Финогенова С.И. 1999. Стратиграфия античных слоев Таманского городища, in: *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург, 157–161.
- Чистов Д.Е. 2011. Новые исследования в восточной части Березанского поселения: хозяйственно-промысловая зона середины – второй половины VI в. до н.э.?, in: *Боспорский феномен: население, языки, контакты*. Санкт-Петербург, 445–455.
- Чистов Д.Е. 2013. Тип «Дома колониста» в Северном Причерноморье архаического периода, in: *Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке*. Санкт-Петербург, 592–606.
- Чистов Д.Е. 2017а. Землянки архаической Березани, in: *Північне Причорномор'я за античної доби*. Київ, 127–143.
- Чистов Д.Е. 2017b. Северо-восточный район Березанского поселения (Основные итоги исследований экспедиции Государственного Эрмитажа на участке «О–Западный» в 1998–2012 годах), in: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ LXXXVIII). Санкт-Петербург, 7–30.
- Brock R., Hodkinson S. 2005. Introduction: Alternatives to the Democratic Athens, in: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens. Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 1–31.
- Bujiskih A. 2007. The Earliest East Greek Pottery from Olbia Pontica, in: J. Cobet, V. von Graeve, W.-D. Niemeier, K. Zimmermann (Hrsg.), *Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme*. Mainz am Rhein, 499–510.
- Dupont P. 2002. L'habitat grec du Pont-Euxin: Quelques pierre d'achoppement, in: *Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.)* (Pallas 58). Toulouse, 285–299.
- Ginouvès R., Martin R. 1985–1998. *Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine*. I–III. Rome.
- Cohen E.E. 2000. *The Athenian Nation*. Princeton.
- Hansen M.H., Fischer-Hansen T. 1994. Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis. Evidence and Historical Significance, in: D. Whitehead (ed.), *From Political Architecture to Stephanus Byzantius. Sources for the Ancient Greek Polis* (Historia Einzelschriften 87). Stuttgart, 23–90.
- Haynes D. 1992. *The Technique of Greek Bronze Statuary*. Mainz am Rhein.
- Hellmann M.-Ch. 1986. À propos du vocabulaire architectural dans les inscriptions déliennes: les parties des portes, *BCH* 110, 237–247.
- Hellmann M.-Ch. 1994. La maison grecque: les sources épigraphiques, *Topoi* 4/1, 131–146.

- Hellmann M.-Ch. 2002–2010. *L'architecture grecque* (Vol. 1. *Les principes de la construction*, 2002; Vol. 2. *Architecture religieuse et funéraire*, 2006; Vol. 3. *Habitat, urbanisme et fortifications*, 2010). Paris.
- Jacket-Rimassa P. 2002. Un essai de mise au point: La représentation de l'habitat et de l'architecture dans l'imagerie archaïque, in: *Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.)* (Pallas 58). Toulouse, 117–145.
- Jameson M.H. 1990. Domestic Space in the Greek City-State, in: S. Kent (ed.), *Domestic Architecture and the Use of Space. An Interdisciplinary Cross-cultural Study*. Cambridge, 92–113.
- Lang F. 2005. Structural Change in Archaic Greek Housing, in: B.A. Ault, L.C. Nevett (eds.), *Ancient Greek Houses and Households. Chronological, Regional, and Social Diversity*. Philadelphia, 12–35.
- Malacrino C.G. 2010. *Constructing the Ancient World. Architectural Techniques of the Greeks and Romans*. Los Angeles.
- Martin R. 1965. *Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques*. Paris.
- Mattush C.C. 1988. *Greek Bronze Statuary from the Beginning Through the Fifth Century B.C.* Ithaca–London.
- Morgan C., Hall J. 1996. Achaian Poleis and Achaian Colonisation, in: M.H. Hansen (ed.), *Introduction to an Inventory of Poleis* (Acts of the Copenhagen Polis Centre 3). Copenhagen, 164–232.
- Morgan J. 2010. *The Classical Greek House*. Bristol.
- Morris I. 2002. Archaeology and Archaic Greek History, in: N. Fisher, H. van Wees (eds.), *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence*. London, 1–91.
- Müller-Wiener W. 1988. *Griechische Bauwesen in der Antike*. München.
- Nevett L.C. 1999. *House and Society in the Ancient Greek World*. Cambridge.
- Nevett L.C. 2010. *Domestic Space in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Orlandos A.K. 1966–1968. *Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs*. I–II. Paris.
- Robinson D.M., Graham J.W. 1938. *The Hellenic House* (Excavations at Olynthus VIII). Baltimore.
- Sanidas G.M. 2013. *La production artisanale en Grèce. Une approche spatiale et topographique à partir des exemple de l'Attique et du Péloponnèse du VIIe au Ier siècle avant J.-C.* Lille.
- Senseney J.R. 2011. *The Art of Building in the Classical World. Vision, Craftsmanship, and Linear Perspective in Greek and Roman Architecture*. Cambridge.
- Solovoyov S.L. 1999. *Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea* (Colloquia Pontica 4). Leiden–Boston–Köln.
- Tsakirgis B. 2007. Fire and Smoke: Hearth, Braziers and Chimneys in the Greek House, in: R. Westgate, N. Fisher, J. Whitley (eds.), *Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond*. London, 225–231.
- Tsetskhladze G.R. 2004. On the Earliest Greek Colonial Architecture in the Pontus, in: C.J. Tuplin (ed.), *Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology*. Leiden–Boston, 225–278.
- Wycheley R.E. 1962. *How the Greeks Built Cities. The Relationship of Architecture and Town Planning to Everyday Life in Ancient Greece*. New York.
- Zimmer G. 1990. *Griechische Bronzegusswerkstätten. Zur Technologieentwicklung eines antiken Kunsthandwerkes*. Mainz am Rhein.
- Ziomecki J. 1975. *Les représentations d'artisans sur les vases attiques*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.

Н.А. ПАВЛИЧЕНКО

АСТРАГАЛ С ИМЕНЕМ КАЛЛИГЕНА ИЗ ФАНАГОРИИ

В 1999 г. в Фанагории (раскоп «Верхний город») был найден астрагал без следов дополнительной обработки с хорошо читаемым трехстрочным граффито *Καλλιγένης | τριβά | ς*. Оно процарапано на той стороне астрагала, которую греки называли *πρᾶνής* (рис. 1).¹ Длина астрагала – 6,4 см; ширина – 4,4 см; толщина – 3,5 см, высота букв – 0,4–0,8 см. Палеографические особенности в целом позволяют датировать это граффито в пределах второй половины 4–3 в. до н.э.

Астрагалы относятся к часто встречающимся находкам на античных поселениях и некрополях всего античного мира. Сфера их применения была довольно широка: их использовали в разнообразных играх², в мантике и в качестве своего рода амулета-апоτροпея.³ Кроме того, их могли использовать и для более экзотических целей, например, для передачи тайных сообщений в осажденный город (Aen. Tact. 31. 17–19). Это нашло подтверждение как в нарративных источниках, так и в предметах декоративно-прикладного искусства – в скульптуре, в терракотах, в живописи, а также в многочисленных находках собственно астрагалов (бабок), т.е. путовых костей мелкого рогатого скота и их имитаций из стекла, слоновой кости и металла (RE s.v. Ἀστράγαλος; Daremberg–Sagliot s.v. *Talus*). Их можно было увидеть в руках представителей самых разных социальных и возрастных групп: Тиберий вопрошает о будущем, бросая в воду золотые астрагалы (Suet. III. 14, 3), а маленький мальчик в святилище Асклепия в Эпидавре предлагает богу в качестве платы за лечение свое самое ценное имущество – десять астрагалов (IG IV 1², 121₇₀).

Находки одиночных астрагалов или наборов астрагалов известны и для большинства боспорских городов, в том числе для Фанагории.⁴

DOI:10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-249-0.136-141

¹ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ФМ-КП-10/13 А1512, ГК 9180326. Автор выражает искреннюю признательность руководителю Фанагорийской экспедиции ИА РАН В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать этот астрагал. В его первой публикации (Пантикапей и Фанагория 2017, 385–386, № 344в) по техническим причинам было допущено искажение авторского текста.

² Например, их могли использовать для таких игр как *πεντέλιθα* (Paus. VI. 24, 6; Poll. IX. 126; LIMC s.v. Arne, nos. 613,

614), *ᾠμίλλα* и *τρόπα* (Poll. Onom. 102, 103) и *ἀρτιάσμος* (Pl. Ly. 206 e 7; Poll. Onom. IX. 101 или же в качестве игральные кости, *κύβοι*, как следует из рассказа Афиней о родосце Гегесилохе (Athen. Deipn. 10. 63) или речи Эсхина «Против Тимарха» (Aeschin. I. 59). См. также: Fouquieres 1869, 51–54, 284–289; Schädler 1996, 61–73; Beaumont 2012, 131–132.

³ Gilmour 1997, 169–173; Carè 2011, 87–93.

⁴ Блаватская 1959, 69–71; Сударев 2010, 457. По мнению Т.В. Блаватской,

термин *κυβεία* (этой игре, по словам Энея Тактика, посвящали все свое свободное время некоторые воины Левкона (Aen. Tact. 5. 2)), означал не только игру в кости, но и игры с использованием астрагалов (Блаватская 1959, 69). И, конечно, различные игры с ними могли подразумеваться под упомянутые там же *ἄλλαι ἀκολασίαι*. Следует отметить и серебряный формиск из Зеленского кургана (Трейстер 2010, 548), который, вероятно, служил вместилищем для астрагалов (ср. Plato. Lys. 206 e 7; Neils 1992, 225, 230, 231).

Рис. 1.
Астрагал с граффито

Надписи на астрагалах сравнительно редки. В подавляющем большинстве случаев – это буквы греческого алфавита и схематические изображения⁵, имена богов и героев⁶, возможно, личные имена, глагольные формы⁷ и отдельные слова не всегда ясного значения.⁸

⁵ Афины (Foster 1984, 79, Pl. 20 f; SEG 50. 132 – 1-я четв. 5 в. до н.э.); Корикийская пещера на Парнасе (Amandry 1984, 371–372, 6–3 вв. до н.э.); некрополь Мирины (Pottier, Reinach, Veyries 1887, 217); Крымский п-ов (Стефани 1870, 122–123); Пантикапей (Петерс 1986, 83, 6–5 вв. до н.э.); городище у с. Михайловка (Петерс 1986, 83, первые века н.э.).

⁶ 1) Ἡρακ(---), Ἡρα(---), Ἡρ(---), Ἀχιλ(---), Ἀχ(---), Ἀχιλλεύς, Αἴας, Αἴα(---), Αἰ(---) (4 экз.), [---]ΙΞ, Νύξ, Θέτις, Νικά(---), Εκ(---), [Κ]όρα, Καπ(---), Κα(---), Πε(---) (2 экз.), Νε(---), Κοι(---), Λε(---), Λυ(---), Απ(---), Εἰ(---), Θανσ(---), Δα(---) (2 экз.), Ἀβροκε(---) (теонимы и личные имена (?) в полной и сокращенной форме на 32 астрагалах, Корикийская пещера на Парнасе, 6–3 вв. до н.э.: Amandry 1984, 370, 371);

(2) Ἐρως, Ζεύς (Делос: Deonna 1938, 333–334 nos. 4448, 5656, fig. 420, pl. XCIII. 824); Νικ(---) (Делос: Bovon 1970, 233 no. C 301);

(3) Τελ(---) (Амфисса, 4 в. до н.э.:

Amandry 1984, 375, fig. 42 c);

(4) Νίκη, Νί(---), Ἐρμῆς (Гордион, 2-я пол. 3 – 1-я четв. 2 в. до н.э.: Young 1962, 154; Roller 1987, 113, nos. 10, 11; 119 no. 25). Янг упоминает также два астрагала с процарапанными именами Ахилла и Гектора из раскопок предшествующих лет (Young 1962);

(5) Ἐρμῆς (Галилея, конец 3 – нач. 2 в. до н.э.: Last 2000, 248; Bar-Oz 2002, 211);

(6) Νίκη (4 экз.), Ἀφροδίτη, Ἡρα, Ἐρως (Мареша (Галилея), 3–2 вв. до н.э.: Korzakova 2010, 155–157);

(7) Ἐρμῆς (Пантикапей, не позднее 2 в. н.э.: Блаватская 1959, 78–80, Пантикапей и Фанагория 2017, 385, рис. 344а);

(8) Νίκη с неясными буквами во второй строке (Кара-Тобе, 2-я пол. 2 в. до н.э.: Шапцов 2012, 109). Шапцов читает первую строку как νίκη;

(9) Ἐρως | Αἴας на одной стороне и Κρε[---] – на другой (Крымский п-ов: Стефани 1870, 122–123).

⁷ ἀρπαξ[α] из Марешы (Korzakova 2010, 155) и τυπτ(ε) на астрагале из Ольвии (Яйленко 1980, 93 № 100).

⁸ (1) Κτησ(---) (Афрасиаб (Согдиана),

эллинистическое время: SEG 44, 1303); (2) Σάμου (астрагал неясного происхождения из коллекции Упсальского университета, ок. 500 г. до н.э. (имя владельца, или неизвестное нам название броска): SEG. 43. 1198);

(3) Σκίρτος (Пантикапей, 1 в. до н.э. (?): Пантикапей и Фанагория 2017, 385–386, рис. 344б). Издатель полагает, что это может быть личным именем или «шутливым прозвищем» астрагала;

(4) ἄλωνοι (Тира, 1–2 вв. н.э.: SEG 45. 1026). Н. Сон упоминает еще один астрагал из Тире с неясным двухстрочным граффито (имя собственное?) (Сон 2011, 302, рис. 6. 1);

(5) ἐορτή (некрополь Мирины, 3 в. до н.э. – 1 в. н.э.: Pottier, Reinach, Veyries 1887, 217–218);

(6) Неопубликованный астрагал из Нимфея с двухстрочным граффито (Н. 13, 444); автор выражает искреннюю признательность руководителю Нимфейской экспедиции Гос. Эрмитажа О.Ю. Соколовой за разрешение упомянуть этот астрагал.

Личные имена, вероятно, являются владельческими метками, имена же богов труднее поддаются интерпретации. По справедливому замечанию П. Амандри, уверенно говорить о том, что астрагалы с именами божеств служили в качестве *ex-voto*, можно только тогда, когда эти имена стоят генитиве или дативе.⁹ Астрагалы с номинативами теонимов, так же, как и те, на которых были процарапаны только отдельные буквы или знаки, были частью игральных наборов. Опиленные экземпляры, безусловно, было удобно использовать в качестве шашек¹⁰, возможно, что иногда в такой же функции выступали и необработанные астрагалы.

Кроме того, их часто использовали в клеромантии.¹¹ Например, они применялись в гаданиях, аналогичных описанному Павсанием оракулу Геракла Бураика в Ахайе (Paus. VII. 25, 4–10): «...гадание происходит при помощи таблички и астрагалов. Тот, кто обращается к богу за предсказанием, молится перед его статуей. После же молитвы гадающий берет четыре астрагала – множество их лежит возле статуи Геракла – и бросает их на стол. Для всякого знака на астрагале имеется надлежащее толкование на табличке (ἐπὶ δὲ παντὶ ἀστρογάλου σχήματι γεγραμμένα ἐν πίνακι ἐπίτηδες ἐξήγησιν ἔχει τοῦ σχήματος)» (перевод автора).¹²

Точно так же как астрагалы с граффити в виде отдельных букв или знаков, применялись в мантике и астрагалы с именами божеств в номинативе. Это подтверждается присутствием последних в одном из святилищ, где прорицание осуществлялось с помощью астрагалов – в посвященной Нимфам и Пану Корикийской пещере на Парнасе.¹³

Таким образом, фанагорийское граффито – Καλλιγένης τριβάς (Каллиген трибада) – нельзя отнести к числу стандартных надписей

⁹ В качестве примера Амандри приводит два неопубликованных на тот момент астрагала с дативами имен Сараписа и Матери богов из раскопок афинской агоры – Amandry 1984, 376, no. 61. Примечательно, что в посвященной Нимфам и Пану Корикийской пещере, где было найдено около 20 тысяч астрагалов, отсутствуют астрагалы с их именами (Amandry 1984, 377).

¹⁰ См. надписи в номинативе на опиленных астрагалах, использовавшихся в качестве шашек: Ἐρμῆς (Пантикапей, не позднее 2 в. н.э.: Блаватская 1959, 78–80) и ἑορτή (некрополь Мирины, 3 в. до н.э. – 1 в. н.э.: Pottier, Reinach, Veyries 1887, 217–218).

¹¹ RE s.v. Astragalomanteia; Halliday 1913, 212–216; Graf 2005, 60–66; Bundrick 2017, 54–57. П. Амандри, Дж. Ларсон и Ш. Бандрик приводят список святилищ, датирующихся с 6 в. до н.э., в которых для прорицаний использовались

астрагалы (Amandry 1984, 376 no. 60; Larson 1995, 347–351; Bundrick 2017, 56).

¹² Похожим образом могло осуществляться гадание при помощи γνῶμοι μονόστιχοι (IK Kibyra 97, TAM II. 947; обе надписи первых веков н.э.), когда каждая из строк оракула начиналась с определенной буквы алфавита. Выбиралась одна из букв, и гадающий получал ответ на свой вопрос, соотнося букву на астрагале с соответствующей буквой в надписи. Ср. происходящий из Никония набор из 10 зубов коровы с процарапанными литерами (Α, Δ, Θ, Ι, Λ, Ν, Ο, Π, Σ, Τ, Ω), найденный в лепном горшке с двумя отверстиями под венчиком (5 в. до н.э., Черняков, Лежух 2008, 41–44). Авторы публикации считают, что это игровой набор.

¹³ Amandry 1984, 377 no. 64; Larson 1995, 347–351.

¹⁴ Астрагалы и мячи относились к самым распространенным детским игруш-

кам (см., например: Arist. Vesp. 291–296; Plato. Lys. 206 e 7; Anth. Palat. VI. 309, XII. 44; Luc. Dial. De. IV. 3, V. 2; Plut. Alcibiad. 3. 2), об этом же свидетельствуют и слова Лисандра, который советовал τοὺς μὲν παῖδας ἀστρογάλοις τοὺς δὲ ἄνδρας ὄρκοις ἐξαπατᾶν, то есть обманывать взрослых людей клятвами так же, как детей астрагалами (Plut. Lysandr. 8; Dio Chrys. 74. 15). В одной из эпиграмм Палатинской антологии 80 астрагалов фигурируют даже в качестве приза за то, что мальчик καλὰ γράμματ' ἔγραψεν, то есть за чистописание (Anth. Palat. VI. 308). Об увлеченности игрой в астрагалы подростков и юношей можно судить по многочисленным упоминаниям у античных авторов, например, у Павсания (Paus. VI. 24, 6) и Артемидора (Artem. Oneirocr. 3. 1), или по граффито на стене дома Диониса на Делосе, датируемом временем после 88 г. до н.э. (Chamondard 1906,

на астрагалах. Тем не менее, учитывая частое их присутствие в повседневном обиходе (особенно это касалось детей и молодых людей)¹⁴, появление на астрагалах граффити любого содержания не удивительно.

ЛИ Καλλιγένης в Северном Причерноморье известно, кажется, только для Боспора. Самые ранние примеры относятся к 3 в. до н.э. – это горгиппийский агонистический каталог первой половины 3 в. до н.э. (КБН 1137А, 1₅₂, 1137Б, 1₄₄ и Б, 2₁₉) и список имен из Нимфея 3 в. до н.э. (КБН 912, 2₁₅), а также к 2 в. до н.э. – эпитафия из Пантикапея (КБН 251). Остальные надписи (КБН 350, 430, 614 (Пантикапей) и КБН 1259₁₅, 1282²³, 1283₉₋₁₀ (Танаис) датируются 1–3 вв. н.э.

Термином τριβάδες¹⁵ и его синонимами ἐταιρίστριαι¹⁶ и διεταιρίστριαι обозначались женщины с противоестественными склонностями (Plato. Leg. 636c, Symp. 191 e; Hesych. s.v.; Phot. 25. 8; Pseudo-Luc. Am. 28. 8–16; Phaedr. IV. 14).¹⁷ В нескольких эпиграммах Марциала изображена мужеподобная и разнузданная Филенида, которую он обозначает как *tribas* и даже *tribas tribadum* (Mart. VII. 67, 1; VII. 70, 1).¹⁸

Сочетание мужского имени Каллиген и термина *tribas*, обозначающего женщину, допускает двоякое толкование. Первый вариант предполагает, что граффито имело оскорбительный характер: Каллиген был назван *трибадой*, и автор надписи таким образом мог указывать на то, что тот не в состоянии вести себя как мужчина. В этом случае рассматриваемый памятник относится к достаточно распространенному типу издевательских гомо- и гетеросексуальных граффити с обсценной лексикой.¹⁹

Впрочем, известны примеры, когда женщины назывались мужскими именами. Так, например, Плутарх (Plut. Romp. 32. 8) сообщает, что Митридат Евпатор называл свою наложницу Ὑψικράτης (т.е. мужским

552–553, fig. 20; Severyns 1927, 238–243). В нем говорится о некоем Деметрии: играя в астрагалы, он, как слепой, ничего не видит вокруг, так что Гермину, чтобы Деметрий обратил внимание на его чувства, приходится украсть астрагалы Деметрия (Δημήτριος [τ]υφλ[ὸς] οὐδὲ βλέπει οὐθὲν παίσων ἀστραγάλους· [ἀ]πέκ<α>ψε αὐτῷ Ἑρμίας ἀσ[τ]ραγάλους. Φλέγ[ω] αὐτῷ Ἑρμίας).

¹⁵ Licht 1942, 316–328; Dover 1989, 171–184.

¹⁶ Лексикограф Мерид отмечает, что ἐταιρίστριαι – это аттический термин, а τριβάδες – общегреческий (Moeg. 196. 25).

¹⁷ О применении трибадами ὀλισβοи см. Журавлев 2004, 134. Дж. Мanganaro полагает, что в граффито на происходящем из Сицилии квадратном свинцовом бруске весом ок. 430 г.

(по-видимому, он служил гирей) речь также идет об использовании ὀλισβοи – Πανδοσία | πυγίζεται | καὶ Ὑκω Ράπαν | πυγίζει καὶ ΝΙ | δο.πα οἴφει .ΑΜΑ | πυγίζει Νινι[–] (Manganaro 1996, 136–137). Вероятно, они же подразумеваются и в «Диалогах гетер» Лукиана (Luc. Dial. meretr. 5); см. Giangrande 1962, 221 no. 6.

¹⁸ Galán Vioque 2002, 382–391, 402, 403.

¹⁹ В качестве аналогии можно привести, например, граффити, происходящие из раскопок на Афинской агоре: μίσετος ἡο πα[ίς] (Agora XXI, 12, no. C1; 2-я четв. 7 в. до н.э.), несколько граффити с глаголом βενέω (Agora XXI, 12–13, no. C2 (нач. 6 в. до н.э.), no. C14 (сер. 5 в. до н.э.), со словами καταπύγων и καταπύγαινα (Agora XXI, 12–14 nos. C5, C18, C22, C24–C27, датирующиеся концом 6 – 3-й четв. 5 в. до н.э.; ср. также Milne, Bothmer 1953, 215 ff.),

и более распространенный вариант высказываний подобного типа – Πυρίης Ἀκήστορος οἰφόλης <ῆ>θησα, καταπύγων (Тенос (6 в. до н.э.), SEG 15, 523), подобное граффито из Стиры на о-ве Эвбея (SEG 57, 833, конец 6 – начало 5 в. до н.э.). Также см. Bain 1991, 51–77, где приводится и эпиграфический материал. Надписи такого рода встречаются, естественно, и в Причерноморье: см., например, граффито на скифосе из Ольвии 5 в. до н.э. (Виноградов 1969, 147 прим. 55) или обсценное граффито подростков из Артезиана сер. – 2-й пол. 1 в. н.э., в котором присутствует форма причастия от глагола ληκάω (Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 146–147). В Фанагории был найден остракон с граффито кон. 6 – 1-й четв. 5 в. до н.э. – Εὐβίος πύγισαι (Пантикапей и Фанагория 2017, 365, № 300, 301).

вариантом имени Гипсикратия) за ее мужественность и стойкость во время походов и боев.²⁰ По иной причине женщина называет себя мужским именем в одном из «Диалогов гетер» Лукиана (Luc. Dial. meretr. 5): гетера рассказывает о некой происходящей с острова Лесбос женщине с не традиционной ориентацией, которая говорила, что она не Мегилла, а Мегилл. Таким образом, можно осторожно предположить, что за мужским именем Каллиген могла скрываться *трибада* Каллигенния. В данном случае граффито, хотя и является простой констатацией факта, также имеет оскорбительный характер.

Первый вариант толкования, возможно, выглядит более правдоподобно. Впрочем, какова бы не была гендерная принадлежность человека, названного Каллигеном, происходящий из Фанагории астрагал с граффито является примечательным свидетельством о частной жизни жителей этого полиса.

²⁰ Кузнецов 2007, 238–243.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватская Т.В. 1959. Игральные кости из Пантикапея, *Listy filologicke* VIII, 68–80.
 Виноградов Ю.Г. 1969. Киклические поэмы в Ольвии, *ВДИ* 3, 142–150.
 Журавлев Д.В. 2004. Ὀλίσβος из Пантикапея, или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье, *ДБ* 7, 129–149.
 Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории, *ВДИ* 1, 227–243.
 Петерс Б.Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. Москва.
 Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму (его люди и культы), *ВДИ* 3, 134–162.
 Сон Н.А. 2011. Костяные изделия из Тире, *БИ* 25, 298–311.
 Стефани Л. 1870. *Объяснение некоторых древностей, найденных в 1867 году в Южной России* (ОАК за 1868 год). Санкт-Петербург.
 Сударев Н.И. Некрополи и погребальные обряды, in: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 418–472.
 Трейстер М.Ю. 2010. Ювелирное дело и торефика, in: М.Г. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. Москва, 535–598.
 Черняков И.Т., Лежух И.П. 2008. Набір для гри в горщику з Никонія, *Археологія* 1, 41–44.
 Шапцов М.С. 2012. Астрагал с граффито с городища Кара-Тобе, *Археологія* 3, 108–110.
 Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии, *ВДИ* 3, 75–116.
 Amandry P. 1984. Os et coquilles, in: *L'antre Corycien II* (BCH Suppl. IX). Paris, 347–380.
 Bain D. 1991. Six Greek Verbs of Sexual Congress (βινῶ, κινῶ, πυγίζω, ληκῶ, οἶφω, λαϊκάζω), *CQ* 41/1, 51–77.
 Bar-Oz G. 2002. An Inscribed Astragalus with a Dedication to Hermes, *Near Eastern Archaeology* 64/4, 211–213.
 Beaumont L. 2012. *Childhood in Ancient Athens: Iconography and Social History*. New-York.
 Bovon A. 1970. Le mobilier et les petits objets. VI. Os, ivoire, écaille, in: *Exploration archéologique de Délos 27* (L'îlot de la Maison des Comédiens). Paris, 229–233.
 Bundrick Sh. 2017. Altars, Astragaloi, Achilles: Picturing Divination on Athenian Vases, in: S. Blackely (ed.), *Gods, Objects and Ritual Practice in Ancient Mediterranean Religion* (Studies in Ancient Mediterranean Religions 1). Atlanta, 53–74.
 Carè B. 2013. Knucklebones from the Greek Necropolis of Locri Epizefiri, Southern Italy (VIth – IIIth Centuries BC): Typological and Functional Analysis, in: F. Lang (ed.), *The Sound of Bones* (ARCHAEOPlus. Schriften zur Archäologie und Archäometrie der Paris Lodron-Universität Salzburg 5). Salzburg, 87–99.
 Chamonard J. 1906. Fouilles de Délos (1904): fouilles dans le quartier du théâtre, *BCH* 30, 485–606.
 Deonna W. 1938. *Mobilier délien* (Exploration archéologique de Délos 18). Paris, 331–345.

- Dover K.J. 1989. *Greek Homosexuality*. Cambridge.
- Foster G. 1984. The Bones from the Altar West of Painted Stoa, *Hesperia* 53, 73–82.
- Galán Vioque G. 2002. *Martial, book VII. A Commentary* (Transl. by J.J. Zoltowsky). Leiden–Boston–Köln.
- Fouquières L. Becq de. 1869. *Les jeux anciennes: leur description, leur origine, leurs rapports avec la religion, l'histoire et les mœurs*. Paris.
- Giangrande G. 1962. Emendations to Callimachus, *CQ* 12/2, 212–222.
- Gilmour G. 1997. The Nature and Function of Astragalus Bones from Archaeological Contexts in the Levant and Eastern Mediterranean, *OJA* 16/2, 167–175.
- Graf F. 2005. Rolling the Dice for an Answer, in: S. Johnston, P. Struck (eds.) *Mantike. Studies in Ancient Divination*. Leiden–Boston.
- Halliday W. 2013. *Greek Divination. A Study of its Methods and Principles*. London.
- Korzakova H.B. 2010. Epigraphic Finds from the 1989–2000 Seasons. Astragali, in: A. Kloner, E. Eshel, H.B. Korzakova, G. Finkielsztejn (eds.), *Maresha Excavations. Final Report III*. Jerusalem, 155–157.
- Last R. 2000. Inscribed Astragalus from Sha 'ar Ha-'Amaqim, *ZPE* 130, 248.
- Larson J. 1995. The Corycian Nymphs and the Bee Maidens of the Homeric Hymn to Hermes, *GRBS* 36/4, 341–357.
- Licht G. 1942. *Sexual Life in Ancient Greece*. London.
- Manganaro G. 1996. Falloccrazia nella Sicilia, *ZPE* 111, 135–139.
- Milne M., Bothmer D. 1953. ΚΑΤΑΠΥΤΩΝ, ΚΑΤΑΠΥΤΑΙΝΑ, *Hesperia* 22/4, 215–224.
- Neils J. 1992. The Morgantina Phormiskos, *AJA* 96/2, 225–235.
- Pottier E., Reinach S., Veyries A. 1887. *La Nécropole de Myrina: recherches archéologiques exécutées au nom et aux frais de l'École française d'Athènes I*. Paris.
- Roller L. 1987. Hellenistic Epigraphic Texts from Gordion, *Anatolian Studies* 37, 103–133.
- Schädler U. 1996. Spielen mit Astragalen, *AA* 1, 61–73.
- Severyns A. 1927. Deux "graffiti" de Délos, *BCH* 51, 234–243.
- Young R.S. 1962. The 1961 Campaign at Gordion, *AJA* 66, 153–168.

И.В. ТУНКИНА¹, Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА, О.В. ШАРОВ

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ Г. ВАН ДЕР ВЕЙДЕ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

Фанагория – столица Азиатского Боспора, один из крупнейших античных памятников на территории Российской Федерации. Археологическое изучение города началось с конца 18 в., и одной из первых находок был браслет, открытый в одном из фанагорийских курганов генералом Г. Ван дер Вейде. Это первый золотой артефакт, открытый в ходе раскопок рубежа 18–19 столетий в курганном некрополе Фанагории.² Однако вплоть до настоящего времени исследователям Фанагории не было известно, сохранился ли этот браслет и где он находится. Истории открытия и дальнейшей судьбе этого уникального предмета и посвящена настоящая статья.

После присоединения Северного Причерноморья к Российской империи сюда устремились многочисленные русские и иностранные путешественники. В их числе был англичанин Эдвард Дэниел Кларк (1769–1822 гг.) (рис. 1³), который из-за дипломатических осложнений между Россией и Великобританией вынужден был уехать из Петербурга и Москвы и отправиться на юг с целью покинуть страну. Летом 1800 г. на Таманском полуострове, направляясь от Темрюка к станции Сенной и далее к станице Тамань, а затем в Крыму он повсеместно скупал древности. Предвзятое по отношению к России и русским описание его путешествия неоднократно переиздавалось на английском и было переведено на французский, немецкий и голландский языки, причем в ряде изданий с дополнениями автора.⁴ Известно, что Э.Д. Кларк останавливался в ст. Тамань 11–12 июля 1800 г. в доме какого-то недавно вышедшего в отставку офицера, где встречался с Ван дер Вейде (у Кларка – Vanderweyde⁵). Он пишет, что жилье генерала украшала древняя скульптура – два мраморных льва «в натуральную величину, оба из цельного камня».⁶ Э.Д. Кларк упомянул, что с помощью хозяина и при поддержке Ван дер Вейде «мы могли спасти от верного разрушения несколько остатков древности; они составляли часть материалов, предназначенных для постройки крепости» в ст. Тамань, но на их глазах «были похоронены в фундаментах крепости несколько обломков такого рода; мы не могли их спасти, несмотря на наши старания».⁷ «Генерал проводил нас к развалинам, из которых берут камни для этого; он дал развалинам то название, которое, по моему мнению, действительно им принадлежит – развалины г. Фанагории». Таким образом, Ван дер Вейде и Э.Д. Кларк ошибочно считали руины античной Гермонассы и средневековой Таматархи остатками столицы Азиатского Боспора – Фанагории. Благодаря содействию генерала, пять древнегреческих таманских надписей на мраморе были приобретены Э.Д. Кларком,

¹ Исследование И.В. Тункиной проведено при финансовой поддержке программы Президиума РАН на 2018–2020 гг. № 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

² Трейстер 2015, 16.

³ © Государственный Эрмитаж.

⁴ Тункина 2002, 56–57.

⁵ Clarke 1812, 527.

⁶ Ibid. 537–538, 546.

⁷ Ibid. 548–549.

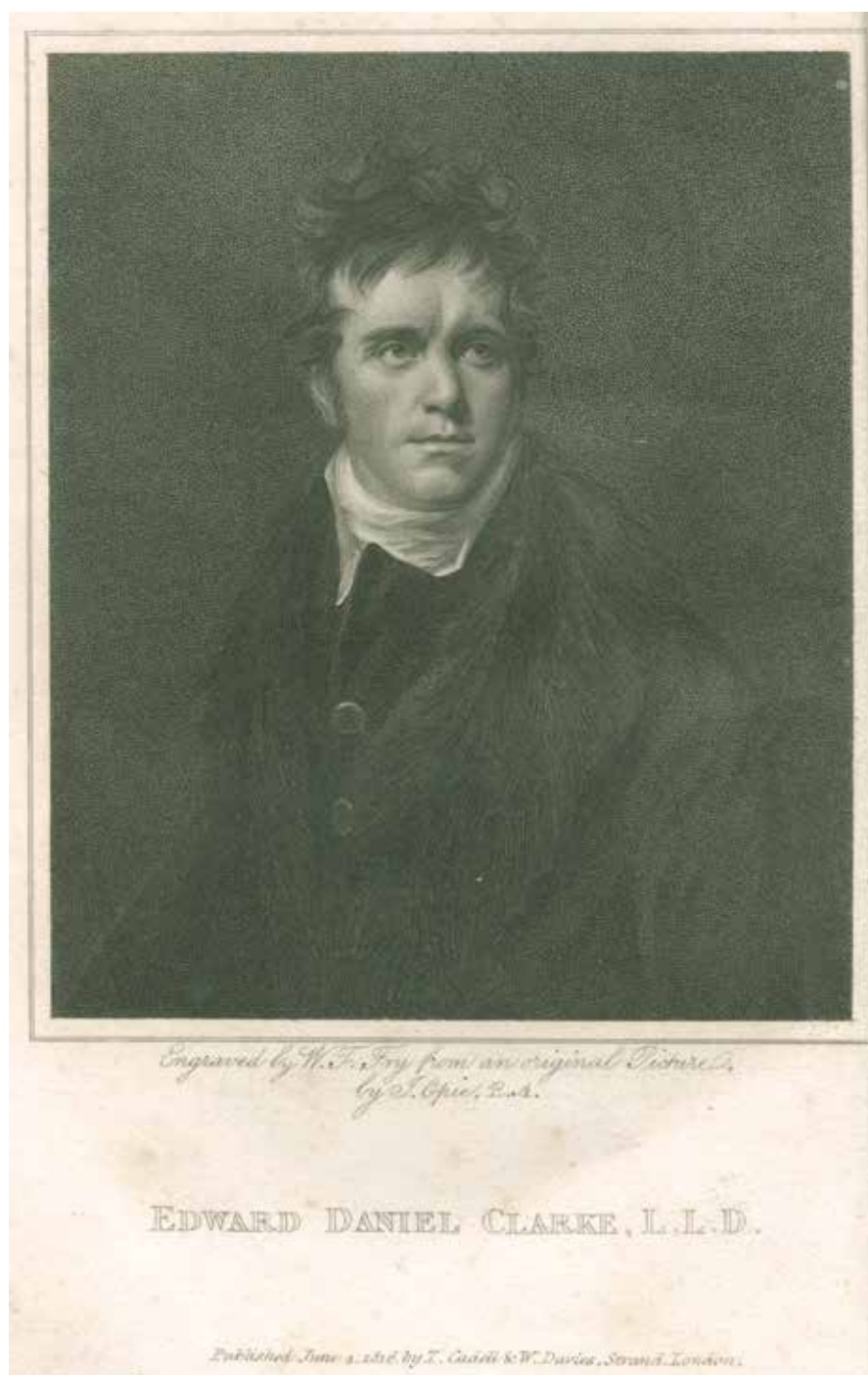

Рис. 1.
Эдвард Дэниел Кларк (1769-1822),
английский путешественник,
профессор минералогии
Кембриджского университета.
*Clarke E.D. Travels in various countries
of Europe, Asia and Africa. London, 1816.
Vol. I*

вывезены в Великобританию и впоследствии украсили вестибюль публичной библиотеки Кембриджского университета.⁸

Следует остановиться на биографии инициатора раскопок близ античной Фанагории, так как именно она позволяет уточнить их дату. Биография Г. Ван де Вейде реконструирована его дальними потомками Е.Б. Вяловой-Вейде, М.А. Масленниковым (Москва) и одним из авторов этой статьи И.В. Тункиной (Санкт-Петербург) буквально по крупицам по материалам российских и голландских архивов. По данным архива в Гааге, Геррик (Гергард, в России – Георгий) Ван дер Вейде

⁸ Ibid. 537–538.

(Gerrick van der Weyde, 1759–1800 гг.) родился в семье гаагского нотариуса (с 1757 г.) Хендрика ван дер Вейде (Hendrik van der Weyde; 1733–1782 гг.). Юридическая карьера, видимо, не слишком привлекала нашего героя, и он посвящал свои досуги не юриспруденции, а изучению точных и естественно-научных дисциплин, причем достиг в них значительных успехов. По предположению И.В. Тункиной, которое требует документальной проверки, Геррик мог посещать лекции в Лейденском университете вместе со Степаном Алексеевичем Колычевым (1746–1805 гг.). Последний с 1770 г. являлся русским посланником в Гааге, а затем там же русским послом (1783–1793 гг.).

С началом четвертой англо-голландской войны (1780–1784 гг.) произошла Батавская революция – раскол голландского общества на оранжистов (сторонников Оранского дома), поддерживающих правящего штатгальтера Вильгельма V, и на патриотов, требовавших немедленных преобразований и винивших в военном поражении штатгальтера. С 1784 г. патриоты стали вооружаться и вынудили Вильгельма V покинуть двор в Гааге, что в конце концов в 1787 г. привело к вторжению прусских войск в пределы Республики Соединенных провинций. Внутриполитическая нестабильность заставила многих голландцев искать счастья на чужбине. После смерти отца Геррик унаследовал семейное дело: 24 сентября 1783 г. он был назначен нотариусом и числился им вплоть до 1786 г. К 1785 г. он успел развестись и повторно женился на Якобине ван Хаагендорн, получившей богатое приданое. Супруги имели семерых детей (из них трое умерли в детстве, двое родились в Гааге, пятеро — уже в Риге).⁹

Г. Ван дер Вейде прибыл в Россию из Голландии по приглашению Екатерины II и был принят на службу инженер-капитаном водных коммуникаций с жалованьем 1000 руб. в год из средств Кабинета императрицы. Кто составил ему протекцию при дворе, неизвестно, возможно, С.А. Колычев, близкий к графу Н.И. Панину, воспитателю наследника престола Павла Петровича. Вот текст указа императрицы Кабинету Ее Императорского Величества от 28 октября 1786 г.: «№ 156. Указ нашему кабинету. Принятому в службу нашу инженер-капитану Гергарду фон Вейде повелеваем производить жалованья по тысяче рублей на год со дня подписания сделанного с ним условия; и сверху того выдать ему издержанные на проезд шестьсот пятьдесят рублей».¹⁰ Большую часть службы в России Г. Ван дер Вейде получал жалованье не в Инженерном корпусе, где фактически служил, а из Кабинета императрицы (императора). Из средств Кабинета выплачивалась и пенсия его вдове и осиротевшим детям.

Первоначально Г. Ван дер Вейде служил *вне штата* в инженерной команде Риги, занимаясь строительством шлюзов.¹¹ Уже в 1787 г. Г. Ван дер Вейде начал переписку с Петербургской Академией наук, предложив свои услуги по определению географических координат, выполнению астрономических и тригонометрических наблюдений, составлению карт рек и берегов и пр.¹² В протоколе заседания Конференции Императорской Академии наук 22 февраля 1787 г. отмечено, что

⁹ Вейде-Вялова 2017, 281–282.

¹⁰ РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3901, л. 304.

¹¹ Вейде-Вялова 2017, 281, 282.

¹² Тункина 2002, 562, сн. 26.

конференц-секретарь И.А. Эйлер доложил о получении письма капитана инженера Ван-дер-Вейде из Риги, который планировал сопровождать инженер-майора Я.Я. де Витте¹³ в путешествии для проектирования речного сообщения, поэтому просил снабдить его инструментами для определения географических координат мест, где они будут останавливаться. Он обещал присылать не только астрономические наблюдения, но и карты рек и берегов, которые он сможет собрать и начертить.¹⁴ 6 июля 1787 г. Г. Ван дер Вейде написал И.А. Эйлеру письмо с приложением каталога распродающегося кабинета естественной истории скончавшегося Геверса (*Museum Geversianum etc.*) и сообщением, что он ведет магнитные наблюдения с прибором Ван Свиндена, о результатах которых будет сообщать академии. Письмо было доложено Конференции Академии наук 13 августа.¹⁵ В письме директора Берлинской обсерватории И.Э. Боде конференц-секретарю И.А. Эйлеру из Берлина в Санкт-Петербург от 21 января 1789 г. содержится просьба оказать содействие Ван дер Вейде в приобретении астрономических инструментов.¹⁶

Известно, что Г. Ван дер Вейде занимался гидрографическим описанием побережья Балтийского моря и Финского залива от Риги до Петербурга. Сохранилось письмо капитана инженера Й. Кайзера вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву от 15 декабря 1790 г. из Риги о необходимости проверки и исправления карты побережья Финского залива, в котором он рекомендовал офицера инженера капитана Г. Ван-дер-Вейде, «испытанного в географических операциях и всеми учеными в Европе таковым признаваемого» (курсив наш. – авт.). Совместное письмо Й. Кайзера и Г. Ван дер Вейде графу содержит подробное описание астрономических и тригонометрических измерений всего побережья Финского залива от Риги до Санкт-Петербурга.¹⁷ В том же году наш герой был награжден первым русским орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1794 г. Г. Ван дер Вейде по-прежнему состоял «на окладе кабинетской суммы» по 1000 руб. в год в Риге «при строении шлюзов» и получил чин майора. Он один из авторов проекта Березинской водной системы (соединения Днепра с Западной Двиной) с целью создания водных путей для вывоза сельхозпродукции и леса из Могилевской и Минской губ. к Рижскому порту, в частности, проекта (совместно с Я.Я. де Витте) расчистки и соединения рек Невежи (правый приток Немана) и Муссы (правый приток Вилии), которые 23 февраля 1797 г. были утверждены императором Павлом I.¹⁸ В 1798 г. Г. Ван дер Вейде был произведен из подполковников в полковники инженерной команды в Риге и в том же году переведен полковником инженерной экспедиции в Петропавловскую инженерную команду, наконец, в 1799 г. получил чин генерал-майора. Между 1798¹⁹ и 1799 гг., либо в самом начале 1800 г. наш герой был переведен в Тамань в суворовскую крепость Фанагорию (на окраине современной ст. Тамань), которую в 1795 г. начал строить другой голландский военный инженер Ф.П. Деволан. «Инженер генерал-майор фон-дер-Вейде состоит в Фанагории крепостным командиром

¹³ Витте де Яков (Петр Эдуард) Яковлевич (1739–1809 гг.), военный инженер голландской службы (1760–1772 гг.), капитан, директор гидравлических работ в Голландии (с 1773 г.), принят из голландской службы в русскую инженер-майором (1783 г.), подполковник инженерного корпуса (1787 г.), полковник (1790 г.), генерал-майор (1794 г.), генерал-лейтенант (1798 г.), инженер-генерал-аншеф (1799 г.), член Департамента водных коммуникаций. Принят с женой и детьми в вечное подданство России и внесен в список российских дворян в 1806 г.

¹⁴ Протоколы 1911, 71.

¹⁵ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 69, л. 170–170 об.; Протоколы 1911, 90; Ученая корреспонденция 1987, 59–60.

¹⁶ СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 70, л. 244–244 об.; Ученая корреспонденция 1987, 59–60.

¹⁷ РГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 350, л. 439–442.

¹⁸ Вейде-Вялова 2017, 282.

¹⁹ В 1797–1798 гг. командиром инженерных команд в Фанагории, Керчи и Еникале был генерал-майор (с 1798 г.) М.А. Фемерс (1733–?), вышедший в отставку 30 сентября 1800 г.

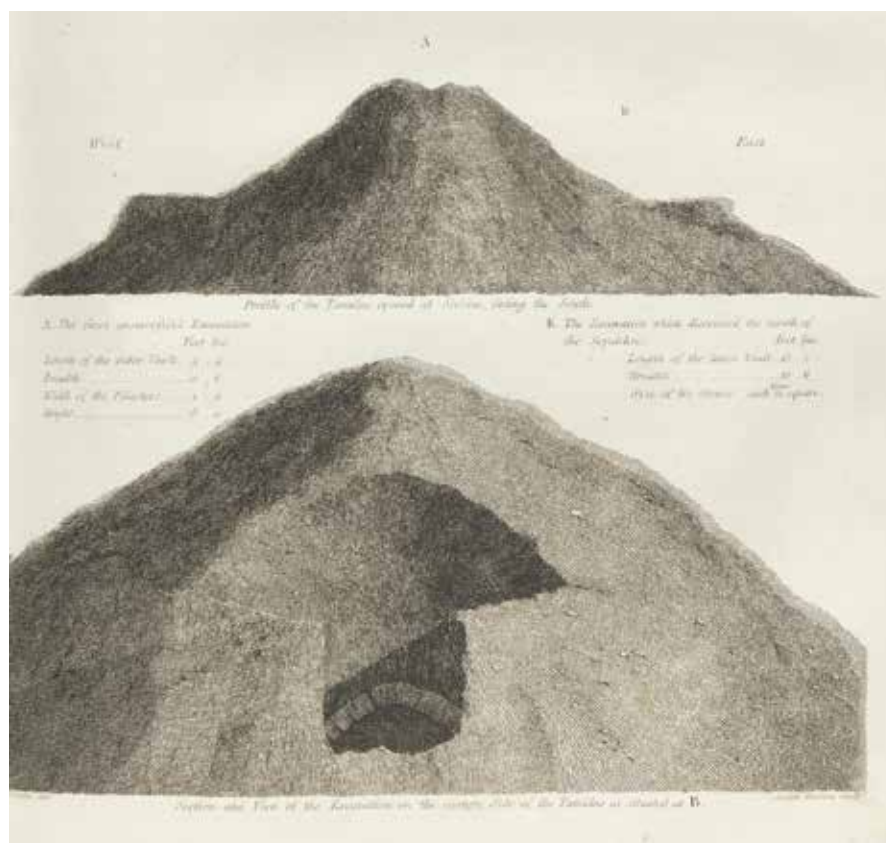

Рис. 2.
«Курган Ван дер Вейде». Гравюра.
Clarke E.D. Travels the various countries
of Europe, Asia and Africa by Edward
Daniel Clarke. Part the first.
Russia Tartary and Turkey.
Second edition. London, 1811. p. 398/399

инженерных команд и под смотрением его производятся там, в Керчи и Еникале крепостные работы и разное гражданское для гарнизона строение весьма на большую сумму и во многом количестве» (23 июля 1800 г.). 16 июля 1800 г. ему было поручено «отбыть к порученной ему по Высочайшему повелению комиссии о соединении рек Дона и Волги каналом, а при отбытии предписано ему, фон-дер-Вейде, о продолжении работ по утвержденным экспедицией чертежам дать от себя достаточное в Фанагории инженеру штабс-капитану Бекетову, а в Керчи и Еникале инженер-капитану Горохову наставление, поручив им инженерные команды в тех местах, а по возвращении по-прежнему иметь ему все производимые работы в ведении и распоряжении своем».²⁰

Таким образом, раскопки Г. Ван дер Вейде, скорее всего проводившиеся в целях добычи камня для строящейся крепости в ст. Тамань солдатами фанагорийского гарнизона, были проведены не до 1793 г., как считалось ранее²¹, а между 1798 и началом 1800 гг. Основанием для пересмотра даты раскопок служат архивные документы, уточнившие факты биографии Г. Ван дер Вейде, обнародованные Е.Б. Вяловой. Известно, что Э.Д. Кларк встречался с военным инженером 11–12 июля 1800 г., а уже 11 сентября 1800 г. генерал-майор Ван дер Вейде был исключен из списков военного ведомства как умерший.²² Видимо, он скончался в августе 1800 г., т.к. в конце июля был еще жив.

Курган, в котором был открыт золотой браслет, находился на берегу Таманского залива и был самым крупным по величине (рис. 2) среди окрестных насыпей. Благодаря детальному описанию и зарисовке

²⁰ Вейде-Вялова 2017, 282–283.

²¹ Тункина 2002, 564.

²² РГВИА, ф. 5, оп. 5/77, св. 287, д. 2146; Вейде-Вялова 2017, 283.

Э.Д. Кларка, спустившемуся в двухкамерный полуциркульный склеп, нам известна его конструкция и размеры. Сначала раскопки были нерационально начаты с вершины кургана, поэтому пришлось срыть целую гору земли (на рис. 2 – А). После этого раскопки были перенесены на восточную сторону насыпи (на рис. 2 – В), где был открыт вход в сводчатую камеру «чудной камнетесной работы» длиной 9 футов 4 дюйма (2,84 м), шириной 10 футов 6 дюймов (3,2 м).

Склеп был выложен насухо из хорошо отесанных квадратных блоков местного, легко крошащегося белого известняка с включением большого числа мелких ракушек. «Облицовочные камни хорошо обтесаны, вполне правильной формы», каждый размером по 21 дюйм (53,34 см). «Покрытие образовано столь прекрасным и хорошо сложенным сводом, какой только можно вообразить, – белизна его такова, как чистейшего мрамора», – писал Э.Д. Кларк, попутно заметив, что «граф Потоцкий²³, знаменитый археолог, кистью записал свою фамилию на поверхности свода; это мне подает надежду, что когда-нибудь он опубликует некоторые детали об этой интересной гробнице. Немногие лица были бы более него авторитетны для выяснения ее истории».²⁴

За наружной помещалась вторая, бóльшая по величине камера длиной 15 футов 2 дюйма (4,622 м), шириной 10 футов 6 дюймов (3,2 м), вход в которую со стороны первой камеры украшали два боковых пилястра, сильно выступающих у основания: ширина пилястров – 1 фут 9 дюймов (0,53 м), высота – 8 футов (2,43 м). Над сводом склепа между двумя слоями земли была обнаружена прослойка камки (по определению П.С. Палласа – *Zostera marina*) толщиной в 2 дюйма (5 см).²⁵ Внутри первого склепа, вход в который в июле 1800 г. был наполовину заполнен землей, можно было стоять, не нагибаясь.

Э.Д. Кларк пишет, что «солдаты, проводившие раскопки, украли все, что, по их мнению, представляло какую-либо ценность, и все, что им возможно было припрятать; они уничтожили все предметы, не искушавшие их жадности, – так пропали несколько ваз черной глины, окруженные белыми украшениями». Далее в примечании он русофобски замечает: «Мне говорили на месте, что несколько из этих ваз были посланы в Москву; однако они исчезли в пропасти, поглощающей все, что дорого для науки. В настоящее время, вероятно, забыты все местные обстоятельства, при которых были найдены эти вазы. Часто русские, при их глубоком невежестве, называют “этрусскими” все античные вазы, полагая, что это название увеличивает их ценность».²⁶

Э.Д. Кларку сообщили, что именно из этой гробницы был взят «большой мраморный саркофаг, крышка которого в настоящее время служит цистерной вблизи крепости Еникале в Крыму; однако теперешнее состояние входа в гробницу противоречит этому утверждению. Вход, в том виде, как мы его видели, никогда не позволил бы пронести камень столь значительных размеров».²⁷ Изображение крышки саркофага римской эпохи, по словам П.С. Палласа, привезенного в Еникале из крепости Фанагория, где саркофаг был найден в одном из окрестных

²³ Потоцкий Ян Непомук (Иван Осипович) (1761–1815 гг.), граф, польский историк-славяновед, лингвист, этнограф, археолог, писатель-романтик, почетный член Петербургской АН (1806 г.), автор приключенческого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804 г.).

²⁴ Clarke 1812, 528.

²⁵ Ibid. 530.

²⁶ Ibid. 528–529.

Рис. 3.

Золотой браслет

из «кургана Ван дер Вейде».

Clarke E.D. *Travels the various countries**of Europe, Asia and Africa by Edward**Daniel Clarke. Part the first.**Russia Tartary and Turkey.**Second edition. London, 1811. p. 398/399*

курганов, в виде виньетки издано Э.Д. Кларком, а рисунок с указанием размеров сохранился в путевом дневнике архитектора Н.А. Львова.²⁸

Найденный в этом кургане изогнутый по эллипсу золотой браслет был увезен после раскопок Г. Ван дер Вейде в ст. Тамань. Э.Д. Кларк осмотрел и зарисовал браслет в доме генерала – драгоценность удивила его мастерством исполнения и высоким качеством золота: «... я полагаю необходимым дать здесь подробное описание этого древнего украшения. Оно весит $\frac{3}{4}$ фунта и представляет из себя туловище змеи, изогнутое по эллипсу; две головы, изваянные на концах, оставляют достаточный промежуток для запястья руки или для лодыжки ноги. Рубины, служащие как для замены глаз, так и для украшения нижней части браслета, придают этим головам красоту; кроме того, на них имеются два ряда драгоценных камней; браслет еще украшен рисунком, исполненным довольно грубо. Браслет вовсе не упруг, но значительная мягкость металла позволяет ему раскрыться настолько, чтобы его можно было надеть на руку или на ногу».²⁹ Согласно Э.Д. Кларку, его размеры таковы: максимальный диаметр – 3 дюйма (7,62 см), минимальный диаметр – 2 дюйма (5,08 см), вес металла $\frac{3}{4}$ фунта (0,307 кг) (рис. 3). Генерал намеревался отправить украшение в императорский Кабинет, «однако сделанная мною характеристика русских достаточна для подозрения, что столь драгоценный древний предмет никогда не дойдет до назначения...», – резюмировал путешественник.³⁰ Но в этом он ошибся. Браслет попал в императорское собрание в Санкт-Петербург в том же 1800 г., уже после смерти Г. Ван дер Вейде: начальник всех инженерных и артиллерийских частей генерал А.И. Корсаков³¹ поднес его императору Павлу I.

С воцарением Александра I вдова инженера генерал-майора Якобина фон дер Вейде, остававшаяся в Риге с пятью малолетними детьми, добилась от властей в 1801 г. единовременной выплаты 500 руб. и пожизненной пенсии своей семье в размере 900 руб. в год из средств Кабинета Его Императорского Величества. 24 июля 1801 г. она обратилась к царю с просьбой вернуть браслет семье: «Оставшийся после смерти мужа в Фанагории золотой с камнями склаваж³², который был привезен фон Гартингом³³ в инженерную экспедицию, и который,

²⁷ Ibid. 531.

²⁸ См.: Тункина 2002, 72, рис. 15; Дюбрюкс 2010, т. I, 331, коммент. 27; т. 2, рис. 336, 337.

²⁹ Clarke 1812, 529–530.

³⁰ Ibid. 529–530.

³¹ Корсаков Алексей Иванович (1751–1821 гг.), генерал-лейтенант от артиллерии, директор Артиллерийского корпуса, в 1800 г. назначен инспектором всей артиллерии, соединившим в своих руках управление артиллерийским и инженерным делом; с 1803 г. сенатор и президент Берг-коллегии, директор Горного корпуса; почетный член Академии художеств (1794 г.), коллекционер картин, скульптур и редкостей, после его смерти собрание продано с аукциона.

³² От фр. esclavage (устар. юв.) — золотая цепь на шею, украшенная драгоценными камнями; браслеты, украшенные драгоценными камнями, скрепленными тонкой золотой цепочкой.

³³ Гартинг Иван Маркович (1768–1831 гг.), инженер-генерал-майор (с 1799 г.), состоял в инженерных войсках в корпусе генерала А.Г. Розенберга, первого коменданта Керчи, позднее комендант Херсона (1801–1804 гг.).

по Высочайшему повелению покойного государя императора, отдан был обер-гофмаршалу Нарышкину³⁴.³⁵ Просьба вдовы была отклонена, т.к. браслет представлял не только материальную и художественную, но и историческую ценность.

В делах Архива Государственного Эрмитажа удалось найти документы, подтверждающие хранение браслета во II Отделении музея.³⁶ «Две змейки, соединенные в одно хвостиками овальное кольцо наподобие браслета, коих головки с обоих концов, не соединяясь вместе, а поворотясь, смотрят одна на другую, как бы желая укунить друг друга. Сия древняя вещь из чистого золота, обложена различными гранатами, состоит по каталогу вещей в Эрмитаже под № 165, поднесена государю императору Павлу I генералом Корсаковым в 1800 г., имеет в себе весу 56 золотников [238,896 гр.] чистого тонкого золота..., по своей древности и редкости она не может быть оценена так, как другие вещи по той причине, что все древние вещи имеют идеальную неограниченную оценку, зависящую по большей части от знатоков и любителей древности. Я полагаю, что сия вещь стоит более 3000 рублей».³⁷

В середине 19 в. по докладной записке помощника хранителя II Отделения Б.В. Кёне своему начальнику Ф.А. Бруни браслет был передан в I Отделение Императорского Эрмитажа. В мае 1854 г. обер-гофмаршал А.П. Шувалов сообщил начальнику I Отделения Ф.А. Жилу об обнаружении начальником II Отделения Ф.А. Бруни среди драгоценных вещей «золотого браслета, украшенного гранатами и найденного в царствование Екатерины II Ван дер Вейде на острове Тамани в кургане близ станции Сенной, находящегося на месте древней Фанагории».³⁸ Ф.А. Жиль осмотрел браслет и сделал вывод, что он «не принадлежит к классическим древностям, а есть произведение варварское, но по месту где он был найден и превосходной его работе он может быть помещен в I Отделение Эрмитажа».³⁹ А.П. Шувалов распорядился внести браслет в каталог, что и было сделано – «браслет в каталог внесен и помещен в одной из витрин Эрмитажного кабинета государыни императрицы».⁴⁰

Далее, несмотря на значимость и ценность этой находки, браслет выпал из поля зрения большинства исследователей Боспора. Не было известно, сохранился ли он в ходе революционных событий, и если сохранился, то где конкретно. В 2017 г. одним из авторов данной статьи было установлено точное местонахождение браслета.⁴¹

Браслет является единственным предметом в коллекции № 2070 Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа⁴² (рисунки 4, 5, 6). Согласно документам, хранящимся в Отделе, 31 декабря 1937 г. браслет был передан А.А. Передольской из Отдела античного мира и принят А.А. Иессеном для хранения в Отделе доклассового общества ГЭ (см. Приложение). Крайне важно привести полное описание браслета, как оно дано в инвентарной книге: «браслет золотой из массивного золота с утолщающимися концами, оканчивающимися звериными головками с двадцатью пятью вставками гранатов на каждом конце и четырьмя пастовыми вставками. Восемь вставок

³⁴ Нарышкин Александр Львович (1760–1826 гг.), обер-гофмаршал (с 1798 г.), директор императорских театров (1799–1819 гг.).

³⁵ Вейде-Вялова 2017, 283.

³⁶ Тункина 2002, 563.

³⁷ АГЭ, ф. 1, оп. II–1822, д. 38, л. 2.

³⁸ АГЭ, ф. 1, оп. 1–1854, д. 18, л. 1.

³⁹ АГЭ, ф. 1, оп. 1–1854, д. 18, л. 20 об.

⁴⁰ АГЭ, ф. 1, оп. 1–1854, д. 18, л. 4.

⁴¹ Е.Г. Застрожной в ходе работы с редким иллюстрированным изданием путешествий Э.Д. Кларка (London, 1810), хранящимся в Библиотеке ГЭ, была сделана цифровая копия гравюры с изображением браслета (опубликован: Застрожная 2017, 14). Имея точное представление о морфологии браслета, Е.Г. Застрожной удалось идентифицировать его в информационной системе Интернет, установить его местонахождение и определить как браслет, открытый Г.Ван дер Вейде в некрополе Фанагории.

⁴² Выражаем признательность заведующему Отделом, д.и.н. Андрею Юрьевичу Алексееву и хранителю, к.и.н., с.н.с. Алексею Геннадиевичу Фурасеву за оказанную помощь и содействие в ходе работы и в подготовке браслета к публикации.

Рис. 4.
Браслет.
Последняя четверть IV –
первая половина V вв. н.э.
Таманский полуостров
(Фанагория. Раскопки Ван дер Вейде,
1798–[1799] гг.)
Паста, гранат, золото.
Диаметр 8/6 см. Инв. номер 2070/1.
Фотограф Д.А. Боброва.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

имеют трещины. Две пастовые вставки утрачены, две сохранились не полностью. Материал и техника – золото, гранат, паста. Размеры – Н.б.д. [наибольшая длина] 8,6. Вес – 239,26 гр.». С 1937 г. браслет экспонируется в Особой кладовой № 2 Галереи драгоценностей Эрмитажа, в витрине, где представлены предметы, относящиеся к эпохе Великого переселения народов.

В инвентарной книге поступлений браслет был ошибочно обозначен как «случайная находка, сделанная в окрестностях станции Сенной на Таманском полуострове в 1854 г.», тем же годом датируются и упомянутые выше архивные документы о передаче браслета в I Отделение Императорского Эрмитажа. Учитывая то, с какими сложностями было сопряжено хранение золота в Эрмитаже с 1914 г., то наличие подобных неточностей вполне объяснимо.⁴³ Однако именно в связи с этой ошибкой браслет не ассоциировался с Фанагорией и по этой причине не привлекал внимания современных исследователей Боспора.

Как следует из приведенных выше документов, об этой уникальной находке знали сотрудники Отдела античного мира и Отдела доклассового общества⁴⁴, позднее, в 1940 году переименованного в Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (далее – ОИПК). Кира Михайловна Скалон (1908–1977 гг.), главный хранитель этого отдела с 1957 г., ученый секретарь отдела, чья подпись стоит под актом передачи золотого браслета в хранение, и ведущий специалист

⁴³ Радолицкая 2017, 133–134.

⁴⁴ Создан в 1931 г. (Смирнова 1990, 237).

Рис. 5.
Браслет. Деталь.
Последняя четверть IV –
первая половина V вв. н.э.
Таманский полуостров
(Фанагория. Раскопки Ван дер Вейде,
1798–[1799] гг.)
Паста, гранат, золото.
Диаметр 8/6 см. Инв. номер 2070/1.
Фотограф Д.А. Боброва.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Рис. 6.
Браслет. Деталь.
Последняя четверть IV –
первая половина V вв. н.э.
Таманский полуостров
(Фанагория. Раскопки Ван дер Вейде,
1798–[1799] гг.)
Паста, гранат, золото.
Диаметр 8/6 см. Инв. номер 2070/1.
Фотограф Д.А. Боброва.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

по сарматским и раннесредневековым древностям вывела эту уникальную находку из забвения. Разбирая тему драконов в ювелирном искусстве 4–5 вв. н.э., она пишет следующее: «Образ фантастического драконовидного существа часто встречается на различного рода украшениях этого времени. В качестве примера приведём головки драконов, изображённые на золотом браслете из ст. Сенной на Тамани. Широкая оскаленная морда с большими клыками напоминает морду дракона из Каряжского городища. Здесь, как и на кара-агачских фигурах, имеются две пары глаз. Поверхность браслета из ст. Сенной украшена вставками гранатов и чеканным геометрическим орнаментом. Крылья и уши изображены тонкими косыми линиями, как и на гривне, найденной в могильнике на Госпитальной улице в Керчи. Фигуры драконов из Кара-Агача связываются со всем кругом изделий выполненных в своеобразном “полихромном стиле”, столь характерном для искусства сармато-аланских племён IV–V вв.».⁴⁵

В 1994 г. вышла монография крупнейшего отечественного специалиста по археологии эпохи Великого переселения народов И.П. Засецкой, ведущего научного сотрудника ОИПК⁴⁶, посвященная культуре кочевников южнорусских степей 4–5 вв. н.э.⁴⁷ В каталоге памятников была упомянута и фанагорийская находка: «Ст. Сенная. Тамань. Случайная находка 1854 г. Золотой браслет, украшенный на концах головами хищника, возможно, волка. Глаза, ноздри, уши и холка животного

⁴⁵ Скалон 1962, 42–43.

⁴⁶ В 1988 г. ОИПК переименован в Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, сокр. ОАВЕиС (Смирнова 1990, 250–251).

⁴⁷ Засецкая 1994.

переданы вставками альмандинов в углубленных гнездах, или в ячейках, образованных перегородками, шерсть – волнистыми врезными линиями или кружками с точкой в центре. Диаметр браслета 8,6 см. Хр.: ГЭ. Инв. № 2070/1».⁴⁸ И.П. Засецкая невольно повторила при описании данного браслета ошибку, которая закралась в учетную карточку еще в 1937 г.: «случайная находка 1854 года». Сегодня мы знаем, что это не так и золотой браслет происходит из вторичного захоронения, совершенного в каменном склепе «македонского типа» первой половины 3 в. до н.э.⁴⁹

Золотой браслет из Сенной упоминался неоднократно и другими исследователями в различных контекстах для иллюстраций предметов гуннской эпохи⁵⁰, но история его открытия и атрибуция комплекса никогда и никем до сего времени не рассматривалась.

Самой близкой аналогией к фанагорийской находке является золотой браслет, найденный в одном из погребений, открытых грабителями в Керчи, 24 июня 1904 г.⁵¹ Он очень близок по своей стилистике и семантике браслету из Сенной. Вот его описание, сделанное И.П. Засецкой: «Браслет золотой. Диаметр 7,6 см. Инв. № 1820/560. Боспорская культура. Последняя четверть IV – первая половина V вв. н.э. Браслет литой, из круглого в сечении дрота. Концы моделированы в виде длинноухого, с оскаленной пастью, чудовища-дракона. Глаза переданы круглыми вставками граната в углубленных гнездах. Шерсть трактована косыми нарезками, кружочками, запятыми и V-образными линиями».⁵² Комплекс, открытый «счастливчиками» 24 июня 1904 года, имеет, несмотря на неизвестное число погребенных, весьма узкую дату: последняя четверть 4 – первая половина 5 вв. н.э. Эта дата имеет точное соответствие в системе европейской хронологической шкалы – фаза D2 или горизонт «Унтерзибенбрунн» эпохи переселения народов (последняя четверть 4 – первая половина 5 вв. н.э.). М.М. Казанский в одной из своих ранних статей назвал этот горизонт не просто горизонтом «Унтерзибенбрунн», а ввиду многочисленных ярких хроноиндикаторов данной фазы – горизонтом «Унтерзибенбрунн-Госпитальная».⁵³ Именно к этому горизонту принадлежит данная находка из некрополя Фанагории.

Таким образом, укоренившееся в отечественной историографии, начиная с 19 столетия, представление о фанагорийском погребальном комплексе с браслетом как о захоронении, совершенном в период эллинизма, следует считать неверным. Не атрибутировав браслет должным образом, современники считали его тождественным по времени всему погребальному комплексу.⁵⁴ Полуциркульный каменный двухкамерный склеп, «чернолаковые» сосуды и «витой браслет в виде змеи», не оставляли места для сомнений в такой датировке. Современные исследователи Азиатского Боспора, не имея возможности обратиться к единственному сохранившемуся артефакту из кургана Ван дер Вейде, не могли уточнить дату комплекса. Теперь представляется очевидным то, что золотой браслет происходит из вторичного захоронения эпохи Великого переселения народов (конца 4 – первой половины 5 вв. н.э.), совершенного как подзахоронение в насыпь кургана, или же непосредственно в камеру эллинистического склепа. Анализируя конструкцию склепа, следует

⁴⁸ Там же, 173–174, табл. XVIII. 1.

⁴⁹ Виноградов 2017, 192.

⁵⁰ Bona 1991, 189, Abb. 72; Kazanski 1991; Ахмедов, Казанский 2004, 168–169; и др.: <https://twitter.com/caitlinrgreen/status/579039770099228672>.

⁵¹ Kazanski 1991, fig. 2.1; Засецкая 1993, 52–53, № 82.

⁵² Засецкая 1993, 52–53, № 82, табл. 22.

⁵³ Kazanski 1991, 125–127.

⁵⁴ Neymann 1855, 150; Гёрц 1898, 4–7.

обратиться к трудам Ю.А. Виноградова. Согласно его классификации, большой склеп фанагорийского кургана, открытый Г. Ван дер Вейде, относится к самой ранней из известных на Боспоре гробниц «македонского типа» и датируется в пределах первой половины 3 в. до н.э.⁵⁵

О локализации кургана в пространстве фанагорийского некрополя можно лишь строить гипотезы. Поскольку в литературе указывалось лишь то, что он был самым большим на берегу Таманского залива, то сложно определить, в какой из аллей курганов он находился. Наиболее вероятно, что это мог быть Восточный некрополь Фанагории, поскольку в нем фиксируются как погребения 3 в. до н.э., так и более поздние захоронения.⁵⁶ В том числе, на территории Восточного некрополя было открыто несколько погребений, датирующихся горизонтом «Унтерзибенбрунн» (о чем будет сказано ниже). Имеющейся информации о раскопках недостаточно для заключения о том, было ли совершено вторичное погребение в насыпи кургана или оно находилось непосредственно в эллинистическом склепе. К.К. Гёрц пишет, что «уже Кларк не мог собрать точных сведений о вещах, открытых в этом кургане»⁵⁷, поэтому абсолютно не ясно, где именно был найден золотой браслет. Благодаря результатам современных исследований известно, что распространенной погребальной практикой в период поздней античности на территории Фанагории были погребения в двухкамерных грунтовых склепах с дромосом, либо в могильных ямах и ямах с подбоем.⁵⁸ По богатству погребального инвентаря подбойные погребения занимают промежуточную позицию между склепами и простыми могилами, и в них чаще, чем в простых ямах встречаются золотые вещи.⁵⁹ Возможно, подзахоронение с браслетом было совершено в подбойной могиле с восточной стороны насыпи. Нет никаких сведений о других вещах из этого погребения, но скорее всего они должны были быть, так как вплоть до конца 5 в. н.э. ведущей категорией погребального инвентаря в погребениях являлись элементы одежды и украшения.⁶⁰ Погребения с подобными вещами были зафиксированы на территории Восточного некрополя Фанагории в 2005 и 2007 гг. – в них находились наборы поясной и обувной гарнитуры, включая пряжку в стиле *клуазонне* (раскопки 2005 г.) и бронзовую пряжку с массивной рамкой и хоботовидным язычком (раскопки 2007 г.), которые позволили датировать погребения ступенями D1 и D2 (горизонт «Унтерзибенбрунн») центрально-европейской хронологии, а именно первой половиной 5 в. н.э.⁶¹

Подводя предварительные итоги исследования, следует еще раз обратить внимание на важность атрибуции браслета из некрополя Фанагории, который много лет считался случайной находкой. Эта информация крайне важна для понимания истории и археологии столицы Азиатского Боспора. Необходимо отметить, что за более чем два с половиной столетия археологического изучения фанагорийского некрополя, золотой предмет подобного уровня, относящийся к эпохе Великого переселения народов, ни разу не был зафиксирован.⁶² Этот факт уже сам по себе ставит новые задачи по интерпретации всего погребального комплекса в контексте истории Фанагории в 4–5 вв. н.э.

⁵⁵ Виноградов, 2017, 192.

⁵⁶ Ворошилов, Ворошилова 2015а, 17.

⁵⁷ Гёрц 1898, 4.

⁵⁸ Ворошилова 2012, 8.

⁵⁹ Ворошилов, Ворошилова 2015б, 73.

⁶⁰ Ворошилова 2012, 12.

⁶¹ Медведев 2009, 34; 2011, 370.

⁶² Ворошилов, Ворошилова 2015, 277.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АГЭ. Ф. 1. Оп. II–1822. Д. 38.
АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1854. Д. 18.
РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 350.
РГВИА. Ф. 5. Оп. 5/77. Св. 287. Д. 2146.
РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3901.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 69.
СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 70.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст *Труды ИИМК* XI, Санкт-Петербург, 168–202.
- Вейде-Вялова Е. 2017. Первопроходец раскопок на Тамани: мой предок – выходец из Голландии, in: *Ковчег: Литературно-музыкальный альманах ордена Г.Р. Державина журнала «Приокские зори»*. Тула, 277–285.
- Виноградов Ю.А. 2017. Культура боспорской элиты при Спартокидах, in: *Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени* (БИ 34). Керчь, 112–216.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2013. Об организации пространства некрополя Фанагории, in: *Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории* (Боспорские чтения XIV). Керчь, 111–116.
- Ворошилова О.М. 2012. *Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора*. Автореферат дисс. канд. ист. наук Москва.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015а. Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя, in: *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Москва, 16–18.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. 2015б. Золото в некрополе Фанагории, in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2). Москва, 29–76.
- Гёрс К.К. 1898. *Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 года*. Санкт-Петербург.
- Дюбрюкс П. 2010. Планы и описания городов и поселений Боспора Киммерийского, 1833 г., in: П. Дюбрюкс, *Собрание сочинений. Т. I: Тексты, Т. II: Иллюстрации* (ред. и сост. И.В. Тункина), Санкт-Петербург.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э., *МАИЭТ* III, 23–104.
- Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.)*. Санкт-Петербург.
- Застрожнова Е.Г. 2017. Две столицы: история археологического изучения. in: *Пантикапей и Фанагория: две столицы Боспорского царства* (Каталог выставки). Москва, 13–24.
- Медведев А.П. 2009. Два позднеантичных склепа восточного некрополя Фанагории, in: *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург, 167–182.
- Медведев А.П. 2011. Позднеантичное погребение из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2007 г., *АМА* 15, 366–376.
- Протоколы 1911. *Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год*. В 4-х т. 1897–1911. Санкт-Петербург.
- Радолицкая Я.С. 2017. Особенности экспонирования античного золота в Эрмитаже в 1920–1930-е гг. По материалам Архива Государственного Эрмитажа, *СГЭ* 75, 129–170.
- Скалон К.М. 1962. Изображение дракона в искусстве IV–V веков По материалам Архива Государственного Эрмитажа, *СГЭ* 22. 40–43.
- Смирнова Г.И. 1990. Отдел археологии, in: *Эрмитаж. История и современность. 1764–1988*. Москва, 237–250.
- Трейстер М.Ю. 2015. История находок золотых предметов в Фанагории во второй половине 19 – первой трети 20 в., in: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (Фанагория 2).

Копия

Гос[ударственный]Эрмитаж
Получ[ено] 31/XII-37 г.
Вх. № 1107
Подпись Вишневская

31 декабря 1937 года, составлен настоящий акт в том, что Завед[ующая] Отделом Античного мира Передольская А.А. – сдала, а Завед[ующий] Отделом Доклассового Общества – Иессен А.А. и ученый секретарь Скалон К.М. – приняли, на основании распоряжения Заместителя Директора по учету и хранению Кипарисова В.П. от 28 декабря 1937 г. следующие предметы:

1. Браслет золотой, инвент. № 218А /принятый от Прушевской по шкафу № 51, низ, без протокола Комиссии/ ст. Сенная, 1854 г.
2. Одна пронизка треугольная, золотая, прот. ОК 17/III-36г. 1820/876. Керчь 1905 г. от 1909 г. № 950. вес 0,4 гр. 15376. Р. 5/II 1905 г. № 16 А
3. Пара серег золотых, опись IV 790, прот 9/XII-36 г. 1823/II, общий вес 26,9 гр.
4. Сорок девять штампованных золотых бляшек, инв. № 15343. Керчь 1904 г.

Настоящий акт составлен в 3-х экз., из которых один для делопроизводства по учету и хранению, второй – для О.А.М. [Отдел Античного мира] и третий для О.Д.О. [Отдел Доклассового общества].

Сдала: *подпись* Передольская

Приняли: *подпись* Иессен и
Скалон

с подлинным верно: Максимова Н.

Отдел Восточной Европы и Сибири ГЭ

Машинопись

Публикуется впервые

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ –	Архив Государственного Эрмитажа
АМА –	Античный Мир и Археология
АН СССР –	Академия Наук СССР
БИ –	Боспорские Исследования
БРЭ –	Большая Российская Энциклопедия
БС –	Боспорский Сборник
ВДИ –	Вестник Древней Истории
ВКИКМЗ –	Восточно-Крымский Историко-Культурный Музей-Заповедник
ГИМ –	Государственный Исторический Музей
ГМИИ –	Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ –	Государственный Эрмитаж
ДБ –	Древности Боспора
ИИМК –	Институт Истории Материальной Культуры
ИФЛИ –	Московский Институт Философии, Литературы и Истории им. Н.Г. Чернышевского
КБН –	Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КСИА –	Краткие Сообщения Института Археологии
КТБ –	Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора (МИА 83). Москва, 1960
КубГУ –	Кубанский Государственный Университет
МАИЭТ –	Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МГУ –	Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова
МИА –	Материалы и Исследования по Археологии СССР
МИИ –	Музей Изящных Искусств
МАСП –	Материалы по Археологии Северного Причерноморья
НиСф –	Нумизматика и Сфрагистика
НЭ –	Нумизматика и Эпиграфика
ОР ГМИИ –	Отдел Рукописей Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
Пантикапей и Фанагория 2017 –	Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства (Каталог выставки). Москва
ПИФК –	Проблемы Истории, Филологии, Культуры
РА –	Российская Археология
РГАВМФ –	Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота
РГВИА –	Российский Государственный Военно-Исторический Архив
РГИА –	Российский Государственный Исторический Архив
СА –	Советская Археология
САИ –	Свод Археологических Источников
СГМИИ им. Пушкина –	Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
СГЭ –	Сообщения Государственного Эрмитажа
СПбФ АРАН –	Санкт-Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук
ТГИМ –	Труды Государственного Исторического Музея
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ –	Труды Отдела Нумизматики Государственного Эрмитажа
Труды ИИМК –	Труды Института Истории Материальной Культуры
Ученая корреспонденция 1987 –	Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: научное описание. 1783–1800. Труды Архива АН СССР 29
Фанагория –	Кузнецов В.Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований. Москва: 2. Трейстер М.Ю. (ред.). 2015. Золото Фанагории. 3. Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории. 4. Завойкин А. А. (ред.). 2016. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. 6. Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. (ред.). Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3.

AA –	<i>Archäologischer Anzeiger</i>
ACSS –	<i>Ancient Civilizations from Scythia to Siberia</i>
Agora –	<i>The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens.</i> Princeton: XII. Sparkes B.A., Talcott L. 1970. <i>Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.</i> XXI. Lang M. 1976. <i>Graffiti and Dipinti.</i> XXVI. Kroll J.H. <i>The Greek Coins.</i>
AJA –	<i>American Journal of Archaeology</i>
AJN –	<i>American Journal of Numismatics</i>
BCH –	<i>Bulletin de Correspondance Hellénique</i>
BMC 6 –	Poole R.S. <i>The Ptolemeis, Kings of Egypt</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 6). London, 1883
BMC 8 –	Head B.V. <i>Central Greece (Locris, Phocis, Boeotia and Euboea)</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 8). London, 1884
BMC 11 –	Head B. V. <i>Attica, Megaris, Aegina</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 11). London, 1888
BMC 13 –	Wroth W. <i>Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 13). London, 1889
BMC 14 –	Head B. <i>Catalogue of the Greek Coins of Ionia</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 14). London, 1892
BMC 15 –	Wroth W. <i>Catalogue of the Greek Coins of Mysia</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 15). London, 1892
BMC 17 –	Head B. <i>Catalogue of the Greek Coins of Troas, Aeolis and Lesbos</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 17). London, 1894
BMC 18 –	Head B. <i>Catalogue of the Greek Coins of Caria, Cos, Rhodes, etc.</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 18). London, 1897
BMC 19 –	Head B. <i>Catalogue of the Greek Coins of Lycia, Pamphylia, Pisidia</i> (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 19). London, 1897
BSS –	<i>Black Sea Studies</i>
CH –	<i>Coin Hoards</i>
CQ –	<i>Classical Quarterly</i>
Daremberg–Sagliot –	Daremberg Ch., Sagliot E. <i>Dictionnaire des antiquités grecques et romaines.</i> Paris, 1877–1919
GRBS –	<i>Greek, Roman and Byzantine Studies</i>
Hunt. Coll. –	MacDonald G. <i>Catalogue of Greek Coins in the Hunterian Collection, University of Glasgow.</i> Vols. I–II. Glasgow, 1899 (Vol. I), 1901 (Vol. II)
IG –	<i>Inscriptiones Graecae</i>
IGBulg –	Mihailov G. (ed.), <i>Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae.</i> Vols. I–V. Sofia, 1958–1970, 1997 (Vol. I ² – 1970; Vol. II – 1958; Vol. III/1 – 1961; Vol. III/2 – 1964; Vol. IV – 1966; Vol. V – 1997)
IGCH –	Thompson M., Mørholm O., Kraay C. M. (eds.), <i>An Inventory of Greek Coin Hoards.</i> New York, 1973
IK Kibyra –	Corsten T. (ed.), <i>Die Inschriften von Kibyra I</i> (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 60). Bonn, 2002
IPergamon –	M. Fränkel (ed.), <i>Die Inschriften von Pergamon.</i> Bd. 2. <i>Römische Zeit</i> (Altertümer von Pergamon VIII). Berlin, 1895
LGNP –	<i>A Lexicon of Greek Personal Names.</i> Oxford: I. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 1987. <i>The Aegean Inlands, Cyprus, Cyrenaica.</i> II. Osborne M.J., Byrne S.G. (eds.). 1994. <i>Attica.</i> IIIA. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 1997. <i>Peloponnese, Western Greece, Sicily, and Magna Graecia.</i> IIIB. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 2000. <i>Central Greece: From the Megarid to Thessaly.</i> IV. Fraser P.M., Matthews E. (eds.). 2005. <i>Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea.</i> VA. Corsten T. (ed.). 2010. <i>Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia.</i>
LIMC –	<i>Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.</i> Vol. II. Zurich, 1984
LSJ –	Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. <i>A Greek-English Lexicon.</i> Oxford, 1968 (Revised Supplement: by Clare P.G.W., Thompson A.A. Oxford, 1996)
NC –	<i>Numismatic Chronicle</i>
OJA –	<i>Oxford Journal of Archaeology</i>
RE –	Pauly A., Wissowa G., Kroll W. <i>Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.</i> Stuttgart, 1894–1978
SEG –	<i>Supplementum Epigraphicum Graecum</i>
SNG Ashmolean –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain.</i> Vol. V. <i>Ashmolean Museum Oxford.</i> Pt. IX. Ashton R., Ireland S. Bosphorus – Aeolis. Oxford, 2007
SNG von Aulock –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Sammlung v. Aulock Collection of Greek Coins from Asia Minor.</i> Vol. I–IV. New Jersey, 1987
SNG BM I –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain.</i> Vol. IX. <i>British Museum. Pt. I. Price M. The Black Sea.</i> London, 1993
SNG Cop. 4 –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum.</i> Vol. 4. <i>Bosphorus – Lesbos.</i> West Milford, 1982

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

SNG Cop. 5 –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Vol. 5. Ionia, Caria and Lydia.</i> West Milford, 1982
SNG Cop. 6 –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Denmark. The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum. Vol. 6. Phrygia to Cilicia.</i> West Milford, 1982
SNG Greece 3 –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Greece. T. III. Musée Numismatique d'Athènes III. Collection Antoine Christomanos. Pt. 1. Oeconomidès M. Italie – Eubée.</i> Athènes, 2004
SNG Israel I –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Israel I.</i> Houghton A., Spaer A., Lorber C. <i>The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins.</i> Jerusalem, 1998
SNG Keckman –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Finland. The Erkki Keckman Collection in the Skopbank, Helsinki. Pt I.</i> Westermark U., Ashton R. <i>Karia.</i> Helsinki, 1994
SNG München –	<i>Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland. Staatliche Münzsammlung München.</i> Berlin–München, 2002
RNSSP –	<i>Royal Numismatic Society Special Publication</i>
Syll ³ –	Dittenberger W. (ed.). <i>Sylloge inscriptionum graecarum.</i> Vols. 1–4 ³ . Lipsiae, 1915–1924.
TAM II –	Kalinka E. (ed.), <i>Tituli Asiae Minoris II. Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti.</i> 3 fasc. Vienna, 1920–1944
ZPE –	<i>Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik</i>

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕНА БОГОВ, БОЖЕСТВ, МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Амон 21
Аполлон 13, 14, 19–22
Аполлон 93
Арес 13, 15
Арита (Арета) 109
Артемида 13, 15, 19, 22
Асклепий 109, 110, 136
– Сотер 110
Афина 21, 22
Афродита 14, 19, 20, 22
Ахилл 25, 137
Гелиос 20
Гера 113
– Спасительница 109, 110
Геракл 18, 20, 22, 138
– Бураик 138
Деметра 20, 22
Дионис 138
Зевс 19, 22
Зевс 17, 109, 110, 113, 114
– Сотер (Спаситель) 109, 110, 113
– Ураний Сотер 113
Мать богов 138
Ника 21, 22
нимфы 138
Окс, божество реки 106
Пан 138
Пегас 19, 22
Посейдон 19
Родос, богиня 14, 22
Сарапис 138
Сфинкс 14

Ἀφροδίτη 137
Αἴας 137
Ἀρήτη (Ἀρίτη) 109
Ἀχιλλεύς 137
Δῆος 108
Διονῦς 115
Δῖος 108
Ἑρμῆς 137, 138
Ἑρως 137
Ζεὺς 108, 137
– Σωτήρ 109, 110, 113
Ἥρα 137
– Σώτριά 110
Θέτις 137
Νίκη 137
Νύξ 137
Οὐράνιος (Ζεὺς) 110

ИМЕНА ЛИЧНЫЕ

Древние авторы, исторические персоны

Акорнион из Дионисополя 111
Александр Великий 21, 22
Алкей 130

Аполлодор 102
Артемидор 138
Археанактиды 96
Аспург 113, 114
Афенодор, сын Селевка 115
Афинея 136
Гегесилох, родосец 136
Гермий 139
Герод, магистрат 21
Геродот 127
Гиппий, сын Антениппа 102
Гиппонакт 129
Гипсикратия 140
Деметрий 139
Демосфен 102
Диофант 111
Иосиф Флавий 10
Ирод, царь 10–11
Каллиген 136, 138, 139, 140
Каллигения 140
Койран, пантикапеец 16
Котис II 113–114
Левкон I 101
Лисандр 138
Лукиан 139, 140
Маей 110, 111, 113, 114
Марк Аврелий Андроник 115
Марк Агриппа 11
Марциал 139
Маст, сын Маея 111, 114
Мегилл 140
Мегилла 140
Мерид, лексикограф 139
Митридат VI 12, 16
– VI Евпатор 111, 140
– Евпатор 97
Павел, апостол 11
Павсаний 113, 138
Плутарх 139
Прусий I 6, 9, 12, 13, 15
Птолеми 6, 10, 21, 25, 27
Птолемей 102
Птолемей I 21, 24
Птолемей II Филадельф 7, 21, 24
Сапфо 16, 129
Селевк IV 6, 7, 12, 14
Селевкиды 6, 7, 14, 27
Солон 131
Спарток III 101
Спартокиды 96, 101, 102, 103
Страбон 10, 16, 24, 93, 101, 102, 103
Стратодем, сын Менестрата 110
Сулла 16
Тиберий 136
Тимарх 136
Феогнид 129
Фидий 128
Филенида 139
Филипп III Арридей 25
Формион 102
Цицерон 11

Эсхин 136

Ἀθηνόδωρος Σελεύκου 115
Δημήτριος 139
Ἑρμίας 139
Εὐβίος 139
Ἰούλιος Δ[ι]όνου 115
Ἰούλιος Ρόδων 115
Καλλιγένης 136, 138, 139
Μάρκος Αὐρήλιος 115
Μασθοῦς vide Μαστοῦς 110
Μαστοῦς 110
Μαστοῦς Μαέους 113, 114
Μενέστρατος Γ[ο]σ[ε]μφλί[ου] 115
Οὐλπιος Παρθενокλῆς 141
Πανδοσία 139
Ύψικράτης 140

Современные исследователи

Абрамзон М.Г. 93
Александреску П. (Alexandrescu P.) 126
Александровский М.А. 33, 38
Амандри П. (Amandry P.) 138
Амброз А.К. 53
Анфимов Н.В. 36
Апт С. 129
Ариэль Д. 6
Ахмедов И.Р. 48
Бандрик Ш. (Bundrick Sh.) 138
Безуглов С.И. 51
Бекетов, инженер штабс-капитан 146
Блаватская И.М. 33, 34, 7
Блаватская Т.В. 84, 136
Блаватский В.Д. 33, 34, 36, 96, 131, 132
Боде И.Э. 145
Болтунова А.И. 112, 113, 114,
Бритова Н.Н. 31–33, 35–37
Брухман К. (Bruchmann C.F.H.) 110
Ван дер Вейде Г. 142–146, 148–153
Ван Свинден 145
Вахтина М.Ю. 121
Вересаев В.В. 129
Виноградов Ю.А. 118–120, 153
Виноградов Ю.Г. 126
Витте (де) Я.Я. 145
Вишневская 155
Вольф Д. (Wolf D.) 21, 24
Воробьев А.Г. 34, 36
Вялова-Вейде Е.Б. 143, 146
Гайдукевич В.Ф. 35, 110, 111
Гартинг фон И.М. 148
Геверс 145
Гёрц К.К. 153
Горончаровский В.А. 112
Горохов, инженер-капитан 146
Деволан Ф.П. 145
Добровольская М.В. 41
Душенко А.А. 84
Дюпон П. (Dupont P.) 126
Ельницкий Л.А. 34

Жебелев С.А. 111–112
 Жиль Ф.А. 149
 Завойкин А.А. 126–127
 Замятина А.Н. 38
 Засецкая И.П. 152
 Застрожная Е.Г. 149
 Зеест И.Б. 36, 96–97
 Зинько В.Н. 118, 119, 124
 Зубарь В.М. 118, 119
 Иванов Вяч. 129, 130
 Иессен А.А. 149, 155
 Казанский М.М. 152
 Кайзер Й. 145
 Каллатай Фр., де (Callataÿ Fr.) 12
 Кёне Б.В. 149
 Кивокурцев Н.П. 35
 Кипарисов В.П. 155
 Кларк Э.Д. (Clark E.D.) 142, 143, 146–148, 149, 153
 Кобылина М.М. 35, 37
 Колычев С.А. 144
 Коровина А.К. 36, 96
 Корсаков А.И. 148, 149
 Кошеленко Г.А. 103
 Коэн Э. (Cohen E.E.) 129
 Кролл Дж. (Kroll J.H.) 15
 Крыжицкий С.Д. 117–119, 122, 124
 Кузнецов В.Д. 118, 136, 160
 Кузнецова Е.В. 91, 92, 96
 Кунина Н.З. 53
 Ларсон Дж. (Larson J.) 138
 Латышев В.В. 101, 111, 112
 Лебедев 34
 Ломакин П.И. 36
 Посева Н.М. 31, 32, 33, 36, 37
 Лукин В.Е. 34, 35
 Максимова Н. 155
 Малашев В.Ю. 50
 Манганаро Дж. (Manganaro G.) 139
 Марченко И.Д. 35
 Масленников М.А. 143
 Монахов С.Ю. 91, 92, 96
 Морель Ж.-П. (Morel J.-P.) 126
 Наливкина М.А. 35
 Нарышкин А.Л. 149
 Нарышкин, обер-гофмаршал 149
 Новичихин А.М. 106
 Паллас П.С. 147
 Панин Н.И. 144
 Передольская А.А. 149, 155
 Петерс Б.Г. 82, 86
 Плетнева С.А. 86
 Погребова Н.Н. 36, 37
 Потоцкий Ян Непомук (Иван Осипович) 147
 Прушевская 155
 Пул Р.С. (Poole R.S.) 21, 24
 Пятышева Н.В. 35
 Розенберг А.Г. 148
 Розов В.Н. 16
 Сапрыкин С.Ю. 112, 114
 Своронос И. (Svoronos J.N.) 21, 24

Семенов С.А. 83
 Скалон К.М. 150, 155
 Смирнов А.П. 34
 Соколовский Н.И. 132
 Сорокина Н.П. 53
 Стефани Л. 111, 112
 Стратановский Г.А. 24, 101, 103, 127
 Сударев Н.И. 93
 Суриков И.Е. 126–131 passim
 Толстиков В.П. 122
 Тункина И.В. 142–144
 Фемерс М.А. 145
 Финогонова С.И. 122
 Флерова В.Е. 81
 Хаагендорн Я., ван 144
 Харко Л.П. 31, 32, 36
 Цецхладзе Г.Р. (Tsetskhladze G.R.) 126
 Чернышев И.Г. 145
 Чистов Д.Е. 119, 124
 Шувалов А.П. 149
 Эйлер И.А. 145
 Яйленко В.П. 101, 113

van der Weyde, Gerrick (Hendrik) 144
 Vanderweyde 142

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Абидос 10, 25, 26
 Агриппия 115
 Александрия Египетская 25
 Александрия Троадская 6, 9, 13–15, 27
 Амис 6, 12, 13, 15, 22, 24, 27, 28
 Аморий 25
 Анатолия 6, 7, 9
 Антицит 97, 103
 Антиохия 10
 Антиохия Селевкия 7
 Апамея 15, 25
 Арсиноя Ликийская 24
 Артезиан, поселение 139
 Артюшенко 2, поселение и некрополь 27
 Асс 11
 Атталия 11
 Аттика 11, 24, 106, 110, 102, 106, 129, 130, 131, 137
 Афины 6, 7, 9, 11–13, 16, 24–26, 28
 Ахия 138
 Ашкелон 6–10, 14, 24
 Бакланья скала, поселение 26
 Балканский п-ов 86
 Балтийское море 145
 Баргилия 7, 10, 19, 22, 27
 Бельбек IV, некрополь 51
 Береговой 4 (Береговой-4), поселение 91, 92
 Березань 119, 121, 125, 126, 128
 Берлин 145
 Биляр 81, 86, 87

Болгар 81, 86, 87
 Боспор 6, 7, 9, 12, 15, 16, 22, 24, 25, 27, 28, 35, 49, 55, 93, 96, 101, 102, 103, 106, 111, 113, 122, 131, 139, 149, 150, 153
 – Азиатский 22, 24, 27, 39, 56, 57–58, 59, 75, 86, 91–93, 96, 97, 100–103, 111, 112, 142, 152, 153
 – Европейский 91, 111, 112, 114, 124
 – Киммерийский 39
 – Фракийский 11, 15
 Боспорское государство 131
 Боспорское царство 112, 113, 114
 боспоряне 24, 28, 101
 Бубастис 10
 Валовый I, некрополь 53
 Варшава 31
 Великая Греция 129, 132
 Великая Фригия 11
 Великобритания 142, 143
 Византий 11, 24
 Вилия, река 145
 Виноградный 2, поселение 15, 26
 Вифиния 15, 27
 Вифинское царство 13
 Владиславовка, село 33
 Волга 146
 Волна 4 (Волна-4), поселение 91, 93
 Восточная Европа 39, 117, 149, 151
 Гаага 143, 144
 Галикарнас 102
 Геллеспонт 15
 гераклеоты 22
 Гераклея Понтийская 7, 9, 17–18, 22, 24, 27, 28
 Гермий 19, 22
 Гермонасса 16, 22, 91, 92, 96, 97, 101, 110, 111, 122, 142
 Гиарос 11
 Гипанис 97, 103
 Голландия 144, 145
 Гомель 31
 Горгиппия 12, 15, 27, 93, 101, 102, 106, 107, 109, 110, 111, 113–115
 Горный Карабах 31
 греки 34, 106, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 125, 127, 128, 130, 131, 136
 Греция 83, 106, 129, 130
 Делос 7, 9, 11, 13, 15, 16, 24, 25, 26, 27, 28, 106, 137, 138
 Дельфы 106
 Днепр 145
 Дон 146
 Евбея 15, 27
 Египет 10, 21, 24
 Еникале 145, 146, 147
 Животинное городище 77, 84
 Закавказье 54, 86
 Западная Двина 145
 Заречное, село 84
 Иалис 10
 Иас 7, 10, 19, 22, 27
 Идалий 10

- Израиль 6, 7, 11, 16
 Илурат 35
 Ильинский, поселок 32
 Ильич, поселок 86
 Иония 9, 24, 27
 Италия 11
 Иудея 16, 27
 Калхедон 6, 9, 12–15, 27, 28
 Камир 10
 Камыш-Бурун, поселок 35
 Камышевский I, некрополь 52
 Каппадокия 11
 Кара-Агач 151
 Кария 24, 27
 Карпаф 10
 Каряжское городище 151
 Кенхрея 11
 Кеос 11
 Кепы 25, 26, 39, 101, 122, 127
 Керчь 34, 35, 145, 146, 148, 151, 152, 155
 Кесария 11
 Кизик 7
 Киклады 25
 Киликия 24
 Кипр 7, 10, 11, 16, 21, 27, 28, 106
 Киренаика 21
 Китей 113
 Клазомены 10
 Книд 7, 10, 11, 20–22, 24, 27, 28
 Колофон 7, 9, 19, 22, 27, 28
 колофонец 22
 Коринф 11, 80
 Кос 7, 9, 10, 11, 20, 22, 24, 27, 28
 Красноармейское 1, поселение 91
 Краснодар 36
 Краснодарский край 22, 26, 37
 Кротон 126
 Крым 33, 54, 86, 142, 147
 – Восточный 26
 – Западный 35
 Крымский п-ов 35, 137
 Крымское Приазовье 91
 Ксанф, город в Ликии 23
 Ксанф, река 7, 24
 Кубань, река 28
 Курий на Кипре 11
 Лабрис 92
 Лаврион 106
 Лакония 106
 Лампсак 7, 9, 10, 19, 22, 26, 27
 Лапаф 10
 Лебедос 22
 Левант 6, 7, 9, 10, 11, 12, 16, 25
 Левка, остров 25
 Лесбос 10, 11, 15, 130, 140
 Ликийская Лига 7, 10, 21, 23
 Ликия 10, 17, 18, 22, 23, 24, 27
 Ликополь 10
 Линд 10
 Малая Азия 6, 7, 9, 10, 11, 15–17, 21, 22, 24, 25, 27
 Мангуп 77, 80, 84
 Менда 92
 Меотиды 24, 101
 Метапонт 126
 Милет 11, 21, 24
 Минд 7, 10, 20, 22, 27
 Мирина 25, 26, 137, 138
 Мирмекий 16, 26, 27
 Мирмекий 35, 109, 118, 119, 120, 121
 Миры Ликийские 11
 Мисия 10, 27
 Митилена 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 22, 27, 28
 Митридат, гора 35, 122
 Москва 31, 32, 35, 130, 131, 142, 143, 147
 Мраморное море 6, 7, 10
 Мусса, река 145
 Наксос 16, 25, 26
 Невежа, река 145
 Неман 145
 Нижнее Поволжье 48, 86
 Нижнее Подонье 48
 Нижний Дон 53
 Никомедия 15
 Никоний 138
 Нимфей 26, 119, 122, 137, 139
 Ново-Александровка I, некрополь 52
 Новороссийск 15
 ойкумена 6, 9, 12, 129, 132
 Олимпия 106, 128
 Олинф 130
 Ольвия 120, 123, 137, 139
 Палестина 11
 Памфилия 10, 24
 Пантикапей 9, 16, 22, 24, 26, 27, 84, 91, 92, 96, 101–103, 109–115, 122, 137–139
 Парий 10
 Парнас 137, 138
 Парфений 35
 Патара 7, 18, 23, 24, 27
 Патрей 26, 91, 92, 101
 Пафлагония 11
 Пафос 7, 10, 11, 16
 Перга 11
 Пергам 26, 106
 Петербург 142, 145
 Пирей 103
 Писидия 24
 Поволжье 48, 86
 – Нижнее 86
 Подонье 51, 54, 77, 80, 86
 Подунавье 48, 54
 Понт 10, 15, 27, 25, 102, 117, 119, 127, 131, 132
 – Западный 115
 – Северный 117
 – Южный 101
 Порфмий 35, 121, 122
 Прикубанье 24, 28, 48, 75, 92, 93, 102
 Приуралье 48
 Причерноморье 24, 91, 123, 139
 Пропонтида 15
 Птолемида-Акко 11
 Рига 144, 145, 148
 Рим 11, 54, 83
 римляне 16
 Родос 6, 7, 9–12, 14, 16, 20, 22, 24, 26–28, 106
 Российская империя 142
 Российская Федерация 142
 Россия 126, 142–145
 Саламин 10, 11
 Самос 7, 9, 10, 11
 Самосдельское городище 87
 Самофракия 11
 Санкт-Петербург 143, 145, 148
 Сарды 10
 Саркел-Белая Вежа 77, 80, 81, 83, 84, 86
 Северное Причерноморье 35, 16, 54, 77, 80, 84, 91, 117, 118, 121, 122, 124, 126, 129, 131, 132, 139, 142
 Северный Кавказ 86
 Седлец, город (Польша) 31
 Селга 24, 27
 Селевкия 11
 Селитренное городище 86
 Сенная, станция 36, 149, 150, 151, 152, 155
 Сибарис 126
 Сибирь 149, 151, 155
 Сидон 7, 9, 10
 Сидон 11
 Синопа 6, 10–13, 15, 22, 24, 27, 28
 Сирия 106
 Сирия 11
 Сицилия 24, 139
 скифы 114
 Солёный 3, поселение 6
 Средиземное море 22
 Средиземноморье 6, 16, 24, 101, 102
 – Восточное 6–8, 10, 12, 13, 24, 25
 Средняя Азия 86
 Старотитаровская 17, поселение 15, 26
 Старотитаровская, станица 37
 Стира 139
 Судак 84
 Таманский залив 39, 146, 153
 Таманский п-ов 22, 25, 27, 91, 101, 111, 142, 150
 Тамань 3, поселение 27
 Тамань 4, поселение 27
 Тамань 14, поселение 16
 Тамань, п-ов 15, 16, 22, 24, 25, 27, 28, 145, 149, 151
 Тамань, станица 34, 35, 142, 145, 146, 148
 Таматарха 142
 Танаис 52, 86, 103, 110–112, 114, 115, 139
 Темир-гора 110
 Темрюк 142
 Теос 7, 9, 10
 Тепсен 84
 Тир 6, 7, 10–12, 14–17, 24, 27
 Тиритака 35, 119, 120, 123
 Тмутаракань 84
 Троада 11, 25, 27

Трогиллий 11
 Украина 126
 Усатова Балка-3, поселение 91
 Усатова Балка-4, поселение 91
 фанагорийцы 6, 11, 15, 16, 25
 Фанагория 6, 9, 10, 12, 15–18, 22–28, 34–37, 39, 40, 43, 44, 48, 53, 54, 56–59, 64, 71, 73, 75, 77, 78, 83, 84, 86, 87, 89, 91–93, 95–98, 100–103, 106, 107, 110–115, 122–125, 127–129, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 149–153
 Фанагория, крепость 145, 146, 147, 148
 Фаселида 10, 24, 25, 27
 фаселиты 24
 Фасос 92
 Феодоро 84
 Феодосия 101–103, 111, 114, 119
 Фессалоника 11
 Филиппы 11
 Финикия 6, 7, 11, 16, 21, 27
 Финский залив 145
 Фокея 26
 Фонталовская, станица 102
 хазары 86
 Халкида 15
 Херсон 148
 Херсонес 25, 80, 84, 111
 Хиос 6, 7, 9–12, 14, 15, 24, 26–28, 92
 Черное море 22, 39, 102
 Чертоватое 7, поселение 123
 Чубово, поселение 91, 92
 Шимарданская протока 103
 Шуша, город 31
 Эвбея 139
 Эгеида 6, 9, 10, 12, 13, 24, 25, 27
 – Северная 91, 92
 Элевсин 106
 Эллада 113, 131
 эллины 117, 119, 125, 127, 128, 129, 130
 Эпидавр 136
 Эретрия 6, 9, 12, 13, 14, 15
 Эрифры 26
 Эфес 7, 9, 11, 19, 22, 27

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

акротерий 73
 амулет 66, 80, 81, 83, 85, 86, 87
 апойкия 117, 121, 122, 124, 125, 126, 129, 130, 132
 апотропей 80, 136
 аппликация 66, 74, 75
 аристоклит 110, 115
 астрагал 78, 83, 84, 85, 136, 137, 138, 139, 140
 бабки
 – игральные кости 83, 136
 – игра 83, 84

бальзамарий 42, 52, 53, 72
 бетон 56, 57
 бешик 86
 божество 73, 108, 109, 110, 138
 ботрос 63, 65
 всадник 39, 48, 53, 54
 всадничество 54
 герой 73, 137
 гладилка 82
 горн 128
 гроб 34, 43, 59, 61, 63, 65, 67, 73, 75
 диафиз 87
 дилептон 14, 16
 диобол 9, 22
 дромос 34, 56, 59, 61, 63, 65, 66, 75, 153
 дрот 152
 дротики стиратиковые 24
 землянка 117–128, 130, 131
 зеркало 66, 67
 игольник 79, 80, 81
 индикация 54, 66
 ирис сельгыйский 24
 кадуцей 20
 камка, морские водоросли 61, 147
 капитель 73
 каст 71
 клеромантия 138
 клерухия 7, 9, 13, 15, 16, 26
 клинок 48, 49, 50, 71
 клуазонне 153
 кочедык 80
 метаподия 78, 82, 87
 метек 130
 меч 13, 15, 19, 33, 34, 42, 43, 46, 48–54, 71
 нессарх 114
 ножны 49, 50
 оссуарий 63
 паноплия 39
 перекрестие (меча) 48
 перипл 6, 7, 10, 12, 15, 102
 периррантерий 106, 107, 108, 113, 114
 пиксида 66
 пилястра 147
 племохойя 13, 15
 плеть 39, 40, 42–44, 46–48, 51, 54, 55
 плинтофор 14, 16
 полис 15, 96, 101, 103, 127, 129, 140
 полуземлянка 117–120, 123, 125, 128
 портупея 42, 48, 50–53
 проксения 25
 прора 20, 22
 рашпиль 82
 ремень 48, 50, 51, 52, 69
 рукоять 42–44, 46–49, 54, 78, 79
 саркофаг 43, 59, 63, 65, 67, 73, 74, 75, 147
 светильник 34, 66, 71
 сигль 25
 скифос 139
 склаваж 148
 склеп 40, 56–75 passim, 147, 152, 153

статер 24, 25
 стефания 14
 стиль (стилос) 80
 сумак 84–87
 сфендон 19
 тандыр 128
 теменос 106
 терракота (статуэтка) 66, 67, 75
 тетрадрахма 25
 трибада 138–140
 урбанизм 119
 урбанистика 126
 фиас 115
 – навклеров 115
 фиасот 110
 фибула 33, 34, 42, 50, 53, 66, 67
 фольга 69, 73
 халк 24
 черен (черенок) 48, 49
 шашки
 – игра 138
 – фишки для игры 84, 138
 шумек, сумак 86
 эмпорий 103
 эпифиз 78, 80, 87

 periplus hoard 7
 tribas 139
 tribas tribadum 139
 vica ervilia 28

 αἰθήρ, ὁ 106
 ἀρτιασμός, ὁ 136
 ἀστρογάλος, ὁ 138
 βασιλεία, ἡ 111, 112
 διαταίριστρια, ἡ 139
 ἐορτή, ἡ 137, 138
 ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, ὁ 111, 115
 ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ 111, 112, 114, 115
 ἐπὶ τῆς Γοργιππείας, ὁ 141
 ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας, ὁ 111, 115
 ἐπὶ τῆς νήσου, ὁ 114
 ἐταιρίστρια, ἡ 139
 καταπύγαινα 139
 καταπύγων 139
 κυβεία, ἡ 136
 κύβος, ὁ 136
 ὀλισβος, ὁ 139
 πεντέλιθα, τά 136
 πρᾶνῆς 136
 πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ 115
 πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας, ὁ 111, 115
 περιωρραντήριον, τὸ 106
 τριβάς, ἡ 136, 138
 τρόπα 136
 χέρνιψ, ἡ 106
 ὠμίλλα, ἡ 136

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ФАНАГОРИЯ»

ФАНАГОРИЯ
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том 7

Под общей редакцией В.Д. Кузнецова

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ
Выпуск 4

Под редакцией В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина

Ассоциация исследователей «Историко-культурное наследие Кубани»
www.phanagoria.info

Макет, верстка, цветокоррекция
Е.Д. Петрова

Подписано в печать 20.04.18.
Формат 70х100 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Helvetica CY.
Тираж 350 экз.

Изготовлено: ООО «Новые решения»

ISBN 978-5-94375-249-0

9 785943 752490